

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

№ 3 (29) • 2019

Тема номера:
ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕНИЯ ЕАЭС И ЭПШП (К 70-ЛЕТИЮ КНР)

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2019
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

№ 3 (29) • 2019

Topic of the Issue:
PROBLEMS OF CONNECTING THE EAEU AND THE SREB
(ON THE 70TH ANNIVERSARY OF THE PRC)

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.ejournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economy, Law, Policy“ (compilation), 2019
- © All rights reserved

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, советник Президента Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

ЖАКЫПОВА Фатима Надыровна, ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор экономических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

НАСЫРОВ Алмаз Турусбекович, ректор Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, кандидат экономических наук

ПАЛЬЧИК Геннадий Владимирович, ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор педагогических наук

РАХИМОВ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

РАХИМОВ Ибод Хабибулаевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Маджлиси Оли Республики Таджикистан в МПА СНГ, ПА ОДКБ

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

ХАНЬ Лихуа, директор Института Конфуция Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АКАЕВ Аскар Акаевич, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, доктор технических наук

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол, кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета, доктор политических наук

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор экономических наук, кандидат политических наук, доцент

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, профессор, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, доктор юридических наук

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, заведующий кафедрой истории и теории государства и права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор юридических наук

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика»

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэвийн, профессор, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPa, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPa, PhD of Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor in Law

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

ZHAKYPOVA Fatima, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

NASIROV Almaz, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, PhD in Economics

PALCHIK Gennady, Rector of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Doctor of Pedagogical Sciences

RAHIMOV Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

RAHIMOV Ibod, Deputy Secretary General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan to the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

HAN Lihua, Director of Confucius Institute of Russian State University for the Humanities, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Director of the Integration Development Department of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

AKAEV Askar, professor of Lomonosov Moscow State University, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

ASAUL Maksim, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission, Doctor of Economics

DENISOV Andrey, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University, Doctor of Political Sciences

YEREMEEV Stanislav, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Doctor of Economics, PhD of Political Sciences, Associate Professor

KAZANTSEV Andrei, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Economics

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law, editor of the "Law" section

KROTOV Mikhail, the Chief of staff of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Committee on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countryman, Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, editor of the "Economics" section

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law, Doctor in Law

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, Doctor in Law

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, Doctor of History

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road", Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

TOROPYGIN Andrei, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Political Sciences, editor of the "Politics" section

KHASH-ERDENE Sambalhundeviin, Professor, Chairman of the society «Knowledge» of Mongolia, Doctor of Sociological Sciences

CHEN ZHIGAN, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg, Doctor of Economics

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
№ 3 (29) 2019

Содержание

От главного редактора

Глазьев С. Ю.

Российско-китайское экономическое сотрудничество: трансформировать политическую волю в масштабные кооперационные проекты 9

ГЛАВНОЕ

Денисов А. И.

Два семидесятилетия 11

Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И., Ершов М. В., Митяев Д. А., Нагорный А. А., Ван Вэнь, Ян Цинцин, Джон Росс, Гуань Чжаоюй, Чжан Тинтин

Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России 13

ЭКОНОМИКА

Томайчук Л. В.

Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества 31

ПРАВО

Атнашев В. Р., Яхъеева С. Н.

Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом 37

Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Яндукова М. В.

Международные договоры и юрисдикция государств в современных геополитических условиях 43

Лебедев А. С., Гинойн А. А.

Международно-правовые источники сохранения водных биоресурсов Каспийского моря 53

ПОЛИТИКА

Волкова А. В.

Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля 59

Кефели И. Ф.

Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» 65

Томин Л. В., Балаян А. А.

Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру? 77

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Субботин А. М.

В Евразийском союзе будет обеспечена полная кооперация всех отраслей (интервью) 83

Положения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (в редакции ЕЭК) 86

Короткой строкой 99

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Лукницкий П. Н.

Таджикская экспедиция. Средняя Азия 103

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 117

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics
International scientific-analytical journal
№ 2 (28) 2019

CONTENTS

From the Editor-in-Chief

Sergei Y. Glazyev Russian Chinese Economic Cooperation: Transforming Political Will into Large-Scale Cooperation Projects	9
---	---

MAIN

Andrei I. Denisov Two Seventies	11
Sergey Yu. Glaziev, Violetta V. Arkhipova, Alexander I. Ageev, Mikhail V. Ershov, Dmitriy A. Mitjajev, Alexander A. Nagorny, Wang Wen, Yang Qingqing, John Ross, Guan Zhaoyu, Zhang Tingting Issues and Status of Conjugation Processes of the Eurasian Economic Union and the Initiative “One Belt, One Road” in the Representations of China and Russia	13

ECONOMICS

Lilia V. Tomaichuk Digitalization of China’s Economy: Risks and Opportunities for Society	31
---	----

LAW

Vadim R. Atnashev, Sadaf N. Yakheeva International Cooperation on Cybercrime and Cyberterrorism	37
Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev, Maria V. Yandukova International Treaties and Jurisdiction of States in Modern Geopolitical Conditions	43
Alexandr S. Lebedev, Arman A. Ginoyan International Legal Sources of Aquatic Bioresources Safety in the Caspian Sea	53

POLITICS

Anna V. Volkova Digital Vigilance: The Ethics of Network Communication and the Limits of Civilian Control	59
Igor F. Kefeli Geopolitical Aspects of the Initiatives and Projects Forming Greater Eurasian Partnership	65
Leonid V. Tomin, Aleksandr A. Balayan Digital Panopticon. How do Autocracies Use Technological Infrastructure?	77

EURASIAN CHRONICLE

Alexander M. Subbotin Full Cooperation of All Sectors Will Be Ensured in the Eurasian Union (interview)	83
Regulation on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and China (as Amended by the EEC)	86
Short Line	99

OUR PUBLICATIONS

Pavel N. Luknitsky Tajik Expedition. Middle Asia	103
--	-----

FOR AUTHORS OF THE JOURNAL

Guidelines for the design of articles accepted for consideration by the editors	117
---	-----

Российско-китайское экономическое сотрудничество: трансформировать политическую волю в масштабные кооперационные проекты

Сергей Юрьевич Глазьев

Советник Президента РФ, доктор экономических наук, академик РАН, Москва, Российская Федерация; <http://glazev.ru/>

Russian Chinese Economic Cooperation: Transforming Political Will into Large-Scale Cooperation Projects

Sergei Y. Glazev

Advisor to the President of the Russian Federation, Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the RAS, Moscow, Russian Federation; <http://glazev.ru/>

Российско-китайское экономическое сотрудничество политической волей лидеров Российской Федерации и Китайской Народной Республики носит характер стратегического партнерства, которое нуждается в содержательном наполнении перспективными совместными проектами и поддержке эффективно функционирующими институтами развития. Несмотря на беспрецедентный уровень взаимопонимания между В. В. Путиным и Си Цзиньпином, реализация кооперационной повестки между странами, в основном по субъективным причинам, пока хромает: уже утвержденные на высшем уровне планы, в том числе в рамках сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс — один путь», все еще остаются на бумаге. При таком инерционном сценарии воплощения в жизнь актуальных программ сотрудничества дальше протокольной констатации отличных взаимоотношений между странами дело не пойдет.

Для углубления всестороннего сотрудничества между двумя странами, расширения культурного обмена и экономического взаимодействия, достижения целей общего процветания и национального возрождения необходимо провести всестороннюю диагностику состояния кооперационных связей между Россией и Китаем после окончания «холодной войны». Для этого в формате Российско-Китайского экономического диалога высокого уровня и был подготовлен публикуемый в этом номере журнала актуальный доклад двух мозговых центров наших стран — «Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы “Один пояс — один путь” (ОПОП) в представлениях Китая и России». В нем предпринимается, пожалуй, «пилотная» попытка провести ревизию сделанного в рамках сопряжения интеграционных инициатив, систематизировать проблемы, выработать универсальные рецепты реагирования на тормозящие формирование Большого евразийского партнерства процессы.

Итак, что мы имеем.

Высокий уровень российско-китайского экономического сотрудничества посредством тесных политических взаимосвязей. Российско-китайские взаимоотношения в настоящее время находятся в своем наилучшем историческом состоянии. Наши страны придерживаются общей позиции по вопросам совместного противостояния западной гегемонии, укрепления тенденций развития глобальной многополярности и обеспечения мира и стабильности в международных отношениях. Для поддержания стабильности на национальном и региональном уровнях Россия и КНР открыто выражают взаимное доверие, активно взаимодействуют в выстраивании стратегических кооперационных связей в формате институционального сотрудничества в рамках ШОС, БРИКС и других международных объединений и организаций. Для решения двусторонних и национальных проблем развития мы опираемся на нерушимые принципы дружбы и взаимного уважения, в том числе совершенствуя способы взаимодействия сторон, включая частые контакты глав государств, членов парламентов, постоянные межправительственные связи. Регулярно осуществляется взаимодействие между органами местной власти с различными организациями и предприятиями сторон.

Глазьев
Сергей
Юрьевич
Советник
Президента РФ,
доктор
экономических
наук,
академик РАН

Реализуя поставленную главами государств задачу сопряжения ЕАЭС и проекта ОПОП, Россия и КНР добились успехов в различных областях экономики и других сферах общественной жизни, где ранее наблюдался слабый уровень взаимодействия, в результате наши взаимоотношения вышли на качественно новый этап. Однако двустороннее политическое сотрудничество было и остается гораздо более продуктивным, нежели сотрудничество экономическое.

Констатируя свершившееся сопряжение политических усилий, необходимо выделить приоритетные направления экономического сотрудничества. Имея в виду синергетический эффект, а также подчиненность цели формирования Большого евразийского партнерства, нас, прежде всего, интересует сотрудничество в области инфраструктуры и финансов.

Содействие развитию взаимосвязанности и инфраструктуры. В последние годы Китай и Россия добились существенного продвижения во взаимной торговле. Постоянно развивается трансграничное инфраструктурное сотрудничество двух стран: расширяются транспортные каналы, становится более интенсивным обмен специалистами и технологиями, существенно активизируется двустороннее многопрофильное взаимодействие.

Функционируют шесть специализированных транспортных «коридоров», из них «Экономический пояс Шелкового пути», Российско-Китайско-Монгольский экономический коридор и Новый евразийский континентальный мост непосредственно проходят через Россию, соединяя Китай, Центральную и Западную Азию. Восточный, центральный и западный участки железнодорожного сообщения между Китаем и Европой проходят через Россию. В 2018 г. активизировалось двустороннее взаимодействие по вопросам строительства и развития «Ледяного Шелкового пути». В рамках этого направления двустороннего взаимодействия, прежде всего, от российской стороны требуются деятельные усилия по инвестированию в перспективные транспортные артерии и инфраструктурные объекты, образующие каркас сопряжения ЕАЭС и ОПОП.

Развитие финансовой интеграции. В последнее время наряду со стремительным ростом объемов торговли из года в год увеличиваются трансграничные потоки человеческого и финансового капиталов между Россией и Китаем. Финансовое сотрудничество двух стран становится все более тесным, однако его уровень остается недостаточным и не соответствует ни потребностям растущего торгово-экономического сотрудничества, ни потенциалу кооперации в научно-технической и производственной сферах. Финансовая сфера остается узким местом в сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь», нуждающемся в крупномасштабных совместных инвестициях.

Сформирован ряд механизмов по управлению и координации деятельности. В рамках межгосударственного сотрудничества сторон создана Подкомиссия по финансовому сотрудничеству между центральными банками, которая сыграла важную роль в содействии ведению расчетов в национальных валютах, организации листинга торговых операций, по взаимному учреждению банков, обеспечению надзора и контроля. Правительства России и Китая укрепляют финансовую кооперацию наших государств посредством поддержки учреждения и развития Российско-китайского фонда прямых инвестиций, Фонда Шелкового пути, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Межбанковского объединения ШОС.

Финансовое сотрудничество между Китаем и Россией должно быть многократно углублено и расширено как в традиционном банковском секторе, так и в смежных сферах, таких как страхование, фондовые рынки и другие области финансового сектора. Необходим перевод трансграничной торговли и совместной инвестиционной деятельности на расчеты в национальных валютах, что будет способствовать более тесному финансовому взаимодействию, интеграции финансовых рынков и межбанковскому сотрудничеству. Эту работу следует резко интенсифицировать в свете быстрого разрушения сложившихся механизмов международного валютно-финансового и торгово-экономического сотрудничества под влиянием принимаемых властями США антироссийских санкций и торговой войны против Китая.

Подробнее о механизмах разрешения существующих противоречий и снятия проблем — в публикуемом материале. Авторский коллектив доклада рассчитывает на деятельное участие экспертов журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в дальнейшей работе в этом направлении. Комментарии, замечания и экспертные оценки редакция просит направлять заместителю главного редактора журнала И. Ф. Кефели (geokefeli@mail.ru).

Денисов А. И., Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике

1 октября 2019 г. наш восточный сосед — Китайская Народная Республика — отмечает свое 70-летие. На следующий день, 2 октября, исполняется столько же лет со дня установления дипломатических отношений между Советским Союзом и новым Китаем. Наша страна тогда первой заявила о его признании. Телеграмму в Пекин с поручением объявить о принятом Москвой решении подписал заместитель министра иностранных дел Андрей Андреевич Громыко — на долгие годы ему суждено будет стать первым лицом отечественной дипломатии. А исполнил поручение торжественного признания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между СССР и КНР генеральный консул Сергей Леонидович Тихвинский — будущий академик, патриарх нашего китаеведения, бессменный председатель Общества дружбы с Китаем (наш единственный очевидец провозглашения КНР, к сожалению, скончался 24 февраля 2018 г., совсем немного не дожив до ее 70-й годовщины и своего собственного 100-летнего юбилея).

За истекшие 70 лет — а это примерный срок активной фазы человеческой жизни — и Китай в своем развитии, и наши двусторонние отношения знавали разные времена. Здесь, на мой взгляд, уместным будет вспомнить высказывание одного китайского политического деятеля: «Не перегибать — не выправишь». Китай пережил периоды и подъема, и спада, вкусил плоды успешных социалистических преобразований и осуждаемых сегодня самими китайцами разрушительных псевдореволюционных экспериментов. Но в конечном итоге была найдена в полной мере отвечающая специфике страны и гибко использующая благоприятные внешние условия модель общественного развития, которая принесла, не побоюсь такого определения, грандиозные результаты. Речь идет о «политике реформ и внешней открытости», запущенной в Китае 40 лет назад. Я работал в Пекине в те и последующие годы и как очевидец могу подтвердить, что страна и общество менялись на глазах с поразительной быстротой. И продолжают меняться в наши дни, которые в Китае принято называть «новой эпохой».

С нынешнего года о новой эпохе мы с китайскими партнерами стали говорить и применительно к российско-китайским отношениям «всеобъемлющего взаимодействия и стратегического партнерства». Речь идет об исторической новизне и в двусторонних отношениях как таковых, и в той внешней среде, на фоне которой они выстраиваются. Мир стал сложнее, крепнут факторы неопределенности в его динамике. В этих непростых обстоятельствах Российская Федерация и Китайская Народная Республика, приверженные собственным национальным интересам, находят линии взаимодействия и играют стабилизирующую роль в мировых делах.

Перспективный элемент новизны в отношениях России и Китая — начало продвижения к интеграционной модели экономического сотрудничества, своего рода «интеграции интеграций». С 2015 г. в нашем понятийном ряду появился термин «сопряжение», характеризующий стыковку интеграционного проекта Евразийского экономического союза, где активно участвует Россия, и китайской инициативы глобального масштаба и значения, зародившейся в 2013 г. и известной сегодня под брендом «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI). «Пояс» здесь экономический, а «путь» — отсылка к известному из истории «Шелковому пути» как символу межкультурного общения.

В этом совместном новаторском начинании простых решений ждать не приходится. Стороны это хорошо понимают. Но начало положено, первый практический шаг сделан — в мае 2018 г. подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между государствами — членами ЕАЭС и Китаем. На подходе новые документы, формирующие базу сопряжения.

Возвращаясь к юбилейной теме, хотел бы процитировать известный афоризм Конфуция из собрания его изречений «Луньей»: «В семьдесят я стал следовать велению сердца, не преступая меры». Эти слова, полагаю, вполне применимы к 70-летнему рубежу в наших отношениях с Китаем. Они ведь «следуют велению сердца», будучи деидеологизированными, основанными на принципах добрососедства, взаимного уважения и равноправия. Это наше общее достояние, его надо ценить, помнить, как нелегко оно досталось, и приумножать, «не преступая меры», то есть обдуманно и расчетливо.

Пекин, август 2019 г.

Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России

Российская исследовательская группа:

Глазьев С. Ю.^{1,*}, Архипова В. В.², Агеев А. И.³, Ершов М. В.⁴, Митяев Д. А.⁵, Нагорный А. А.⁶

¹ Российская академия наук (РАН), Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация; * prgm_glazьев@gov.ru

² Институт экономики РАН, Москва, Российская Федерация; q123zv@yandex.ru

³ Институт экономических стратегий РАН, Москва, Российская Федерация; ageev@inesnet.ru

⁴ Институт энергетики и финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация; lupandina@fief.ru

⁵ АНО «Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева», Москва, Российская Федерация; misk.mda@mail.ru

⁶ Ассоциация политических экспертов и консультантов, газета «Завтра», Изборский клуб, Москва, Российская Федерация; aanagor@mail.ru

Китайская исследовательская группа:

Ван Вэнь⁷, Ян Цинцин⁸, Джон Росс⁹, Гуань Чжаоюй¹⁰, Чжан Тинтин¹¹

⁷ Институт финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY), «Школа Шелкового Пути» при Китайском народном университете (Пекин, Китай); wangwen2013@ruc.edu.cn

⁸ Институт финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); yangqingqing2013@ruc.edu.cn

⁹ Институт финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); администрация Департамента экономической и деловой политики (Лондон, Великобритания); Johnross43@gmail.com

¹⁰ Отдел международных исследований Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); guan_zhaoyu@126.com

¹¹ Отдел международных исследований Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); katia19910710@163.com

РЕФЕРАТ

Процессы реализации и «состыковки» масштабных наднациональных проектов, таких как Евразийский экономический союз и инициатива «Один пояс — один путь», требуют постоянного анализа внешних и внутренних факторов, определяющих их развитие, а также незамедлительной реакции и принятия государственных решений в особенности со стороны наиболее активных и крупных государств — участников этих инициатив: России и Китая. Данная статья-доклад продолжает посвященной анализируемой тематике цикл исследовательских работ российско-китайского авторского коллектива под руководством Советника Президента РФ, академика РАН С. Ю. Глазьева и исполнительного директора Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета, профессора Ван Вэня. Целью настоящего исследования является продвижение и практическое содействие процессам сопряжения ЕАЭС и ОПОП. Применяемая в работе методология исследования объединяет широкий спектр методов: от общенаучных, включая системный подход к изучению процессов сопряжения в различных сферах общественной жизни, статистический (на основе национальных баз данных) и сравнительный анализ достижений национальной экономики и т. п., до специализированных, таких как современные инструменты научной дипломатии. В результате исследования дана оценка текущего состояния и выявлены ключевые риски и проблемы процессов сопряжения ЕАЭС и ОПОП, выработаны рекомендации для повышения эффективности сотрудничества, а также количественных и качественных показателей межстранового взаимодействия. Кроме того, совместными усилиями обеих сторон сформирован авторский Глоссарий, содержащий базовые термины, устраняющий неправильную или ложную трактовку и углубляющий понимание процессов сопряжения на пространстве Евразии. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на достижения в политическом взаимодействии стран — участниц ЕАЭС и ОПОП, валютно-финансовое и экономическое сотрудничество остается сферой с наибольшим потенциалом для развития в силу наличия как «узких мест», так и открывающихся перспектив, связанных с переходом к новому технологическому и мирохозяйственному укладу. Особое внимание уделяется выработке стратегии сопряжения ЕАЭС и ОПОП и совместному созданию мирового порядка на основе широкой евразийской интеграции. Текст статьи представлен в техническом переводе оригинального российско-китайского доклада на английском языке.

Ключевые слова: экономическое взаимодействие, финансовое сотрудничество, новый мировой порядок, смена технологических и мирохозяйственных укладов, совместный механизм развития, совместный глоссарий

Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the “Belt and Road” Initiative between China and Russia

Russian Research Team:

Sergey Yu. Glaziev^{a, *}, Violetta V. Arkhipova^b, Alexander I. Ageev^c, Mikhail V. Ershov^d, Dmitriy A. Mitjajev^e, Alexander A. Nagorny^f

^a Russian Academy of Sciences (RAS), Administration of the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; * prn_glazjev@gov.ru

^b Institute of Economics RAS, Moscow, Russian Federation; q123zv@yandex.ru

^c Institute of Economic Strategies RAS, Moscow, Russian Federation; ageev@inesnet.ru

^d Institute for Energy and Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; lupandina@fief.ru

^e International Institute of P. Sorokin – N. Kondratiev, Moscow, Russian Federation; isk.mda@mail.ru

^f Political Experts and Consultants Association, Newspaper “Tomorrow”, Izborsky Club, Moscow, Russian Federation; aanagor@mail.ru

Chinese Research Team:

Wang Wen^a, Yang Qingqing^b, John Ross^c, Guan Zhaoyu^d, Zhang Tingting^e

^a Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY), Silk Road School; Beijing, China; wangwen2013@ruc.edu.cn

^b Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY), Beijing, China; yangqingqing2013@ruc.edu.cn

^c Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY), Beijing, China, Administration of the Department of Economic and Business Policy, London, UK; Johnross43@gmail.com

^d Department of International Studies of the Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY), Beijing, China; guan_zhaoyu@126.com

^e Department of International Studies of the Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY), Beijing, China; katia19910710@163.com

ABSTRACT

Implementation and “interconnection” of large-scale supranational projects, such as the EEU and the BRI, require constant analysis of external and internal factors determining its development, immediate reaction and decision-making by the most active and large member countries participating in these initiatives — by Russia and China. This paper continues the research series being made by Russian-Chinese team under the guidance of the Counselor to the Russian President, academician of RAS Dr. Glaziev and Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies at Renmin University of China, Professor Wang Wen. The paper’s purpose is promotion and practical assistance to conjugation between the EEU and the BRI. The methodology having been used in the research combines a wide range of methods: from general scientific ones, including a systematic approach to the investigation of conjugation processes, statistical and comparative analyses of the national economies’ achievements, etc., to specialized technique, such as modern tools of scientific diplomacy. We made assessment of the current state and identification of key risks and problems of conjugation between the EEU and the BRI, offered recommendations for improving its efficiency as well as raising quantitative and qualitative indicators of inter-countries interaction. Joint efforts of both sides formed authors’ Glossary which contains the basic terms, eliminating incorrect or false interpretation and deepening understanding of conjugation processes in the space of Eurasia. We reached a conclusion that despite the achievements in political collaboration of the countries, financial and economic cooperation within the EEU and the BRI remains a sector with the greatest potential for development not only because of the bottlenecks’ availability, but also thanks to the opportunities being opened with transition to a new technological and world economic mode. Particular attention is paid to the development of conjugation strategy and joint creation of new world order on the basis of broad Eurasian integration. The text of the article is presented in a technical translation on the original Russian Chinese report in English.

Keywords: economic interconnection, financial cooperation, new world order, world technological and economic modes’ changing, joint development mechanism, joint glossary

Введение

Мир в 2019–2024 гг. переживает фундаментальный поворот в технологическом, экономическом и военно-политическом отношениях. Усиливаются риски локальных и глобальных войн, чреватых уничтожением человеческой цивилизации. Мировой экономический порядок переживает в настоящее время в более медленных темпах кризис, сопоставимый с периодом 1913–1950 гг., когда произошли фундаментальные изменения в мировой экономике и международных отношениях. Тогда смена технологических и мирохозяйственных укладов была опосредована двумя мировыми войнами

и социальными революциями. Столь же катастрофические последствия смены миропорядка возможны и в настоящее время. Попытки доминирующих слоев правящей элиты США удержать глобальное лидерство методами гибридной войны напоминают методы британских властей столетней давности.

Спровоцировав Первую мировую войну, Великобритания добилась уничтожения трех европейских империй. Но возникший на обломках Российской империи СССР открыл новую эру в истории человечества, построив мировую систему социализма, окончившую с колониальным мирохозяйственным укладом. Попытки Великобритании удержать глобальное лидерство, вначале путем запрета импорта американских товаров, а затем посредством развязывания Второй мировой войны в Европе руками гитлеровских нацистов, напоминают современную политику США по развязыванию мировой гибридной войны, включающей финансовые санкции в отношении России, торговую войну против Китая, региональные войны на Ближнем и Среднем Востоке, государственные перевороты и «цветные революции» в независимых государствах с целью подчинения их своему господству. Все это — типичное поведение теряющего гегемонию лидера в период смены мирохозяйственных укладов.

Ранее мировые и крупные региональные войны сопровождали выход из таких кризисов, опосредующих смену мирохозяйственных укладов. Сегодня американская властвующая элита пытается использовать войну как способ разрешения накопившихся экономических противоречий. Обе наши страны являются объектами экономических и финансовых атак со стороны США и Запада в целом. Последние пять лет Россия ведет борьбу с несправедливыми экономическими и финансовыми санкциями. В последнее время была развязана беспрецедентная торговая война против Китая. В обоих случаях мы можем наблюдать конечную цель Вашингтона, которая заключается не только в попытке нанести удар по нашим международным позициям, но и в желании добиться полной капитуляции и уничтожения наших стран.

Этим негативным фундаментальным трендам противостоят Российская Федерация и Китайская Народная Республика. Именно эти две великие державы несут на своих плечах сдвоенную ответственность — за выживание человечества и избежание войн. В прошедшие годы Москва и Пекин обозначили стратегический характер своего взаимодействия. Многие сделано благодаря руководителям обеих стран. Но наполнение стратегического каркаса идет не всегда гладко и быстро, а международные события и изменения обгоняют результаты наших усилий. Нам еще предстоит сделать многое для развития стратегического взаимодействия — не на словах, а на деле.

Во-первых, необходимо создавать крупные совместные проекты в рамках реализации инициатив ОПОП, связанных с деятельностью ЕАЭС. Стратегическое партнерство между нашими странами должно иметь прочный экономический фундамент. Для этого наряду с наращиванием взаимной торговли необходимо расширять производственную кооперацию, стимулировать создание совместных предприятий, поощрять инвестиционное сотрудничество.

Во-вторых, необходимо защитить наше экономическое сотрудничество от враждебных действий гегемонистских сил, стремящихся подорвать его посредством противозаконных санкций и провокаций. Прежде всего, речь идет о дедолларизации платежно-расчетных отношений между нашими странами. Это касается и глобальной валютно-финансовой системы, в которой по-прежнему доминирует доллар, и поэтому мы должны сделать революционный шаг на пути к построению более справедливой системы мировых валютно-финансовых отношений, основанной на принципе многополярности.

Наконец, важно обеспечить безопасность нашего информационного пространства. Спецслужбы США активно используют кибернетическое оружие с целью дестабилизации информационных систем независимых государств, вмешательства в их внутренние дела, совершения террористических актов. Благодаря колоссальным успехам КНР в сфере информационных технологий и передовому уровню российских математиков и программистов мы в состоянии обеспечить технологическую независимость в этой области. Чтобы нейтрализовать американскую агрессию в киберпространстве, необходимо заключить международную Конвенцию по кибербезопасности, предусматривающую введение эмбарго в сфере торговли продуктами информационных технологий в отношении стран, отказывающихся к ней присоединиться.

Эти изменения неизбежны. Ответственность наших государств за судьбу мира, особенно в военно-политических и экономических делах, исключительно важна не только для народов наших стран, но и для всей планеты. Мы уже проделали большую работу и смогли далеко продвинуть процессы сотрудничества в рамках международных форматов и институтов, таких как «Группа Двадцати» и ШОС. И если мы не сумеем в ближайшее время создать надежное «сцепление» экономик и технологий, то не победим силы войны. Для этого много сделано, но еще больше предстоит сделать.

Именно поэтому необходимо углублять взаимопонимание в вопросах сопряжения, с тем чтобы углубить двустороннее доверие и эффективнее решать возникающие проблемы. Для этого советник Президента Российской Федерации, академик Российской академии наук, д. э. н., профессор С. Ю. Глазьев и исполнительный директор Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, профессор Ван Вэнь совместно с представителями авторитетных аналитических центров двух стран приступили к осуществлению исследовательской деятельности в указанном направлении. Целью данной инициативы является содействие сопряжению ОПОП и ЕАЭС.

1. Первичные результаты и достижения сопряжения ЕАЭС и ОПОП

Мир переживает сложный период смены технологических и мирохозяйственных укладов. Технологическая революция дополняется фундаментальной трансформацией в системе мировых экономических отношений. Центр мировой экономики перемещается в Азию, где начинают формироваться новые институты развития, новые способы организации производства и новая архитектура международных экономических отношений. Люди сталкиваются с усилением неравенства в глобальном развитии, а протекционизм, санкции, торговые войны, пагубные последствия трансконтинентального движения капитала и т. д. еще больше усугубили нестабильность во всем мире.

Высокий уровень неопределенности на мировых финансовых рынках создает дополнительный вызов для развития стран. Эффекты растущего «пузыря» на фондовом рынке и последствия высокого уровня задолженности во всех секторах экономики развитых государств не нивелируются и не сглаживаются посредством необходимого для этого темпа экономического роста. Регулирующие органы имеют ограниченное пространство для политического маневра в целях борьбы со спадами и ускорения экономической активности. Это повышает риски на глобальных рынках, способные привести к «эффекту заражения» и вызвать негативные последствия для ОПОП и в странах ЕАЭС. Кроме того, политическая напряженность в ряде регионов создает риски для устойчивого развития основных сырьевых рынков, которые могут нарушить выстроенное рабочее взаимодействие.

Для сохранения многостороннего торгового порядка Китай и Россия от имени развивающихся стран своевременно предлагают собственное видение модели сотрудничества в рамках ОПОП и ЕАЭС и содействуют сопряжению указанных планов развития. Как страна «ядра» ЕАЭС, Россия наиболее тесно связана с Китаем через торговлю. В этой связи на основе соблюдения принципов добровольности, взаимной выгоды, равенства, открытости, а также норм международного права, приверженности и уважения интересов всех государств-членов обе страны будут играть ведущую роль в процессах сопряжения ОПОП и ЕАЭС.

Это сопряжение служит интересам Китая и России. Сближение между нашими двумя странами продолжается уже давно, и переход центра мирового экономического развития в Азию существенно ускорил данный процесс. Сопряжение может предоставить России возможности для углубления сотрудничества с европейскими и западными странами. Учитывая особые географические преимущества, богатые ресурсы и сильный экономический потенциал стран — участниц ЕАЭС, можно говорить о выгодах постепенной реализации и развития инициативы ОПОП в Евразии. Процесс сопряжения быстро превращается в ключевое направление двустороннего взаимодействия между Китаем и Россией, а также и многостороннего сотрудничества, которое побуждает лидеров обеих стран к достижению консенсуса и учету необходимости реализации крупных проектов. В рамках международного сотрудничества, ориентированного на сопряжение ОПОП и ЕАЭС, уже достигнуты заметные успехи.

Следует также подчеркнуть, что отмеченные позитивные результаты многостороннего взаимодействия планируется и далее углублять и расширять.

1.1. Сопряжение ОПОП и ЕАЭС активно поддерживается руководством РФ и КНР

Предложенные и разрабатываемые Китаем и Россией инициатива ОПОП и проект ЕАЭС представляют собой две основные стратегии национального развития и восстановления экономической мощи. 8 мая 2015 г. президенты обеих стран *объявили о совместном намерении по выстраиванию сопряжения и сотрудничества между ОПОП и ЕАЭС*¹. Это свидетельствует о стратегическом консенсусе, достигнутом между Китаем и Россией в вопросах содействия кооперации на пространстве Евразии, и обеспечивает политические гарантии успешной реализации указанных инициатив. Идеи сопряжения ОПОП и ЕАЭС подняты на новую высоту как крупнейший проект-

¹ Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс]. 08.05.2015. URL:<http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 15.05.2019).

флагман всестороннего и стратегического межстранового сотрудничества. В ходе 23-й очередной встречи 7 ноября 2018 г. премьеры Китая и России вновь заявили, что сопряжение ОПОП и ЕАЭС станет основой взаимодействия наших стран.

1.2. Реализация российско-китайской идеи сопряжения ОПОП и ЕАЭС

Экономики государств ЕАЭС и Китая естественно и гармонично дополняют друг друга. Быстрый экономический рост КНР поддерживается с помощью огромной сырьевой базы государств — членов ЕАЭС, а также создает им возможности для реализации высокотехнологичных и капиталоемких товаров.

Будучи самой крупной развивающейся страной в мире, Китай является крупнейшим потребителем и импортером энергии. Таким образом, энергетика служит важным драйвером роста, который позволяет экономике развиваться устойчивыми темпами. В настоящее время и в долгосрочной перспективе Россия занимает прочные доминирующие позиции на мировом энергетическом рынке, обусловленные высоким положением в списке производителей и экспортеров природного газа (второе место среди стран мира по добыче и экспорту нефти). Сегодня энергетический диалог между Китаем и Россией является одним из основных элементов взаимодействия. Поэтому наши страны придают особое значение проектам энергетического сотрудничества, которые главным образом сосредоточены на активизации и развитии связей в нефтегазовой отрасли, хранении газа, производстве электроэнергии на природном газе и моторных топливах, а также способствуют взаимному признанию стандартов и комплексной оценке соответствия в области энергетики. В 2014 г. «Газпром» подписал 30-летний контракт на сумму 400 млрд долл. США с Национальной газовой группой Китая (National Natural Gas Group of China). Крупнейший в мире завод по переработке природного газа, российский Амурский завод, с участием китайской группы «Гежуба» (China's Gezhouba Group) и компании Petrochina Limited вступил в третью фазу строительства 12 октября 2018 г.

Кроме того, были достигнуты первичные результаты сотрудничества между ЕАЭС и ОПОП в области высоких технологий. Разработанная компанией «Китайско-российская международная коммерческая авиастроительная компания» модель 1:1 широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета CR929 была представлена на XII Международной авиационно-космической выставке в Китае, что ознаменовало собой достижения в сфере совместных российско-китайских разработок по созданию больших самолетов.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве для совместной реализации Программы разработки, производства, коммерциализации и послепродажного обслуживания широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и создаваемого на его основе семейства подписано 25 июня 2016 г. в Пекине, 18 мая 2017 г. оно вступило в силу. В мае 2017 г. в КНР (Шанхай) было зарегистрировано совместное предприятие China Russia Aircraft International Corporation Limited (CRAIC).

Инженерными командами ПАО «ОАК» и COMAC согласовано семейство самолетов, состоящее из трех членов:

1. Базовый — пассажироместимостью 290 мест в трехклассной компоновке (290 мест в двухклассной компоновке) с дальностью полета 12 000 км;
2. Старший — пассажироместимостью 320 мест в трехклассной компоновке с дальностью полета 10 000 км;
3. Младший — пассажироместимостью 250 мест в трехклассной компоновке с дальностью полета 14 000 км.

Предварительно была согласована схема разделения труда по разработке и производству конструкции планера самолета, в соответствии с которой за российской стороной закреплялись проектирование и производство крыла из полимерных композиционных материалов, центроплана и пилонов двигателей, за китайской стороной — разработка и выпуск фюзеляжа и «оперения» самолета.

29 сентября 2017 г. в Шанхае состоялась церемония объявления наименования будущего воздушного судна. Был представлен CR929, призванный потеснить на рынке таких гигантов, как Boeing и Airbus. Аббревиатура «CR» отражает ключевых участников проекта: от англ. C — China, R — Russia. Первая цифра «9» — это счастливое число в китайской нумерологии. Цифры «2» и «9» взяты от числа 290 (количество кресел в базовой версии воздушного судна двухклассной компоновки). Был разработан и утвержден логотип CRAIC, представляющий собой два крыла: одно из них красного цвета, другое — синего (цвета России и Китая). Крылья движутся вместе слева направо, что символизирует развитие и общий вектор движения вперед.

Позитивный эффект приносят совместные проекты и научно-исследовательские разработки в других сферах высоких технологий. В Дубне (Московская область) идет строительство коллайдера NICA, разрабатываются проекты лазерной установки и термоядерного реактора в Китае, производства электротехнического оборудования в Воронеже и создания совместного предприятия по выпуску поездов для ВСМ. Традиционной сферой сотрудничества является военно-техническая сфера. В продолжение поставок российской техники в 2013 г. Россией и Китаем был заключен рамочный контракт о совместном строительстве подлодок «Амур-1650», в 2018 г. был подписан протокол о совместной разработке ракетных двигателей.

Кроме того, между двумя странами достигнуты важные договоренности о «стыковке» крупных навигационных спутниковых систем — российской ГЛОНАСС (Gegenas) и китайской «Бэйдоу» (Beidou).

1.3. Прогресс в международном сотрудничестве по вопросам сопряжения ОПОП и ЕАЭС

ОПОП включает в себя шесть основных экономических коридоров, которые представляют собой важнейшие транспортные артерии. Экономический коридор, связывающий Китай, Монголию и Россию, является значимым проектом для китайско-российского сотрудничества с третьей стороной и ключевой отправной точкой для Китая и России по реализации многостороннего сотрудничества в рамках углубления сопряжения. Начиная с этапов формирования идеи и планирования проекта для построения этого коридора, получены впечатляющие результаты. Президенты Китая, Монголии и России достигли высокого уровня договоренностей, и был подписан Меморандум о взаимопонимании между РФ, КНР и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия в Уфе 9 июля 2015 г.¹

В соответствии с принципами и целями трехстороннего сотрудничества, закрепленными в Дорожной Карте, соответствующие государственные органы стран реализуют программу создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия, подписанную в Ташкенте в 2016 г. Определены приоритетные проекты в таких сферах, как промышленность, инвестиции, высокие технологии. В основном стороны наращивают сотрудничество в области создания современной транспортной инфраструктуры. В 2017 г. объем контейнерных перевозок по маршруту Россия — Китай — Монголия в Европу увеличился в 2,7 раза, а к концу первого квартала 2018 г. — почти в 4 раза².

Было объявлено о модернизации российско-монгольской Улан-Баторской железной дороги и прилегающих к ней участков. В рамках программы ее развития до 2030 г. уже в первый период (2018–2020 гг.) предусмотрены инвестиции в размере 260 млн долл. США.

В целях преодоления «узких мест» трехстороннего сотрудничества в области развития транспорта и инфраструктуры ведется работа по устранению обременительных административных барьеров для обеспечения беспрепятственного движения транзитных торговых потоков. С этой целью в 2016 г. было подписано Соглашение о взаимном признании результатов таможенного контроля, в том числе через установленную систему электронного обмена информацией. Ведется работа по созданию и реализации перспективных проектов по закладке нефте- и газопроводов из России в Китай и Монголию.

2. Предпосылки и условия сопряжения ЕАЭС и ОПОП

ЕАЭС и ОПОП являются взаимодополняющими и взаимовыгодными проектами. Первый обеспечивает институциональную основу для сотрудничества, а второй — необходимые инвестиционные ресурсы для реализации совместных планов. С тех пор как было принято китайско-российское совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и ОПОП, энергетическая, транспортная и технологическая сферы, которые неоднократно выделялись лидерами двух стран как главные области углубления взаимодействия, все еще остаются приоритетными. Кроме того, на практике был выявлен целый комплекс проблем и вызовов, связанных с продвижением и регулированием совместных проектов. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин на Заседании круглого стола лидеров форума «Один пояс — один путь» в 2017 г.: «Выстраивание такого партнерства, безусловно, длительный и кропотливый процесс»³.

¹ Меморандум о взаимопонимании между РФ, КНР и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/ad4238a1-6792-43be-a0b0-ca2c2c0934ed/Меморандум+о+взаимопонимании.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ad4238a1-6792-43be-a0b0-ca2c2c0934ed> (дата обращения: 15.05.2019).

² Источники данных: Ministry of Commerce (China), China Statistical Yearbook 2018.

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54496> (дата обращения: 09.11.2018).

2.1. Когнитивные различия между странами относительно понятий «ОПОП» и «ЕАЭС»

Хотя на высшем уровне государственной власти между Россией и Китаем достигнут консенсус по вопросам сопряжения, в обеих странах по-прежнему сохраняются определенные недопонимания и препятствия на пути к реализации этого процесса на уровне исполнителей и в национальном общественном сознании наших народов.

Во-первых, для РФ и КНР характерны когнитивные различия относительно интерпретации смысла ОПОП и ЕАЭС. В официальных документах обеих сторон есть некоторые несоответствия в формулировках определений двух этих стратегий. Так, согласно официальным текстам, ОПОП не является ни международной организацией, ни юридическим лицом, а представляет собой национальный «механизм мягкой силы» Китая, обладающий определенной гибкостью. А ЕАЭС — это типичная международная организация региональной экономической интеграции, которая включает в себя таможенный союз и общий рынок с наднациональным регулирующим органом. Таким образом, возникающие произвольные определения, обусловленные перетолковыванием смыслов и отличием от официальных трактовок, приведут к проблеме отсутствия единого понимания процессов сопряжения.

Во-вторых, китайские и российские ученые имеют когнитивные предубеждения в отношении понятий «ОПОП» и «ЕАЭС». Некоторые российские СМИ обычно рассматривают ОПОП как политическую «оболочку» для продвижения китайских внешнеэкономических интересов через масштабные инфраструктурные проекты. В российском общественном понимании ОПОП ассоциируется с трансконтинентальными железными и автомобильными дорогами, морскими и воздушными портами, логистическими центрами и т. д. При этом подразумевается, что данные проекты реализуются с целью улучшения внешней «периферии» китайской экономики путем развития рынков стран — участниц ОПОП и адаптации их экономик к потребностям КНР в сырье и логистических решениях. Китайские ученые считают, что транспортная инфраструктура является одной из важных частей ОПОП, которая также затрагивает торговые модели, финансовые инвестиции, энергетику, высокие технологии, охрану окружающей среды и гуманитарные науки.

Наконец, существуют предубеждения относительно смысла «сопряжения». В Китае считается, что «сопряжение» больше отражает заявления о дружбе и политическом партнерстве, в то время как страны — участницы ЕАЭС уверены, что оно означает создание единой системы и правил для китайских инвесторов. Из-за когнитивных различий относительно «природы» и смысла ОПОП Китай, Россия и страны Центральной Азии руководствуются разной интерпретацией процессов и даже ставят для себя несогласованные и разнонаправленные цели. Кроме того, это усугубляется огромным разрывом в уровнях и темпах текущего экономического развития между Китаем и Россией.

2.2. Финансовое сотрудничество характеризуется дефицитом институциональных гарантий и нереализованным потенциалом

Несмотря на огромную работу лидеров наших стран по углублению экономического сотрудничества, уровень инвестиционного и финансового взаимодействия существенно отстает от достигнутого политического прогресса.

Прежде всего, отметим, что финансовое сотрудничество между двумя странами началось позже политического и его потенциал полностью не реализован. По сравнению с другими странами мира в России до 2009 г. юань не использовался при трансграничных расчетах. Кроме того, как показано в таблице, до 2007 г. только один китайский банк имел филиалы в РФ. В настоящее время Китай является одним из крупнейших инвесторов в мире. При этом Россия — это один из крупнейших доноров мировой финансовой системы, экспортирующий порядка 100 млрд долл. США в год. Однако, в отличие от Китая, где отток капитала контролируется и направляется государством, в России это процесс имеет спонтанный и нерегулируемый характер и осуществляется в основном через офшоры в интересах отдельных лиц. Часть экспортируемого из России капитала оседает в офшорах и расходуется на потребительские цели и приобретение недвижимости; другая его часть (как правило, половина) возвращается обратно в РФ под видом иностранных инвестиций.

Таблица

Список китайский банков в России

Банк	Местная организация	Уставный капитал, млн долл. США	Совокупные активы, млн долл. США	Основание (месяц, год)
ICBC	ICBC (Moscow)	85	550	Август, 2007

Банк	Местная организация	Уставный капитал, млн долл. США	Совокупные активы, млн долл. США	Основание (месяц, год)
Bank of China	Bank of China (Russia) Joint Stock Company; Bank of China (Russia Binhai) Branch	52	425	Апрель, 1993
China Construction Bank	China Construction Bank	150	220	Март, 2013
Agricultural Bank of China	Agricultural Bank of China (Moscow)	–	–	Декабрь, 2014
National Development Bank	Moscow Representative Office	–	–	Сентябрь, 2010
China Exim Bank	St. Petersburg Representative Office	–	–	Июнь, 2007

(Источники: Министерство коммерции КНР, Посольство КНР в РФ, 2017 Country Guide for Foreign Investment Cooperation — Russia)

В 2016 г. потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китая достигли рекордного уровня в 196,15 млрд долл. США, который увеличился на 34,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 13,5% от общего объема мировых инвестиций. Это позволило КНР занять в соответствующем рейтинге второе место в мире¹. Однако, независимо от приведенных показателей запаса и потока, китайские инвестиции в Россию занимали совсем скромную долю от их общего количества. Так, Китай не входит в первую десятку стран и регионов — крупнейших инвестиционных партнеров РФ по объему совокупных (в особенности накопленных) инвестиций, список которых включает Кипр, Нидерланды, Люксембург, Багамские о-ва, Ирландию, Бермудские о-ва, Германию, Британские Виргинские о-ва, Сингапур и Францию². Именно поэтому, хотя Китай уже восемь лет подряд является значимым торговым партнером России, пространство для финансового сотрудничества между двумя странами остается без необходимого наполнения.

Более того, механизм китайско-российского финансового сотрудничества несовершенен. Финансовые рынки обеих стран недостаточно открыты. Внешние угрозы санкций существенно сдерживают кредитование и предоставление банковских услуг, а следовательно, и процессы стимулирования двусторонней торговли и совместных инвестиций. После украинского кризиса в отношении России были введены западные экономические санкции. Во избежание рисков компании обеих стран предпочитают выбирать для расчетов сторонние финансовые учреждения или валюты. Обе стороны используют больше долларов, и доля расчетов в национальных валютах ничтожна. Это не только продлевает платежный цикл, но и увеличивает стоимость расчетов. При этом формируются и геэкономические и геополитические риски, связанные как с неустойчивостью доллара, так и с возможным применением санкций (арест, «замораживание» средств) к их держателям. С точки зрения воздействия внешних факторов коммерческие банки Китая интегрированы в международную финансовую систему, а санкции, введенные США и их стратегическими партнерами в отношении России, оказывают негативное влияние на китайско-российское сотрудничество. Китай и Россия не имеют эффективных платежных и клиринговых каналов в условиях санкций со стороны стран ЕС и США. Под санкционным давлением США некоторые китайские банки отказываются предоставлять соответствующие услуги российским физическим и юридическим лицам. Подсанкционные российские компании и их китайские партнеры не могут вести расчеты традиционным способом, что сильно сказалось на финансово-экономическом сотрудничестве между двумя странами.

2.3. Китай и Россия имеют широкие перспективы для отраслевого сотрудничества

В перспективе Россия будет стремиться к расширению и углублению отношений со странами «Восточного вектора», делая акцент на более тесном взаимодействии с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Структурные различия в отраслевом распределении Китая и России открывают широкие

¹ Источники данных: 2016 China Foreign Direct Investment Statistics Bulletin. Ministry of Commerce (China), National Bureau of Statistics, State Administration of Foreign Exchange [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/dgz/201709/20170902653729.shtml> (дата обращения: 01.08.2018).

² Источники данных: Ministry of Commerce (China), Country Guides for Foreign Investment Cooperation — Russia.

перспективы для экономического сотрудничества и сопряжения (или взаимодополнения национальных экономик). Например, Китай имеет абсолютные преимущества в области электронной торговли, и до сих пор объемы сделок продолжают расти впечатляющими темпами. В то же время в последние годы отмечается стремительный рост российского рынка электронной торговли. В 2017 г. его объем превысил 1000 млрд руб., из которых на долю российско-китайского сегмента приходится порядка 80%¹.

Инфраструктурное строительство является еще одной областью, в которой наши страны могли бы существенно повысить уровень сотрудничества. Россия обладает богатыми природными ресурсами, которые необходимы для отраслевого и промышленного развития. Удобная и передовая транспортно-логистическая сеть будет способствовать эволюции национального производства и повышению уровня жизни граждан. Благодаря быстрому экономическому росту в последние десятилетия китайские компании приобрели существенные преимущества за счет накопления капитала, технологий и опыта ведения инфраструктурного строительства. Таким образом, сочетание преимуществ России и Китая может стимулировать экономическую активность и будет способствовать дальнейшему развитию двух стран.

Между тем КНР и РФ выбрали разные пути развития национальных экономик. Необходимо приложить больше усилий для формирования четкого понимания того, на основе каких проектов наши страны будут строить экономическое сопряжение, что представляет собой его система и из чего она состоит. Различные экономические модели также подразумевают, что каждая сторона может заимствовать друг у друга те элементы, которые доказали свою ценность и результативность на практике. Для достижения наиболее эффективного сближения этих двух моделей необходима всеобъемлющая схема и стратегия сотрудничества.

2.4. Энергетика является флагманом для сопряжения, но ни Китай, ни Россия не имеют возможности определять цены на мировых энергетических рынках

Механизм ценообразования на сырую нефть на мировом нефтяном рынке прошел несколько этапов трансформации: от диктатуры западных нефтяных компаний, которые также известны как «Семь сестер», до воздействия ОПЕК и рыночных сил на нефтяные фьючерсы и спотовые цены. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП является проектом-флагманом китайско-российского всестороннего стратегического партнерства, а энергетическое сотрудничество — это приоритетное направление стратегии «сопряжения». Однако, хотя Китай и Россия являются, с одной стороны, мировым потребителем / импортером и, с другой стороны, мировым производителем / экспортером энергии, они не могут устанавливать цены на мировые нефтегазовые ресурсы. Мировые цены на энергоносители (особенно цены на нефть и газ) уже давно находятся в руках США и стран ОПЕК. «Вспышка» украинского кризиса и падение мировых цен на нефть в 2014 г. не только обнаружили проблемы финансовой «травли» и «хрупкости» в сфере международной энергетической политики, но и вскрыли пласт структурных противоречий и недостатков российской энергетической отрасли, подверженной влиянию западных цен. На фоне нынешних китайско-американских экономических и торговых трений Китай, Россия, Иран и другие страны также сталкиваются с аналогичными вызовами и угрозами.

Кроме того, энергетическое сотрудничество между КНР и РФ в настоящее время является важнейшей сферой для взаимных инвестиций. Однако этого недостаточно для прогресса экономического сопряжения в широком смысле. Именно поэтому мы должны устранить барьеры и ускорить инвестиционный процесс, экономическое сотрудничество и реализацию крупных совместных проектов.

3. Предложения Китая и России по углублению сопряжения между ЕАЭС и ОПОП

Страны, вовлеченные в реализацию проектов ЕАЭС — ОПОП, на официальном уровне поддерживают идеи сопряжения этих инициатив. Китай и Россия, например, рассматривают сотрудничество как важный путь углубления добрососедских и дружественных отношений между ними. Кроме того, в РФ восприятие ОПОП постепенно меняется от сдержанной настороженности к заинтересованности и поддержке. Таким образом, необходимо объективно и рационально оценить вызовы, с которыми мы сталкиваемся на пути к сопряжению ЕАЭС и ОПОП, и выдвинуть разумные и реально осуществимые предложения, основанные на конкретных потребностях.

¹ Источники данных: Ministry of Commerce (China), China Statistical Yearbook 2018.

3.1. Создание Глоссария по тематике сопряжения ОПОП и ЕАЭС

Взаимопонимание играет особенно важную роль в двусторонних отношениях с длительным и сложным историческим периодом. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП состоит из целого комплекса сложных двусторонних и многосторонних отношений. Взаимное познание странами-участницами друг друга, в особенности понимание смысла сопряжения ЕАЭС и ОПОП, также напрямую связано с выстраиванием взаимодействия. Именно поэтому сопряжение ЕАЭС и ОПОП должно быть однозначно понято и принято всеми государствами — членами указанных данных инициатив. Неправильное понимание процесса сопряжения ЕАЭС и ОПОП в контексте как «реконструкция СССР», «возрождение Империи», «китайская версия плана Маршалла», «исключительно задача реализации инфраструктурного строительства» или в контексте дискуссии между выбором механизмов «мягкой» или «жесткой» силы необходимо нивелировать. Требуется пояснение и установление единого когнитивного стандарта с учетом всех критических замечаний, причем Китай и Россия должны придерживаться принципа взаимного доверия, идти навстречу друг другу и использовать период стратегических возможностей.

Правительства обеих стран не имеют четкого понимания того, на основе каких проектов мы будем выстраивать экономическое сопряжение, что означает и из чего состоит его система. КНР и РФ могут добиться больших успехов, опираясь на те инструменты экономической политики, которые доказали свою высокую эффективность и результативность на практике. У нас разные экономические модели, но необходимо найти пути достижения наиболее эффективной конвергенции этих моделей.

Одним из важнейших факторов является критическая зависимость основной части правящей элиты от мощных групп проамериканского влияния, и мы должны обратить на это особое внимание. Именно данный факт препятствует протеканию инвестиционных процессов в рамках экономического сотрудничества и реализации крупных совместных инвестиционных проектов. Успешно реализуются только те проекты, которые поддерживаются на уровне политического руководства наших стран, в основном в области энергетики. Например, проекты в газовой сфере, «Таймыр», опыт «Роснефти». Однако общий макроэкономический фон сотрудничества между нашими странами ухудшается вследствие безразличия регуляторов, а также низкой эффективности межправительственных комиссий, которые не имеют инструментов для реализации поставленных задач. Это важный элемент сотрудничества между двумя странами, но его недостаточно для достижения прогресса в области экономического сопряжения.

3.2. Разработка плана развития для эффективного сопряжения ЕАЭС и ОПОП

Сопряжение — это длительный процесс. Для его эффективной реализации необходимо составить конкретный план действий. Создание и развитие инфраструктуры является важным условием для торгового сопряжения. Следует сфокусироваться на строительстве таких инфраструктурных объектов, как железные дороги, автомагистрали, порты и центры перегрузки для обеспечения потребностей развития региональной торговли, с учетом единых стандартов и общесистемного подхода. В то же время необходимо уделять больше внимания развитию «мягкой инфраструктуры», включая правила и системы. В соответствии с принципом равенства стран-участниц «мягкая инфраструктура» должна быть единогласно признана всеми государствами-членами. В связи с геополитической «фрагментарностью» в Центральной Азии разработка правил торговли напрямую зависит от материальной заинтересованности каждой страны и требует совместных долгосрочных усилий для достижения консенсуса. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП должно строго соответствовать правилам ВТО и гармонично сочетаться с различными механизмами сотрудничества в целях развития стран и регионов. Например, «мягкая инфраструктура» должна быть построена в соответствии с международными стандартами проектирования, технологий, товаров и услуг и устанавливать стандарты в соответствии с системой ISO9000 Международной организации по стандартизации. Кроме того, с развитием искусственного интеллекта (ИИ), высокоскоростных железнодорожных технологий и опыта управления сохраняются и возникают дополнительные возможности для повышения эффективности строительства инфраструктуры. Таким образом, государствам-членам также необходимо своевременно внедрять передовые технологии, накапливать и использовать опыт для углубления взаимодействия в данной сфере.

3.3. О совместном механизме развития

Предлагается создать комиссию по оценке проектов для сопряжения ОПОП — ЕАЭС и специальный фонд развития. Государства-участники могут ежегодно публично объявлять о введении новых или состоянии уже развиваемых проектов. После соответствующей оценки комиссии приоритет должен быть отдан тем проектам, которые отличаются острой необходимостью и сравнительно низкими

издержками реализации. Открытые тендеры необходимо организовывать для интеграции передового мирового опыта проектирования, управления и использования строительных технологий, чтобы «линейка» выбранных проектов соответствовала идеям устойчивого развития и вывела процесс сопряжения ОПОП и ЕАЭС на лидирующие позиции в глобальной экономике.

Предлагается создать специальную комиссию по мониторингу реализации проектов. Комиссия должна использовать «плоды» сотрудничества государств-членов в таких технологических областях, как, например, беспроводная связь, для создания банка проектных ресурсов в целях постоянного мониторинга проектов и формирования соответствующей базы данных для обеспечения принципов открытости, прозрачности и справедливости.

Предлагается создать комиссию «ОПОП — ЕАЭС +» для обеспечения высококачественного сопряжения ОПОП и ЕАЭС путем интеграции ресурсов платформ регионального и глобального управления. Например, подчеркивается необходимость использования международных финансовых институтов, таких как Мировой банк (МБ), Международный валютный фонд (МВФ), Азиатский инвестиционный банк (АИБ), и региональных механизмов управления безопасностью (например, ШОС), а также вовлечения стран с развитыми финансовыми рынками в процессы сопряжения ОПОП и ЕАЭС.

Предлагается провести форум аналитических центров для стран — членов ОПОП и ЕАЭС с участием ученых, чиновников, предпринимателей и СМИ, чтобы создать и развивать платформу для обмена информацией и идеями для всех заинтересованных сторон, что позволит им заявить о своих проблемах и совместно попытаться найти пути их решения. Кроме того, деятельность СМИ, с одной стороны, поможет усилить контроль за выбором и реализацией совместных проектов; с другой стороны, повысит взаимное доверие государств-членов и поспособствует привлечению дополнительных ресурсов для сопряжения ОПОП и ЕАЭС.

В прошлом Китай и Россия сформировали целый ряд международных организаций. Но работа этих межправительственных комиссий является не только вялотекущей, они фактически не имеют адекватного механизма реализации утвержденных инвестиционных проектов. Таким образом, предлагается создание евразийских инвестиционных консорциумов с наднациональной системой управления, которые могли бы функционировать как надежный административный институт.

Но самое главное, чтобы правительства двух стран понимали, что наше сотрудничество должно создаваться, стимулироваться и мотивироваться стратегическими соображениями. Вот почему мы не можем полагаться только на экономические выгоды и рыночные механизмы. Необходим специальный институт развития для совместных проектов, на который будут возложены соответствующие задачи и которому будут выделены средства как стран-участниц, так и заинтересованных третьих сторон.

3.4. Содействие реформированию мирового валютно-финансового и энергетического порядка, а также международной системы безопасности

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП не только обеспечит развитие и стабильность Евразийского региона, но и станет механизмом для перехода к новому глобальному порядку будущего. МБ, МВФ и Азиатский банк развития являются институтами мировой финансовой архитектуры и Бреттон-Вудской международной валютной системы, созданной еще в период после Второй мировой войны. Учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Банка БРИКС поставило под вопрос дальнейшее абсолютное доминирование доллара США в мировой валютно-финансовой системе. Китай и Россия являются основными членами этих двух банков и могут использовать их в качестве платформы для проведения реформы финансового миропорядка, снижения рисков и устранения последствий развития долларовой системы США. Кроме того, в последние годы процесс интернационализации юаня также достиг значительного прогресса. С момента разрешения трансграничных торговых расчетов в юанях в 2009 г., их объем резко увеличился с 506,1 млрд долл. США в 2010 г. до 4,63 трлн долл.¹, что превратило юань в одну из наиболее активно используемых валют на мировом валютном рынке. В октябре 2016 г. юань стал первой новой мировой резервной валютой со времен после Бреттон-Вудса, а Китай — первой развивающейся страной с национальной валютой, включенной в корзину СДР.

В этой связи отметим, что все чаще даже регуляторы ведущих стран говорят о целесообразности отхода от доллара как основы, на которой зиждется мировая финансовая система (с учетом накопившихся высоких рисков указанной валюты). При этом в качестве альтернативы даже предлагается использование крупных криптовалют (либра)². Если такие тенденции будут развиваться, необходимо также проработать и возможность использования предлагаемого нового инструмента — совместной

¹ Источники данных: Ministry of Commerce (China), China Statistical Yearbook 2018.

² *Carney M.* The Growing Challenges for Monetary Policy in the Current International Monetary and Financial System. 23 August, 2019.

криптовалюты России и Китая (привязанной, например, к золоту), как дополнительного «якоря», повышающего стабильность международной финансовой системы.

При этом объявленные США санкции против России (август 2019 г.) могут способствовать ослаблению перспективы увеличения роли РФ и других стран (в т. ч. КНР) в мировой финансовой системе. В частности, предусмотренный запрет на финансирование России со стороны МВФ и Мирового банка может означать снижение доли России в корзине СДР при одновременном повышении веса США. В случае увеличения роли СДР в качестве глобальной валюты вместо доллара (о возможности чего говорят после мирового финансового кризиса) ограничение финансирования России позволит повысить квоту и роль США в общей корзине, снижая роль остальных стран. Это, в свою очередь, может облегчить сохранение американского лидерства относительно других стран и вновь позволит сохранить США ведущие позиции в мировой валютной системе на более длительную перспективу.

Прогресс, достигнутый в ходе интернационализации юаня, предоставляет новые возможности для других стран по снижению зависимости их экономики от доллара. Россия также взяла курс на валютную интернационализацию. КНР и РФ могут укрепить сотрудничество в этой области и построить валютно-финансовую систему с наименьшими рисками для сопряжения ЕАЭС и ОПОП.

В целях стимулирования использования национальных валют в двусторонней торговле целесообразно использовать специальные стимулы (например, налоговые, финансовые стандарты, процентные ставки, балансовые нормативы и т. д.), чтобы компании и банки были заинтересованы в использовании национальных валют.

Предыдущие соглашения, которые все еще действуют и предусматривают расчеты в долларах, могут сохраняться до истечения сроков их действия, а в случае продления контрактов должны быть пересмотрены и перестроены по принципу расчетов в национальных валютах (если только страны не готовы платить штрафы за неожиданные изменения условий).

Кроме того, необходимо предусмотреть формирование двусторонних механизмов купирования рисков (валютных и финансовых) для рынков обеих стран. Эти механизмы могут быть основаны на консолидированном участии крупных государственных банков КНР и РФ, которым предлагается сформировать специальный фонд и другие механизмы для решения соответствующих проблем. Они могут включать в себя: страхование сделок; механизмы хеджирования; определение эффективной цены по форвардным контрактам на нефть в юанях и рублях.

Существуют определенные политические риски в странах — членах ЕАЭС. В случае возникновения политического кризиса его последствия могут негативно отразиться на сопряжении ЕАЭС и ОПОП. В последние несколько лет политическая и экономическая ситуация в Центральной Азии изменилась. Хотя в прошлом в целом сохранялась довольно «ровная» ситуация, ряд новых проблем породил политическую нестабильность, и по-прежнему возникают угрозы политической и экономической безопасности. Обеспечение стабильности в Центральной Азии и поддержание общественной безопасности должно стать одним из важнейших приоритетов сопряжения ЕАЭС и ОПОП. ШОС является важной платформой для восстановления системы безопасности в Европе и Азии. С момента создания этой организации она инициировала ряд двусторонних и многосторонних антитеррористических военных учений, направленных на обеспечение безопасности государств-членов. Страны Центральной Азии также прекращают предоставление военных баз для США. В 2005 г. американские военные покинули авиабазу Карши-Ханнабад в Узбекистане. В 2014 г. из Киргизии вывели американскую военную базу ВВС «Манас» и было отменено соответствующее соглашение об аренде. В будущем Китай и Россия продолжат трансформацию ШОС в платформу для обеспечения безопасности государств-членов ОПОП — ЕАЭС с целью построения стабильного курса развития Центральной Азии.

Таким образом, эксперты двух стран совместно пришли к выводам:

- назрели фундаментальные изменения в мире, и при этом важная роль отведена России и Китаю;
- необходимо создание нового, более эффективного и справедливого мирового финансово-экономического порядка;
- основанный на принципах международного права и равноправия в решении глобальных и национальных задач стран-участниц стратегический характер взаимодействия наших стран определяет структуру финансово-экономического сотрудничества, поддержание мира во всем мире и стабильности развития стратегических направлений;
- необходимо создание институтов и сетей на двусторонней основе, причем институт развития двустороннего сотрудничества играет важную роль в осуществлении и совершенствовании экономического сопряжения наших стран;

- необходимо создание финансовых коридоров и развитие финансового сотрудничества.

Мы также предлагаем реализовать масштабный проект по строительству пояса Трансматерикового развития на основе создания наднациональных инвестиционных консорциумов. Необходимо дополнить сотрудничество в топливно-энергетической и военно-технической сферах проектами в области экономической цифровизации, совместного развития искусственного интеллекта и Больших данных, создания цифровых платформ и увеличения эффективности культурного обмена.

Заключение

За последние три года сотрудничества на начальном этапе был достигнут определенный прогресс в области сопряжения. В то же время мы сталкиваемся с целым рядом вызовов, возникающих по причине специфических условий развития наших стран, сложности и «хрупкости» геополитики и напряженной ситуации в области безопасности в Евразии. В качестве двух основ процесса сопряжения мы определяем взаимное доверие и понимание, что необходимо использовать «золотое время» для достижения прогресса и возможности развития, а также способствовать укреплению взаимосвязей, чтобы обеспечить создание добровольного экономического и торгового порядка не только на пространстве Евразии, но во всем мире.

Эксперты совместной российско-китайской исследовательской группы предложили следующие меры:

- Плановый перевод всех трансакций, осуществляемых между российскими и китайскими госкорпорациями и банками, на национальные валюты.
- Сопряжение платежных систем, предусматривающее прямое участие банков сторон, в электронных системах обмена межбанковской информацией друг друга.
- Обеспечение кобейджинга банковских карточек платежных систем «Мир» и «ЮнионПэй».
- Введение в действие торгово-платежной системы с расчетами в стабильных цифровых активах на основе блокчейн-алгоритмов.
- Создание специализированного банка развития, работающего исключительно в национальных валютах, в целях финансирования совместных инвестиционных проектов.
- Создание наднациональных консорциумов с участием предприятий КНР и ЕАЭС для реализации трансграничных и высокотехнологических инвестиционных проектов, предусматривающих широкую кооперацию производства.

Приложение 1

О современной международной обстановке: риски переходного периода к новому миропорядку

Гибридная война, которая начата «уходящим гегемоном» США по отношению к конкурентам, включая наши страны, ЕС, нефтяные страны (Иран, Венесуэла, ранее Ирак, Ливия), вызвана в том числе накоплением системных рисков в глобальной (американоцентричной) управляющей финансово-информационной системе.

Возвышение Китая, финансовая система которого по ряду параметров приблизилась к западной, а технологический уровень по ряду прорывных технологий (5G, ИИ и др.) повышает его конкурентоспособность и меняет баланс сил в мире (по оценке ведущих стратегов этой страны). На это администрация Трампа отвечает мерами торговой войны и санкциями в технологической сфере. При этом сохранение и упрочение России как геополитической, геоэкономической (в области энергетики) и военной силы, а также потенциал России в ряде областей высоких технологий (атомная, аэрокосмическая, оборонная, ряд других) признается этими же стратегами и практически всем политическим истеблишментом США («двухпартийный консенсус» в Конгрессе) неприемлемым реваншизмом уже побежденной империи (СССР), который требуется остановить любым путем, рассчитывая на продолжение технологической, финансовой и социальной деградации России, вектор которой был задан в 1990-е гг. и приторможен в 2000-е гг. Воодушевление администрации США вызвал эпизод с взятием в «слепой траст» Минфина США управления группой Русал / En +, однако распространение этой схемы на другие сектора экономики России представляет системный риск, особенно в области нефти и газа.

В треугольнике США — Китай — Россия есть незримый «четвертый угол» (ЕС и прежде всего Германия), т. к. потенциальное взятие под контроль (или вытеснение с глобальных рынков средствами торгово-финансовой войны) российских и ближневосточных энергоресурсов будет означать значительное ухудшение (или даже прерывание) энергоснабжения не только Китая, но и ЕС, при этом США не способны в долгосрочном плане обеспечить Азию и Европу энергоресурсами, т. к. сами являются крупнейшим потребителем энергии, а «сланцевый бум» сойдет на нет вместе с финансовыми «пузырями», которые его обеспечивали.

Таким образом, необходимость создания и развития Большого евразийского партнерства перед лицом стратегических рисков перехода к новому миропорядку заключается, прежде всего, в следующем:

- Финансовая, торговая и технологическая блокада наших стран как через секторальные и селективные санкции, так и попытки прямой блокировки поставок через диверсии и саботаж, в том числе с использованием кибероружия и технологий «цветных революций» в сопредельных странах. Кроме того, глобальная торговля остается по преимуществу морской и обеспечение «свободы судоходства» в трех проливах (Суэцкий, Панамский и Малаккский) является важным предлогом для «проекции силы» США и системным риском. В связи с этим стратегический проект Китая ОПОП находится в зоне потенциального шантажа со стороны США, при этом Россия также подвергается атакам за развитие Северного морского пути (США требуют свободы судоходства и там, хотя и не имеют возможностей, прежде всего ледокольного флота), а также за усиление контроля Балтики и Черного моря.
- Отказ глобальной финансовой системы от своих обязательств, особенно в сфере деривативов и иных инструментов управления глобальными рынками и ценами на энергоресурсы (так, есть оценки, что в случае вынужденного перекрытия Ормузского пролива из-за военных действий или диверсий в обострении с Ираном могут прерваться поставки в размере 15–20 млн баррелей в день, что вызовет нефтяной шок, кратный рост цен на нефть и крах глобальных финансовых рынков и банков, которые регулируют рынки через нефтяные фьючерсы). Поскольку нынешняя (Ямайская) глобальная валютная система есть система нефтедоллара, то обрушение данной несущей конструкции означает начало краха системы (Китай заблаговременно развивает систему фьючерсной торговли нефтью и золотом за юани, Россия пока не перешла к торговле собственными энергоресурсами за рубли).
- Кризис глобальных институтов регулирования, в том числе усиление неравномерностей и неравенства в глобальном и страновом развитии, что характерно для переломной эпохи — расцвета и краха «ультралиберального капитализма», что ставит перед нашими странами задачу выработки и применения новой модели развития, гармоничной в социальном, научно-технологическом и экологическом отношениях. Этот идеологический вызов требует актуализации исторического наследия наших стран и народов, для которых идеи общей судьбы народа и справедливости были и остаются императивами собственного развития и добрососедства. Но также и формирования «образа будущего» и стратегического плана его достижения, что предполагает сопряжение систем целеполагания, планирования и контроля.
- Неопределенность и конфликтность формирования новейшего технологического уклада, в котором «победитель забирает все» — кто смог развить и продвинуть стандарты и ключевые платформы, тот собирает технологическую ренту и обеспечивает гармоничное опережающее развитие своих стран и союзников. Китай заявил о желании обеспечить технологическое лидерство в ключевых технологиях, ряд таких компетенций (атомная, аэрокосмическая, математическая, биотехнологическая и другие) развивает Россия.

Приложение 2

ГЛОССАРИЙ¹

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО (БЕП) — связанное общими интересами в устойчивом развитии и процветании, производственно-технической кооперацией, пониманием солидарной

¹ Глоссарий составлен на основе документов и информации с сайтов представленных в нем институтов и организаций, а также на базе пересмысленных и переработанных авторских определений из ранее опубликованных работ. Например, см.: Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016.

ответственности за будущее человечества, историческими узлами многовекового сотрудничества в Евразии сообщество стран, стремящихся к созданию общего пространства гармоничного социально-экономического и культурного развития, созидательного сотрудничества и дружбы своих народов. В более узкой трактовке БЭП — это сочетание интеграционных процессов в Евразии для улучшения условий экономического сотрудничества и устранения барьеров между странами в целях формирования общего пространства экономического развития.

ПРИНЦИПАМИ БЕП являются добровольность, взаимовыгодность, равноправие, прозрачность, строгое соблюдение норм международного права и взятых на себя обязательств.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО. Партнерство — это двусторонние отношения, основанные на сотрудничестве, Пяти принципах мирного сосуществования, взаимного уважения и терпимости. Всеобъемлющее региональное партнерство — это более тесное, прочное и всеобъемлющее партнерство.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ (ЕАЭС) — основанный на общности интересов и исторической судьбы союз государств, созданный в целях формирования **ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ЕЭП)** и устранения трансграничных барьеров в торгово-экономическом сотрудничестве для установления благоприятных условий устойчивого экономического развития и повышения общественного благосостояния. В настоящее время в ЕАЭС входят Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия.

ЕЭП — пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура (из Договора о ЕАЭС, ст. 2 «Понятия и определения»).

Основные принципы функционирования **ЕАЭС** (Договор о ЕАЭС, раздел 2, ст. 3): уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. Государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза.

Основными целями **ЕАЭС** являются (Договор о ЕАЭС, раздел 2, ст. 4): создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

ВЫСШИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ (ВЕЭС) — это высший наднациональный орган ЕАЭС. В его состав входят главы государств-членов либо главы правительств государств-членов, если в соответствии с законодательством своего государства они наделены соответствующими полномочиями (Договор о ЕАЭС, раздел 3, ст. 10).

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (ЕЭК) — это постоянно действующий регулирующий орган ЕАЭС. Основными задачами ЕЭК являются обеспечение условий функционирования и развития ЕАЭС, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках ЕАЭС (Договор о ЕАЭС, Приложение 1, Положение о Евразийской экономической комиссии).

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС) — международная организация, основанная в 2001 г. В ее состав входят Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Целями ШОС являются: укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого

и рационального политического и экономического международного порядка. Государства ШОС твердо придерживаются целей и принципов Устава ООН, принципов взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах¹.

АССОЦИАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (АСЕАН) — созданная в 1967 г. субрегиональная организация, включающая Индонезию, Малайзию, Таиланд, Филиппины, Сингапур, позже — Бруней и Вьетнам, Лаос, Мьянму и Камбоджу, и содействующая межправительственному сотрудничеству и экономической, политической, военной, образовательной и социально-культурной интеграции между ее членами и другими странами Азии. В рамках АСЕАН разработаны три принципиальных направления региональной интеграции: рыночное с поэтапной либерализацией внутренней торговли, рыночно-институциональное (сочетание выборочной торговой либерализации с использованием форм межгосударственного регулирования) и реализация отдельных проектов регионального масштаба².

АСЕАН + — понятие, введенное для обозначения развития дальнейших интеграционных процессов в регионе и указания на наибольшую степень тесноты связей АСЕАН и других стран-партнеров. Первым из подобных форматов стал АСЕАН + 3 (Китай, Япония и Южная Корея) вплоть до АСЕАН + 6 или объединения стран в рамках диалоговых механизмов АСЕАН (10 стран АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия).

ИНИЦИАТИВА «ПОЯС — ПУТЬ» (или «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ», ОПОП) — это сокращенное название Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в. Это открытая и инклюзивная инициатива регионального сотрудничества, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре и октябре 2013 г. Инициатива ОПОП опирается на принципы широких консультаций, совместного вклада и общих выгод. Она следует духу Шелкового пути, характеризующемуся мирными целями и сотрудничеством, открытостью и всеохватностью, взаимным обучением и взаимной выгодой. Основное внимание уделяется координации политики, взаимосвязанности инфраструктуры, беспрепятственной торговле, финансовой интеграции и более тесным связям между людьми. Все перечисленное выше превратило идеи в действия и задумку в реальность, а саму инициативу — в общественный продукт, развитие которого широко поддерживается международным сообществом.

СОПРЯЖЕНИЕ ЕАЭС И ОПОП — это сочетание единого экономического пространства и общих проектов инфраструктурного строительства, институтов развития, совместных программ торгово-экономического, научно-технического, производственного и гуманитарного сотрудничества, совместных инвестиций в целях устойчивого и гармоничного развития участвующих государств в интересах роста благосостояния и процветания их народов. С конкретно практической точки зрения сопряжение также можно трактовать как деятельность по интеграции ЕАЭС и ОПОП посредством реализации совместных инвестиционных проектов, расширения взаимной торговли, соединения платежных систем, стыковки транспортной, энергетической, информационной инфраструктуры, по формированию общего рынка товаров и услуг посредством гармонизации норм его регулирования, устранению трансграничных торговых барьеров и валютных ограничений, развитию производственной и научно-технической кооперации, созданию совместных производств, организации общих институтов и коридоров развития. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП строится на основе норм международного права, уважения национальных суверенитетов, общих интересов и взаимовыгодного сотрудничества.

САНКЦИИ — это инструмент, использование которого предусматривает осознанное осуществление санкционером (субъектом санкций) целенаправленного негативного воздействия на объект (статус и позиции страны в международных организациях, национальную экономику и ее элементы) с целью создания и / или обострения социальных волнений и общественных конфликтов, обладающих достаточной мощностью для оказания внутреннего давления на органы власти подсанкционной

¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 15.05.2019).

² Определения АСЕАН и АСЕАН + сформулированы на основе: Международные экономические отношения / под ред. В. Е. Рыбалкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 335–337.

страны и, таким образом, принуждения их к изменению ряда политических решений или общего политического курса.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА — это введение ограничений в международной торговле в протекционистских целях с нарушением норм международного права, правил ВТО и международных обязательств.

КОРИДОР (ПОЯС) РАЗВИТИЯ — это пространство, прилегающее к транспортным магистралям и развиваемое совместно с ними как комплекс производственной, научно-образовательной и жилищно-коммунальной инфраструктуры на передовой технологической основе.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД — это совокупность технологически сопряженных производств, связанных друг с другом однотипными технологическими «цепочками», образующая воспроизводящую целостность, в рамках которой осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления.

«ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ («ВОЛНЫ» КОНДРАТЬЕВА) — это полувековые циклы колебания экономической активности, образуемые сменой технологических укладов.

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД — это система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений.

ВЕКОВОЙ ЦИКЛ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА — это период глобального доминирования определенной политико-экономической системы, имеющей один или несколько центров управления, задающих образец формирования институтов и производственных отношений, обеспечивающих воспроизводство экономики в течение жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада.

Об авторах:

(Исследовательская группа под руководством Советника Президента Российской Федерации и Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета (RDCY) — **совместная исследовательская группа представителей российских и китайского аналитических центров**)

Глазьев Сергей Юрьевич, академик РАН, председатель научного Совета РАН, Советник Президента РФ (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; prgm_glazyev@gov.ru

Архипова Виолетта Валерьевна, старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; q123zv@yandex.ru

Агеев Александр Иванович, Генеральный директор Института экономических стратегий РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; ageev@inesnet.ru

Ершов Михаил Владимирович, Главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; lupandina@fief.ru

Митяев Дмитрий Аркадьевич, исполнительный директор АНО «Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева» (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; misk.mda@mail.ru

Нагорный Александр Алексеевич, вице-президент Ассоциации политических экспертов и консультантов, заместитель главного редактора газеты «Завтра», постоянный член и заместитель председателя Изборского клуба (Москва, Российская Федерация); aanagor@mail.ru

Ван Вэнь, исполнительный директор Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета (RDCY), заместитель декана «Школы Шелкового Пути» при Китайском народном университете (Пекин, Китай); wangwen2013@ruc.edu.cn

Ян Цинцин, помощник директора Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); yangqingqing2013@ruc.edu.cn

Джон Росс, старший научный сотрудник Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); представитель администрации Департамента экономической и деловой политики (Лондон, Великобритания); Johnross43@gmail.com

Гуань Чжаоюй, научный сотрудник отдела международных исследований Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); guan_zhaoyu@126.com

Чжан Тинтин, младший научный сотрудник отдела международных исследований Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY) (Пекин, Китай); katia19910710@163.com

About the authors:

(Research Group led by the Counselor to the President of the Russian Federation and Chongyang Institute for Financial Studies at RENMIN University of China (RDCY) — **Russian and Chinese Think Tanks Joint Research Team**)

Sergey Yu. Glaziev, Academician of Russian Academy of Sciences (RAS), Chairman of RAS Scientific Council, Counselor to the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; prm_glazyev@gov.ru

Violetta V. Arkhipova, Senior Researcher of Institute of Economics RAS (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; q123zv@yandex.ru

Alexander I. Ageev, Director General of Institute of Economic Strategies RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; ageev@inesnet.ru

Mikhail V. Ershov, Director of Financial Research of Institute for Energy and Finance, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; lupandina@fief.ru

Dmitriy A. Mitjajev, Executive Director of the “International Institute of P. Sorokin — N. Kondratiev” (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; misk.mda@mail.ru

Alexander A. Nagorny, Vice-President of the Political Experts and Consultants Association, Deputy Editor-in-Chief (Newspaper “Tomorrow”), Deputy Chairman of the Izborsky Club (Moscow, Russian Federation); aanagor@mail.ru

Wang Wen, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY) (Beijing, China); Deputy Dean of Silk Road School, Renmin University of China; wangwen2013@ruc.edu.cn

Yang Qingqing, Assistant Dean, Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY) (Beijing, China); yangqingqing2013@ruc.edu.cn

John Ross, Senior Fellow of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY) (Beijing, China), Former Director of the Department of Economic and Business Policy (London, the UK); Johnross43@gmail.com

Guan Zhaoyu, Associate Research Fellow, International Studies Department, Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY) (Beijing, China); guan_zhaoyu@126.com

Zhang Tingting, Research Assistant, International Studies Department, Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY) (Beijing, China); katia19910710@163.com

Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества

Томайчук Л. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lilia.tomaychuk@gmail.com

РЕФЕРАТ

В последние годы в Китае наблюдается стремительный рост цифровизации экономики, преимущественно в таких областях, как электронная торговля, финансовые технологии, сфера производства. Элементы цифровой экономики все более присутствуют в повседневной жизни граждан. В статье рассматривается феномен цифровизации экономики на примере китайского общества. Рассмотрена административная структура, регулирующая технологические сферы, нормативно-правовая база. Выделены политические, экономические, социальные факторы роста цифровизации и проблемы, сдерживающие процесс цифровизации в Китае. Пекин ставит целью укрепление технологического потенциала и достижение уровня развитых стран. На данном пути важно обеспечивать «аналоговые дополнения», в частности, совершенствовать законодательство, обеспечивающее инновации и конкуренцию, приводить квалификацию работников в соответствие с требованиями новой экономики, обеспечивать социальные гарантии.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, Китай, электронная торговля, финансовые технологии, научно-технический прогресс

Digitalization of China's Economy: Risks and Opportunities for Society

Lilia V. Tomaichuk

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation; lilia.tomaychuk@gmail.com

ABSTRACT

In recent years, China has gone through a rapid growth in digitalization of national economy, mainly in such areas as e-commerce, financial technology, and manufacturing. Elements of the digital economy increasingly fulfil the daily lives of citizens. The article is dealing with the phenomenon of digitalization of the economy in Chinese society. The administrative structure governing technological areas, and the regulatory legislative basis have been analyzed. The political, economic, social factors of digitalization growth and the problems restraining the digitalization process in China are underlined. Beijing aims to strengthen technological capabilities and achieve the level of developed countries. On this path, it is important to provide "analogue additions", in particular, to improve legislation that provides innovation and competition, to bring the qualifications into line with the requirements of the new economy, to provide social guarantees.

Keywords: digital economy, digitalization, China, electronic commerce, financial technologies, scientific and technical progress

Введение

С периода начала в Китае политики реформ и открытости 1978 г. в сфере информационных и коммуникационных технологий страны произошел огромный рост. Начиная с развития микроэлектроники и появления ЭВМ в 1980-е гг., сети Интернет в 1990-е, в 2000-х гг. появляется робототехника, искусственный интеллект, технологии «блокчейн», «биг дата». В последние годы в Китае наблюдается рост цифровизации экономики, преимущественно в таких сферах, как электронная торговля, финансовые технологии, сфера производства. Элементы цифровой экономики все более присутствуют в повседневной жизни граждан.

Встречаются разные подходы к обозначению доли цифровой экономики в структуре ВВП. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своем индексе цифрового развития отводит на долю цифровой экономики КНР 6% в структуре ВВП страны. Японии и Республике Корея отводится 8–10% от ВВП, в этих странах ИТ-сектор более развит [10]. Согласно данным из доклада Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (CAICT) при Министерстве промышленности и информационных технологий КНР, объем цифровой экономики Китая в январе — июне 2018 г. достиг 16 трлн юаней (2,32 трлн долл. США), что эквивалентно 38,2% ВВП страны (в 2017 г. — 32,9%) [8].

На сегодняшний день Китай не занимает лидирующие позиции по показателям цифровизации. Индекс цифровой адаптации Всемирного Банка ставит Китай на 50-е место среди 131 страны, индекс цифровизации Мирового экономического форума определяет Китай на 59-е место из 139 стран. Что свидетельствует о средней позиции Китая среди стран — инновационных лидеров [10].

Определение феномена цифровизации

Исследование процессов цифровизации привело к необходимости определения понятия. Согласно определению Международного Валютного Фонда, в узком смысле под цифровизацией понимается «развитие сферы информационных и коммуникационных технологий, которая включает телекоммуникацию, интернет, IT-сектор, программное обеспечение». В более широком смысле к вышеобозначенной сфере добавляются «традиционные секторы экономики, интегрированные с цифровыми технологиями, услуги» [Там же].

Организация Объединенных Наций одной из целей устойчивого развития ставит «создание устойчивой инфраструктуры, содействие инклюзивной и устойчивой индустриализации и стимулирование инноваций». В Докладе о целях в области устойчивого развития ООН отмечено, что к 2016 г. доля населения наименее развитых стран, охваченная сетью мобильной широкополосной связи третьего поколения (3G), достигла 61%, а по миру в целом — 84% [2]. По данным Всемирного Банка, более 40% населения планеты имеют доступ к интернету, среди беднейших 20% домохозяйств мобильный телефон имеется почти в каждом семи из десяти [6].

Американский ученый Николас Негропonte в 1995 г. выделил положительные качества «цифровой экономики» применительно к использованию современных информационных технологий в хозяйственных процессах и управлении ими: отсутствие физического веса продукции, который заменяется информационным объемом, более низкие затраты ресурсов на производство электронных товаров, намного меньшая площадь, занимаемая продукцией, а также практически мгновенное перемещение товаров через сеть Интернет [1, с. 9–40].

Правительство Китая ставит амбициозные цели по достижению доли цифровой экономики 50% в структуре ВВП к 2030 г. [10]. Наряду с транслированием инициативы «Один пояс — один путь» лидер Китая использует международные площадки для обозначения растущей роли цифровых технологий в экономике страны. Так, в 2016 г. Китай выступал страной-хозяйкой Саммита «Группы двадцати» (G-20) в г. Ханчжоу, в 2017 г. в китайском городе Сяньмень прошел Саммит БРИКС. На двух саммитах в своей повестке Китай обозначил проблемы глобальной торговли, цифровой экономики, электронной торговли, кибербезопасности.

Так, на саммите в Ханчжоу в программной речи «Путь вперед: построение инновационной, энергичной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики» Си Цзиньпин отметил: «Мы должны воспользоваться историческими возможностями, которые предоставляют инновации, новая научно-техническая революция, промышленная трансформация и цифровая экономика, для повышения среднесрочного и долгосрочного потенциала роста мировой экономики» [13].

В итоговом документе «Инициатива по развитию цифровой экономики и сотрудничеству G-20» страны-участницы определили цифровую экономику как «широкую сферу экономической деятельности, которая включает использование цифровых технологий и знаний в качестве фактора производства и современных информационных сетей в качестве важной области деятельности» [12].

На саммите G-20 в Гамбурге (ФРГ) в 2017 г. в речи под названием «Содействие открытости и инклюзивности для достижения взаимосвязанного роста» Си Цзиньпин отметил, что «мировая экономика демонстрирует признаки движения в правильном направлении. Исследования показывают, что 95% мирового бизнеса в настоящее время тесно связаны с интернетом и мировая экономика переходит к цифровой экономике. Это означает, что мы должны активизировать сотрудничество в цифровой экономике и новой промышленной революции, совместно развивать новые технологии, новые отрасли, новые бизнес-модели и новые продукты» [15].

В ходе саммита G-20 в Буэнос-Айресе в 2018 г. Си Цзиньпин выступил с речью «Взгляд за горизонт и направление мировой экономики в правильном направлении», в которой подтвердил приверженность в поддержании основанной на правилах многосторонней торговой системы. «Число новых торговых ограничительных мер удвоилось, в 2018 г. объем торговли товарами может сократиться на 0,3% в мире... Мировая экономика принимает тенденцию цифровой трансформации, и новый виток промышленной революции коренным образом изменит человеческое общество. Мы должны поощрять инновации и усиливать роль цифровой экономики в росте реального сектора экономики. Необходимо следить за рисками и вызовами, связанными с применением новых технологий, укреп-

лять нормативно-правовую базу. И мы должны сделать больше для повышения уровня образования и профессиональной подготовки...» [14].

Таким образом, на международной арене лидер Китая связывает процессы цифровизации и технологического развития с процессами глобальной торговли, что является принципиально важным для экспортоориентированной экономики страны. Пекин ставит целью укрепление технологического потенциала и достижение уровня развитых стран, внедрение цифровых технологий в производство и жизнь граждан.

Регулирование процессов цифровизации в Китае

Задачи по реализации политики в сфере цифровизации закреплены за Государственным Советом КНР при руководящей роли Коммунистической партии Китая. Сфера находится в ведении таких структур, как Министерство науки и технологий, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство образования, Центральная ведущая группа по кибербезопасности и информатизации, Комиссия по развитию и реформам, а также подведомственных институтов — Китайской академии наук, Китайской академии информационных и коммуникационных технологий.

Нормативно-правовая база в области цифровизации и технологий активно развивается с начала 2000-х гг.

В историческом докладе на XIX Всекитайском съезде КПК в 2017 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что «бурное развитие получили цифровая экономика и другие новые производства... В ближайшие годы Китай должен стать передовой державой в области науки и техники, космонавтики и сетевого пространства, стать передовой страной по качеству выпускаемой продукции, транспортных коммуникаций и цифровых технологий». Председатель КНР обозначит ключевые задачи для достижения данных целей: снижение налогов на предприятия, оптимизация госсектора, развитие цифровой экономики и ее высокотехнологичных отраслей, более активное вовлечение частного капитала [4].

В тринадцатом пятилетнем Плане социально-экономического развития КНР на 2016–2020 гг. поставлена задача «всестороннего построения среднезажиточного общества к 2020 г.», обозначены пять стратегий развития: инновации, координация, экологичность, открытость, всеобщий доступ к плодам развития. Для достижения цели выдвинуты пять задач: сохранение средневысоких показателей экономического роста, повсеместное повышение уровня и качества жизни населения, значительное улучшение общекультурных характеристик граждан и общества в целом, общее улучшение качества окружающей среды, развитие более выверенных и четких норм и правил [17]. Одной из подзадач заявлено достижение роста минимум на 2,5% в ВВП показателей по исследованиям, снижение до 30% импорта зарубежных технологий, достижение лидерских позиций учеными КНР в ТОП-5 по регистрации патентов и научному цитированию [11].

Правительство Китая приняло такие документы, как Национальная среднесрочная программа развития науки и технологий (2006–2020 гг.), Государственная стратегия по развитию информатизации (2006–2020 гг.), программа «Цифровая экономика — 2020: план действия для китайских предприятий». План «Цифровой Китай» (2016–2021 гг.), в рамках которого реализуются две программы — «Сделано в Китае — 2025», задача которой заключается в повышении производительности с использованием цифровых технологий и «зеленых» стандартов, и «Интернет плюс» — трансформация промышленности с использованием цифровых технологий, мобильного интернета, проведение к 2025 г. компьютеризации всех имеющихся на территории КНР предприятий [5, с. 61].

Перед лицом новых экономических форм и изменений в социальных отношениях Китай ставит задачи по адаптации и совершенствованию интернет-законодательства, ускорению формирования полной правовой системы, чтобы обеспечить более сильную правовую защиту для развития цифровой экономики. С этой целью были приняты закон «О кибербезопасности» (2016 г.), закон «Об электронной торговле», новая редакция «Белой книги по интернет-праву» (2017 г.). Разработаны проекты законов «О безопасности данных», «О защите личной информации».

Опыт политики цифровизации Китая

Уровень цифровизации экономики связан с развитием экономики того или иного региона Китая. В таких мегаполисах, как Пекин или Шанхай, уровень цифровизации экономики достигает 45% ВВП (что сопоставимо с Японией), в центральных провинциях Хэнань, Аньхой — около 15% ВВП [10].

Несмотря на среднюю нишу среди стран мира, которую сегодня занимает Китай в области цифровизации, страна становится глобальным лидером в таких сферах, как электронная торговля (товарами, услугами), финансовые технологии (электронные платежи).

Интересен исторический опыт электронной торговли Китая, так называемый феномен «Шацзи». В 1980-е гг. основой экономики деревни Дунфэн в городском поселении Шацзи провинции Цзянсу было свиноводство; в 1990-е гг. на смену ему пришла переработка пластиковых отходов. В 2006 г. один из ее жителей, уехавших на заработки, вернулся в деревню и открыл первый интернет-магазин по продаже простой мебели. Успех его начинания побудил других сельчан последовать его примеру, так, к 2010 г. работали более 30 предприятий, которые обслуживали 400 домохозяйств, продававших товары через интернет по всему Китаю. Шацзи стал одной из первых «деревень Таобао» («Таобао» — платформа электронной торговли, которой управляет корпорация «Алибаба») — поселений, в которых не менее 10% домохозяйств занимаются электронной торговлей. Феномен «деревень Таобао» и рост масштабов электронной торговли в Китае в целом показывают, как интернет способствует преодолению изоляции, росту эффективности и развитию инноваций. В конце 2014 г. в 200 «деревнях Таобао» торговлей занимались более 70 тыс. чел. [6].

Согласно данным из доклада МВФ, современный КНР производит 40% от глобальных электронных сделок, в электронной розничной торговле — 15% (для сравнения — в США показатель достигает 10%). Крупнейшая платформа «Алибаба» (корпорация «Али-групп») связывает покупателей и продавцов из двухсот стран. Кроме того, КНР является лидером по объему платежей с помощью мобильных приложений. В КНР действуют крупнейшие небанковские платежные приложения Alipay, WeChatPay. Объем мобильных платежей в 2018 г. достиг отметки 200 трлн юаней (31,2 трлн долл. США) [10].

Факторы роста цифровизации в КНР

Отметим ключевые факторы, которые способствуют процессам цифровизации экономики современного Китая.

Политические:

- политическая ориентация государства на «инновационную экономику» с акцентом на инновационную промышленность;
- высокие расходы государства на образование и исследования;
- государственная поддержка цифровой экономики в ряде сфер;
- политическая воля для решения социальных проблем и мегатенденций (урбанизация, демографические процессы, загрязнение окружающей среды, модернизация сельского хозяйства, развитие здравоохранения), что требует новых цифровых технологий.

Экономические:

- бесспорный экономический рост страны в течение многих лет;
- размер рынка дает Китаю огромную внутреннюю покупательную способность;
- Китай «обеспечивает себя» приборами / устройствами, в 2017 г. Китай произвел 97 млн смарт-телевизоров, 130 тыс. промышленных роботов, 2,9 млн гражданских дронов [8];
- цель правительства — обеспечить переход от производства к инновациям (от бренда «Сделано в Китае» к бренду «Придумано и разработано в Китае»);
- создана экосистема под названием BAT (Baidu, Alibaba, Tencent) — три национальные крупнейшие технологические компании, которые обеспечивают электронный доступ к товарам и услугам миллионам потребителей;
- высокий интерес населения и бизнеса к небанковским финансовым услугам, что объясняется относительно низкой вовлеченностью населения в финансовые механизмы; в 2011 г. 64% взрослого населения имели банковские счета (90% в Японии, РК, ФРГ), малый и средний бизнес имел недостаточный доступ к банковским кредитам [11];
- появление новых рабочих мест; например, на платформе «Алибаба» зарегистрировано 11 млн предприятий МСБ и 30 млн рабочих мест, на платформе «Диди-такси» (аналог «Убер-такси») зарегистрировано 13 млн водителей, сфера ИТ предлагает 1,4 млн рабочих мест для высококвалифицированных специалистов [10].

Социальные:

- численность населения — как ресурс; интерес к восприятию цифровых технологий в обществе — 700 млн интернет-пользователей, более 280 млн пользователей интернета не старше 25 лет, действует 4,54 млн веб-сайтов (в Индии с похожим населением число интернет-пользователей составляет около 420 млн) [16];

- динамичная экономическая и социальная среда, открытая для новых технологий, продуктов и услуг;
- способность быстро адаптировать существующие технологии к местным потребностям (быстрая адаптация и имитация);
- урбанизация и необходимость создавать новые транспортные узлы и услуги в больших городах, решать проблемы мусоропереработки, энергетики.

Безопасность:

- государство жестко регулирует интернет-сферу; в китайском информационном пространстве функционируют два крупных мессенджера, разработанные компанией Tencent, — WeChat и QQ, а также социальная сеть Weibo насчитывает 500 млн пользователей; они, являясь популярными на территории КНР приложениями, охватывают почти все население страны, и это дает возможность специальным органам собирать необходимую информацию о пользователях, что направлено в том числе на пресечение, например, протестных акций [5];
- обеспечение кибербезопасности является принципиально важным вопросом, возрастает роль цифровых технологий в пресечении попыток кибершпионажа и т. п.

Научная составляющая:

- рост наукоемкой продукция (растущее число патентных заявок и публикаций);
- поддержка университетов и исследовательских институтов с современными лабораториями;
- растет доля студентов, выпускников и молодых ученых-специалистов в областях естественных и технических наук.

Глобальные:

- Китай, как мировая держава, ставит целью преодолеть технологическое отставание и догнать развитые страны;
- реализация глобальных инициатив («Один пояс — один путь», «Сообщество единой судьбы человечества»); Китай предлагает сотрудничество в таких областях, как инновации, новые технологии, выдвинута инициатива «Цифровой Шелковый путь».

Факторы, сдерживающие процесс цифровизации в КНР

- недостаточно разработана законодательная база;
- рост безработицы в ряде отраслей промышленности (ввиду автоматизации процессов);
- сильный государственный контроль экономики и исследовательской сферы, что сдерживает исследовательский компонент;
- высокая зависимость в ряде отраслей от импорта и трансфера технологий, недостаточный уровень собственных инноваций и кооперации между наукой и производством;
- «утечка» высококвалифицированных кадров за рубеж;
- относительная нехватка хорошо подготовленных рабочих для высокотехнологичных отраслей промышленности.

Заключение

Как отмечается в докладе Всемирного банка, цифровые технологии быстро распространились в большинстве стран мира. Однако цифровые дивиденды — более широкие выгоды для развития от использования этих технологий — запаздывают. Совокупный эффект от использования цифровых технологий оказался слабее ожидаемого и распределяется неравномерно. Чтобы максимально использовать потенциал цифровой революции, странам необходимо заниматься «аналоговыми дополнениями»: совершенствовать законодательство, обеспечивающее инновации и конкуренцию, приводить квалификацию работников в соответствие с требованиями новой экономики, обеспечить подотчетность институтов [6].

Так, для Китая важно найти золотую середину между системой нормативного регулирования сферы интернета, инноваций в экономике и обществе и внедрением мировых стандартов цифровой экономики.

Литература

1. Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. 2019. № 4 (124). С. 38–49.
2. Доклад о Целях в области устойчивого развития ООН, 2018 г. [Электронный ресурс] // ООН: сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2018-RU.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).
3. Перспективы цифровой экономики ОЭСР, 2017 г. [Электронный ресурс] // ОЭСР: сайт Организации экономического и социального развития. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-digital-economy-outlook-2017/summary/russian_4657a930-ru#page1 (дата обращения: 05.06.2019).
4. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа: сайт Синьхуанэт. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 30.05.2019).
5. Разунов Е. А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156–170.
6. Цифровые дивиденды. Обзор Группы Всемирного банка [Электронный ресурс] // Всемирный банк: сайт Всемирного банка. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Vox-394840B-UOU-9.pdf> (дата обращения: 03.06.2019).
7. Цифровой индекс Всемирного банка [Электронный ресурс] // Всемирный банк: сайт Всемирного банка. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016/Digital-Adoption-Index> (дата обращения: 10.06.2019).
8. Цифровая экономика Китая вносит большой вклад в ВВП [Электронный ресурс] // Чайна Дэйли. URL: <https://www.chinadailyhk.com/articles/132/187/31/1545558119154.html> (дата обращения: 10.06.2019).
9. A New Starting Point for China's Development. A New Blueprint for Global Growth// Xi's Speech at B20 Summit Opening Ceremony 05.09.2016 [Электронный ресурс] // Новостной портал Китая. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2016-09/05/content_39233599.htm (дата обращения: 03.06.2019).
10. China's Digital Economy: Opportunities and Risks// International Monetary Fund Working Paper. 2019. [Электронный ресурс] //Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (дата обращения: 20.05.2019).
11. China Strategy 2015-2020 Strategic Framework for Cooperation with China in Research, Science and Education [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки ФРГ. URL: https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/China_Strategy_Longversion.pdf (дата обращения: 15.06.2019).
12. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5111> (дата обращения: 10.06.2019).
13. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative Delivered at 2016 Hangzhou Summit Renews Impetus to Global Economy [Электронный ресурс] // Чайна Дэйли. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/28/content_26927065.htm (дата обращения: 05.06.2019).
14. Look Beyond the Horizon and Steer the World Economy in the Right Direction // Remarks by H. E. Xi Jinping At Session I of the G20 Summit Buenos Aires, 30 November 2018 [Электронный ресурс] // Чайна Дэйли. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/01/WS5c01c4a7a310eff30328c25f.html> (дата обращения: 10.06.2019).
15. Promoting Openness and Inclusiveness to Achieve Interconnected Growth // Statement on the State of the Global Economy by H. E. Xi Jinping At the G20 Hamburg Summit, Hamburg, 7 July 2017 [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/08/c_136426730.htm (дата обращения: 01.06.2019).
16. The development of China's digital economy // The State Council of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Совета КНР. URL: http://english.gov.cn/news/video/2018/05/29/content_281476164673878.htm (дата обращения: 30.05.2019).
17. “十三五”规划 (13-й пятилетний План развития) [Электронный ресурс] // Правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-02/11/content_5265853.htm (дата обращения: 10.06.2019).

Об авторе:

Томайчук Лилия Владимировна, доцент кафедры международных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; lilia.tomaychuk@gmail.com

About the author:

Lilia V. Tomaichuk, Associate Professor of the Department of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; lilia.tomaychuk@gmail.com

Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом

Атнашев В. Р.*, Яхеева С. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * atnashev-vr@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные подходы к определению киберпреступности, сущность и особенности кибертерроризма, определяющие направления борьбы с этими преступлениями. Необходимость и актуальность сотрудничества в рамках международных организаций обусловлена глобальным распространением этого вида преступности. Обеспечение информационной безопасности в целом является одним из приоритетных направлений деятельности региональных объединений, всего международного сообщества. Международное сотрудничество по кибербезопасности должно носить системный, комплексный и последовательный характер, но оно будет эффективным и успешным лишь при участии всех государств.

Ключевые слова: терроризм, преступность, глобализация, телекоммуникационные технологии, Интернет, террористические организации, социальные сети

International Cooperation on Cybercrime and Cyberterrorism

Vadim R. Atnashev*, Sadaf N. Yakheeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation; * atnashev-vr@ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses main approaches to the definition of cybercrime, nature and characteristics of cyberterrorism, that determine directions of counteracting. The necessity and urgency of cooperation within international organizations are determined by the global spread of this type of crime. Ensuring information security is one of the priorities of regional international organizations and the entire international community. International cooperation on cyber security must be systemic, integrated and consistent, but it will be effective and successful only with the participation of all states.

Keywords: terrorism, crime, globalization, telecommunication technologies, Internet, terrorist organizations, social networks

Введение

В современных условиях глобализации и информатизации компьютеры и телекоммуникационные системы активно внедряются во все сферы жизнедеятельности как отдельного человека, так и государства в целом. В связи с развитием информационных технологий и сети Интернет набирает обороты киберпреступность и кибертерроризм. Многие юристы и должностные лица считают, что кибертерроризм представляет собой серьезную угрозу человечеству, сравнимую чуть ли не с оружием массового поражения. Однако кибертерроризм не является преступлением, относящимся именно к группе преступлений террористической направленности [5, с. 315]. Данная тема весьма актуальна, поскольку количество преступлений в киберпространстве стабильно растет и очевидна необходимость четкого регулирования и контроля данной сферы.

Кибертерроризм и киберпреступность

Термин «кибертерроризм» впервые был употреблен в 1980 г. Б. Коллином, являвшимся одним из специалистов Института безопасности и разведки в Калифорнии. Данным термином он обозначил возможность террористических атак в киберпространстве [9, с. 15]. Между тем международное сообщество до сих пор не выработало единого определения понятия «кибертерроризм». Данный факт замедляет разработку методов борьбы с данным видом преступления.

По мнению Р. Р. Абсатарова, кибертерроризм можно определить как использование компьютеров в качестве оружия или целей политически мотивированными международными или национальными группами, причиняющими или угрожающими причинить ущерб и посеять панику, с целью воздействия на население или правительство для изменения политики [1, с. 173].

В целом киберпреступность имеет масштабный эффект и способна причинить существенный материальный вред. Так, самым крупным киберпреступлением в истории стало распространение в 2017 г. опаснейшего вируса WannaCrypt, его создатели атаковали немалое количество компьютеров и требовали выкуп за полученные данные. Данная кибератака причинила огромные финансовые потери многим крупным компаниям по всему миру. Как отметил международный эксперт по гармонизации законодательства в сфере киберпреступности Штайн Шольберг, «киберпространство, как пятое общее пространство, после наземного, морского, воздушного и космического, требует координации, сотрудничества и особых правовых мер на международном уровне» [10]. Кибертерроризм имеет следующие отличительные признаки:

- международный характер, заключающийся в том, что преступники и жертвы могут находиться в разных государствах;
- высокий уровень латентности и низкий уровень раскрываемости;
- отсутствие больших финансовых затрат, при этом наличие возможности нанесения огромного материального ущерба;
- открытость, выражающуюся в привлечении внимания общественности [2, с. 35].

Международное сотрудничество в борьбе с кибертерроризмом осуществляется в рамках ООН, Совета Европы, Международной организации экспертов, Интерпола, Европола. Центральная роль в координации данной борьбы отводится ООН, в особенности ее главным органам: Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности, а также различным многосторонним неформальным партнерствам. В рамках ООН принят ряд резолюций по различным аспектам предотвращения кибертерроризма.

Применительно к киберпреступности оказываются неэффективными традиционные методы и способы борьбы с преступностью, основанные на территориальном принципе, поскольку киберпространство имеет глобальный, международный характер. Эта борьба оказывается более эффективной на региональном уровне. Это объясняется существованием следующего парадокса: с одной стороны, государства вынуждены сотрудничать для борьбы с такой транснациональной угрозой, как киберпреступность, но, с другой стороны, такое сотрудничество затрагивает суверенитет государства, ограничивает его в области уголовного права и защиты информации. Поэтому сотрудничество оказывается успешным в регионах с высоким уровнем политического доверия между странами, как это происходит в Европейском союзе.

В 2001 г. Совет Европы принял Конвенцию о киберпреступности, представляющую собой единственный документ обязательного применения, который регулирует правоотношения в области эксплуатации компьютерной сети. Данная Конвенция весьма значима не только в рамках Совета Европы, но и на глобальном уровне. Она является одним из основополагающих документов в сфере противодействия киберпреступности. Конвенцию подписали не только страны Европы, но также Аргентина, Австралия, Израиль, Япония, США, в общей сложности более 50 государств.

Тем не менее Россия не участвует в данной Конвенции. По мнению противников присоединения нашей страны к Конвенции, ст. 32 Конвенции противоречит российскому законодательству и нарушает суверенитет государства, так как предусмотренные в ней действия могут совершаться без предварительного уведомления и согласия стороны, на территории которой эти действия совершаются.

Участники Конвенции соглашались проводить общую политику в области борьбы с киберпреступностью, принимать соответствующие акты, укреплять международное сотрудничество, не допускать нарушений конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и компьютерной информации, выявлять и расследовать уголовные преступления в информационной сфере, привлекать к уголовной ответственности соответствующих лиц, разрабатывать договоренности относительно оперативного и надежного международного сотрудничества.

Гл. 3 Конвенции посвящена международному сотрудничеству в сфере борьбы с киберпреступностью. Оно основывается на предоставлении трансграничного доступа к хранящимся компьютерным данным и на оказании взаимной правовой помощи, в том числе по сбору данных о потоках в режиме реального времени и созданию круглосуточно действующей сети (24 / 7).

Несмотря на наличие в рассматриваемой сфере других международных актов, «Конвенция является единственным признанным международным договором, ... содержит нормы материального и процессуального (процедурные) права в целях противодействия киберпреступности и защиты свободы, безопасности и прав человека в интернете» [6, с. 66].

Однако данная Конвенция в некоторой степени является устаревшей и не отвечающей актуальной ситуации в связи со стремительными темпами освоения цифрового пространства и внедрения новых технологий. Поскольку Конвенция разрабатывалась в 1997–2001 гг., многие угрозы в области киберпространства на тот момент не были известны либо им не уделялось должного внимания. Весьма сложным является эффективное ведение борьбы с новыми проявлениями терроризма в информационном пространстве без его юридического определения и, соответственно, криминализации как самого понятия, так и его составляющих.

В настоящее время открытость киберпространства означает практически всеобщий доступ к любому контенту. Насущным требованием является международное сотрудничество в сфере преодоления ряда негативных последствий такой полной открытости, прежде всего в сфере противодействия наиболее серьезным транснациональным преступлениям. Возможно, и в киберпространстве должно быть создано «пространство свободы, безопасности и правосудия» по аналогии с неvirtуальным пространством ЕС (ст. 3 Договора о ЕС).

Для того чтобы международное сотрудничество стран в борьбе с киберпреступностью было эффективным, необходимо унифицировать правовые нормы различных государств при регламентации действий сторон в процессе использования средств в борьбе с киберпреступлениями.

Например, Центр передового опыта НАТО в области компьютерной безопасности выпустил сборник рекомендаций «Таллинское руководство по применению международного права в кибервойне». В качестве основных задач указаны «адаптация существующих правовых норм в отношении вооруженных конфликтов под специфику враждебной деятельности в виртуальном пространстве» и попытка разработать дефиниции основных понятий в сфере компьютерной безопасности [3, с. 15].

Международное сотрудничество

Одним из ключевых направлений международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью является создание специализированных органов. Такими органами являются Интерпол, Европол, Евроюст. Поскольку информационная безопасность государства связана с его суверенитетом, то на глобальном уровне создание единого органа, который бы координировал взаимодействия

государств по борьбе с киберпреступностью, затруднительно, однако создаются вспомогательные органы, руководствующиеся едиными стандартами деятельности, обобщающими практику разных стран по вопросам борьбы с киберпреступностью.

В рамках ЕС существенное значение имеет Европол и Евроюст. Работа Европола основана на системе аналитических рабочих картотек, формируемых из сосредоточенных в его информационной системе данных в целях анализа, определяемого как обработка или использование данных для поддержки уголовных расследований.

Евроюст координирует действия правоохранительных органов различных государств по вопросам расследования киберпреступности, оказывает помощь в проведении расследований по запросу соответствующего органа публичной власти стран — участниц ЕС, предоставляет правоохранительным органам этих стран информацию о проводимых расследованиях в отношении киберпреступников.

Как справедливо указывает в своей диссертации Е. А. Климова, основополагающие документы в сфере борьбы с преступностью должны быть максимально четкими, не противоречить Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и, напротив, расширять права, которые она предоставляет [4, с. 28–29].

В этой связи можно вспомнить, что еще в 2011 г., в преддверии первой международной конференции по киберпространству, Уильям Хейг отметил, что «репрессивные правительства используют передовые технологии в целях нарушения прав своих граждан, ограничения конфиденциальности информации и свободы слова, блокируя информацию, доступ к которой многие из нас считают само собой разумеющимся».

Международное противодействие киберпреступности ведется также в рамках НАТО. К примеру, в 2013 г. было завершено развертывание единой системы НАТО по реагированию на компьютерные угрозы, включающей центры по реагированию на угрозы в киберпространстве в Брюсселе и Монсе. Также осуществляются проверки эффективности уже созданной системы отражения кибератак, например, ежегодно проводятся учения «Киберкоалиция», «Защитный шар» [7, с. 370].

Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью осложняется расхождением позиций различных государств мира, обусловленным базовыми различиями в подходах к определению понятий, отсутствием четкого понимания границ между различными явлениями, требующими разных механизмов сотрудничества, различием в подходах к обеспечению безопасности персональных данных, общим уровнем взаимного недоверия, что делает невозможным сотрудничество по вопросам трансграничного процессуального партнерства. В силу этого в ООН был отклонен предложенный Россией и Китаем проект глобальной Конвенции по киберпреступности в 2010 г. [8, с. 97].

Международное сотрудничество в данной сфере включает в себя также создание различных международных организаций, главной целью которых является пресечение действий организованных преступных сетей. Так, в 2013 г. в Гааге был открыт Европейский центр по борьбе с киберпреступностью, который собирает и обрабатывает материалы по киберпреступности, а также разрабатывает меры по их расследованию. В 2015 г. Интерпол инициировал открытие Международного центра по борьбе с киберпреступностью в Сингапуре. Перечисленные организации выявляют и проводят анализ киберугроз и IT-преступлений, а также обмениваются глобальным передовым опытом по борьбе с преступностью в киберпространстве.

Что касается России, то наша страна активно участвует в международном сотрудничестве по киберпространству, несмотря на то, что Стратегия национальной безопасности не содержит термина «кибертерроризм».

Еще в январе 2015 г. участники Шанхайской организации сотрудничества внесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН Международный кодекс поведения в области информационной безопасности, являющийся первым международным документом, посвященным нормам поведения в информационной среде. Документ имеет следующие цели:

- определить права и обязанности государств в информационном пространстве;
- стимулировать конструктивное и ответственное поведения государства;
- укреплять сотрудничество против угроз и вызовов в информационном пространстве.

Наконец, в декабре 2018 г. ГА ООН приняла резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», которая была поддержана 119 государствами, 46 стран проголосовали против, 14 воздержались. Поскольку содержащийся в резолюции кодекс поведения государств в интернете имеет рекомендательный характер, ведется работа по разработке конвенции ООН по международной информационной безопасности.

Результаты

Подводя итоги, стоит отметить, что угроза кибертерроризма будет возрастать и дальше, по мере развития информационных технологий. Кибертерроризм наносит вред как отдельным гражданам, так и различным организациям и даже государствам. Поэтому эффективное международное сотрудничество в обеспечении информационной безопасности имеет все большее значение. Весьма продвинулся в сфере борьбы с кибертерроризмом Европейский союз. Знания и опыт, накопленные Европейским союзом, могут сыграть важную роль в достижении глобальной международной безопасности.

Международное сотрудничество в борьбе с кибертерроризмом осложняется особенностями данного вида преступности. Для оптимизации борьбы с кибертерроризмом необходимо в первую очередь участие всех государств, поскольку кибертерроризм имеет транснациональный характер. Необходимо закрепление на международном уровне понятия «кибертерроризм», а также проведение унификации правовых норм в этой сфере с участием всех государств. Также необходимо создать систему координации и взаимодействия всех существующих служб противодействия кибертерроризму как внутри отдельного государства, так и на международном уровне. Только комплекс мер, включая вышеперечисленные, и участие каждого государства сделают международное сотрудничество в данной сфере эффективным и успешным.

Литература

1. Абсатаров Р. Р. Противодействие компьютерному терроризму // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 172–174.
2. Бояркин А. И., Мокрецова Н. М. К проблеме борьбы с киберпреступностью // Культура народов в социальном пространстве и времени. 2018. С. 33–38.
3. Градов А. Деятельность Североатлантического союза в сфере кибербезопасности // Зарубежное военное обозрение. 2014. № 7. С. 13–16.
4. Климова Е. А. Правовые основы полицейского и судебного сотрудничества по уголовным делам в праве Европейского союза / Автореферат дисс. к. ю. н. М., 2011.
5. Романовский Г. Б., Безрукова О. В. Проблемы противодействия терроризму в современном мире // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем. Материалы Всероссийской научной конференции: в 2 томах. 2016. С. 310–318.
6. Химченко И. А. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / И. А. Химченко. М., 2014. 174 с.
7. Якимова Е. М., Нарутто С. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 369–378.
8. Brenner S. Cyberthreats and the Decline of the Nation-State. Routledge, 2014.
9. Collin B. C. The Future of Cyber Terrorism // Crime & Justice International. 1997. Vol. 13, No. 2. March. P. 15–18.
10. Schjolberg Stein. A Cyberspace Treaty — A United Nations Convention or Protocol on Cyber-Security and Cybercrime. Twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. Salvador, Brazil, 12–19 April 2010.

Об авторах:

Атнашев Вадим Рафаилович, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук; atnashev-vr@ranepa.ru

Яхеева Садаф Нумонжоновна, магистрант кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); yakheevasn@gmail.com

About the authors:

Vadim R. Atnashev, Associate Professor, the North-West Institute of Management of RANEPA, Department of International and Humanitarian Law (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philological Sciences; atnashev-vr@ranepa.ru

Sadaf N. Yakheeva, Graduate student of the Department of International and Humanitarian Law, the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); yakheevasn@gmail.com

Международные договоры и юрисдикция государств в современных геополитических условиях

Кириленко В. П.^{1*}, Алексеев Г. В.¹, Яндукова М. В.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * kirilenko-vp@ranepa.ru

² Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. за пятьдесят лет своего существования стала символом того международного правопорядка, где доминируют нормы права, закрепленные в многосторонних соглашениях. Обязательность положений международных договоров, однако, постоянно оказывается под сомнением, так как в условиях глобализации развитые государства придерживаются своих международных обязательств не под страхом политических санкций, таких как реторсии и репрессалии, но из-за необходимости поддержания высокой репутации и авторитета на международной арене. Рациональность исполнения международных соглашений на национальном уровне часто подвержена критике по причине того, что, во-первых, отдельные международные обязательства себя изжили, а во-вторых, всякое договорное ограничение суверенитета государства призвано достигать экономические и / или политические цели. Очевидно, что односторонний выход государства из международного договора возможен только на заранее согласованных условиях, однако обычная практика исполнения международных обязательств демонстрирует, что содержание принципа *pacta sunt servanda* во многом зависит от толкования норм международного права, продиктованного доктриной конституционного правосудия и законодательной политикой суверенной власти.

Ключевые слова: договор, конвенция, доктрина, интеграция, сотрудничество, обязательства

International Treaties and Jurisdiction of States in Modern Geopolitical Conditions

Viktor P. Kirilenko^{a, *}, Georgy V. Alekseev^a, Maria V. Yandukova^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation; * kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

^b St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The Vienna Convention on the Law of International Treaties of 1969 over the fifty years of its existence has become a symbol of the international legal order where the rule of law enshrined in multilateral agreements is dominant. The obligation of international treaties provisions, however, is constantly in doubt, as in the context of globalization, developed states adhere to their international obligations not under the fear of political sanctions, such as retorts and reprisals, but because of the need to maintain high reputation and authority on the international political field. The rationality of international agreements implementation at the national level is often criticized for the reason that, firstly, certain international obligations have become obsolete, and, secondly, any contractual limitation of state sovereignty is intended to achieve economic and/or political goals. Obviously, a unilateral withdrawal of a state from an international treaty is possible only on previously agreed terms, but the usual practice of fulfilling international obligations demonstrates that the content of the principle of *pacta sunt servanda* depends largely on the interpretation of international law, dictated by the doctrine of constitutional justice and legislative policy of sovereign power.

Keywords: treaty, convention, doctrine, integration, cooperation, obligations

Введение

Влияние процессов глобализации на развитие права международных договоров не ограничивается предметной областью юридических наук и разворачивается в поле международной политики и социальной философии. Известный французский философ Сесиль Фабр (Cécile Fabre) полагает, что «в современную эпоху суверенные государства и институты мультилатерализма используют против диктаторских режимов или потенциальных ядерных держав экономические санкции в качестве альтернативы ведению войны» [35, р. 3]. Методы глобального управления (global governance), предполагают использование международных соглашений в качестве инструментов ограничения свободы торговли, вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также глобального продвижения парадигмы прав человека. Вопрос С. Фабр о том, насколько это морально оправданно, затрагивает проблему универсальной справедливости. В юридическом плане актуальны комплексные аспекты устойчивости того международного правопорядка, где принципы мультилатерализма стали обязательными¹.

Датский политолог Каспер Липперт-Расмуссен (Kasper Lippert-Rasmussen) констатирует, что С. Фабре защищает космополитическую теорию мироустройства, ориентированную на защиту прав человека посредством действий за пределами юрисдикции (*лат. ultra vires* — сверхвозможности). В современных геополитических условиях развитые демократические государства активно используют гуманитарную интервенцию для защиты своих политических идеалов, однако всякое ограничение национального суверенитета на практике может являться как аннексией [40], так и правомерной интервенцией. Дискурс аннексии из политической философии имеет прямое отношение к большинству тех ситуаций в современной международной системе, где под ударом находится государственный суверенитет. Косово, Абхазия, Южная Осетия, Сомали, Ливия, Йемен, Крым и даже неопределенность в ситуации с Brexit тесно связаны с пониманием положений Устава Организации Объединенных Наций 1945 г., которые гарантируют народам право на самоопределение и запрещают вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Разнообразие научных подходов к толкованию договорных норм приводит к тому, что действия государств определяются не столько содержанием правовых документов, сколько их реальными социально-политическими и экономическими возможностями.

Международные договоры и теория юрисдикции

Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 г.) определяет термин «договор» как «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» (п. а ст. 2). Венская конвенция о преемстве государств в отношении договоров (принята 23 августа 1978 г.) содержит аналогичное определение (пп. а, п. 1, ст. 2). Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (принята 21 марта 1986 г.) также определяет международный договор как «международное соглашение, регулируемое международным правом и заключенное в письменной форме между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями; или между международными организациями» (пп. а, п. 1, ст. 2). В соответствии с Венской конвенцией 1986 г. недействительность договора может стать следствием ошибки (ст. 48), обмана (ст. 49), подкупа представителя государства или международной организации (ст. 50), принуждения к заключению договора (ст. 50, 51); юридическая сила договора также зависит от его соответствия императивным нормам общего международного права (*jus cogens*) (ст. 53). Наличие явных признаков любого обстоятельства, способного повлечь недействительность договора, как правило, влечет за собой нарушение конституционного правопорядка на национальном уровне и может стать препятствием к исполнению условий соглашения.

Ст. 46 Венской конвенции 1969 г. содержит правило, в соответствии с которым государство «не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося

¹ Доклад Генерального секретаря о работе Организации Объединенных Наций за 2017 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.un.org/sg/ru/content/chapter-ii-pro-motion-sustained-economic-growth-and-sustainable-development> (дата обращения: 26 марта 2019 г.).

компетенции заключать договоры, как на основе недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения». При этом явное нарушение «объективно очевидно для любого государства, действующего добросовестно и в соответствии с обычной практикой» (п. 2 ст. 46). Ст. 8 Венской конвенции 1986 г. уточняет, что «акт, относящийся к заключению договора, совершенный лицом, не ... уполномоченным представлять государство или международную организацию с этой целью, не имеет юридического значения, если он впоследствии не подтвержден данным государством или данной организацией». В доктринальном плане было изначально понятно, что ст. 46 Венской конвенции 1969 г. рассчитана на применение доктрины *ultra vires* из коммерческого права (*contract law*) к праву международных договоров (*law of treaties*) [43].

Положения Венских конвенций 1969 и 1986 гг. относительно *pacta sunt servanda* (ст. 26) идентичны — «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». Организация Объединенных Наций (ООН) предпринимает последовательные усилия для поддержания авторитета и обязательности международных соглашений. Так, ст. 7 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» говорит, что «поведение органа государства либо лица или образования, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти, рассматривается как деяние этого государства по международному праву, если этот орган, лицо или образование действуют в этом качестве, даже если они превышают свои полномочия или нарушают указания»¹. Более того, ст. 32 Резолюции 56/83 утверждает, что в части содержания международной ответственности государства «ответственное государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания для невыполнения своих обязательств». Руководство ООН по международным договорам 2002 г.² отмечает, что «некоторые договоры, включая договоры по правам человека, не содержат положений о выходе из них» (п. 4.5), и увязывает денонсацию международных соглашений с условиями договора и положениями Венской конвенции 1969 г. (п. 4.6). Вместе с тем на практике обязательства могут выполняться не в полной мере, так как, во-первых, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Руководство ООН по международным договорам относятся к числу рекомендательных актов, а во-вторых, очевидно, что для возникновения обязательств по международному праву необходимо компетентное решение государства или международной организации, законность которого не вызывает сомнения. Таким образом, формально-правовой метод исследования демонстрирует возможность использования доктрины *ultra vires* в отношении международных договоров, нарушающих национальные нормы права.

Существенные разногласия между государствами возникают по поводу обязательности отдельных положений самих Венских конвенций. Венская конвенция 1969 г. вступила в силу в 1980 г. и насчитывает 116 государств-участников, однако Республика Индия, Турецкая Республика, Французская Республика и другие государства Конвенцию не подписали, а ряд государств, включая Соединенные Штаты Америки (США), подписали, но не ратифицировали. Венская конвенция 1978 г. вступила в силу в 1996 г., а Венская конвенция 1986 г. не вступила в силу; Россия не подписала Венские конвенции 1978 и 1986 гг., однако ратифицировала Венскую конвенцию 1969 г. — так поступило большинство развитых государств. Государства, не ратифицировавшие Венскую конвенцию 1969 г., фактически расценивают многие положения Конвенции как нормы обычного международного права, но совершенно непонятно, какие именно положения Конвенции факультативны, например, для администрации США³. Ограниченный консенсус в отношении права международных договоров в отдельных сложных случаях приводит к конфликтным ситуациям, хотя никто не ставит под сомнение п. 2 ст. 2 Устава ООН по поводу обязательств *jus cogens*. В отношении пределов компетенции и юрисдикции государств всегда есть перспективы для использования формулы *casus sui generis* (лат. случай особого рода)⁴ с целью исполнения обязательств суверенным государством сообразно собственным представлениям о справедливости.

Полномочия и компетенция отдельных физических и юридических лиц заключать и исполнять договоры от лица государства или международной организации могут ставиться под сомнение как внутри страны, так и всеми правосубъектными участниками международного общения. Рациональное предположение о том, что полномочия (*authority or contravenes instructions*) это

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния *Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts 2001. A/56/49 (Vol. I) / Corr. 4.*

² [Электронный ресурс]. Сайт ООН / URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/treaty_handbook.pdf (дата обращения: 26.03.2019).

³ U. S. Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/s/l/treaty/faqs/70139.htm> (дата обращения: 26.03.2019).

⁴ Интервью Президента Российской Федерации Д. А. Медведева телекомпании Си-Эн-Эн 26.08.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1227> (дата обращения: 01.04.2019).

особого рода формальности и документы, в то время как юрисдикция и компетенция определяются фактически международной ситуацией, сталкивается с трудностями в толковании понятий «юрисдикция» и «компетенция». Проблемы герменевтики при толковании международных договоров не сводятся к известному факту относительно того, что «отсутствие четкого определения понятий “юрисдикция” и “компетенция” в международно-правовых актах и решениях Международного суда [ООН], а также непоследовательное употребление этих терминов в одних и тех же документах подтолкнуло многих ученых к разработке разнообразных теорий о содержании и соотношении этих понятий» [4].

Обстоятельный научный анализ вопроса юрисдикции в международном праве, проведенный А. Р. Каюмовой, показывает, что если «юрисдикция государства проявляется через властные полномочия его органов на различных уровнях — законодательном, исполнительном и судебном» [27, с. 10], то это «влечет за собой разделение юрисдикции государства на три указанные составляющие» [11, с. 167]. Вместе с тем очевидно, что юрисдикция является «одним из аспектов суверенитета» [Там же]. Широко известна позиция профессора И. И. Лукашука относительно того, что «полная юрисдикция означает власть государства предписывать поведение и обеспечивать реализацию своих предписаний всеми имеющимися в его распоряжении законными средствами» [14, с. 331]. Профессор Л. Н. Галенская справедливо полагает, что юрисдикция «включает в себя действие норм права в пространстве и по кругу лиц, охватывая все способы реализации права: применение, соблюдение и использование» [5, с. 36]. Функциональная юрисдикция, таким образом, проявляется через суверенное право государства создавать самостоятельно или посредством международных организаций и наднациональных союзов правовые нормы, соблюдать и исполнять согласованные правила, а при необходимости осуществлять применение права.

Избегая проблем, связанных с восприятием международного права как системы убеждений [34], приходится согласиться с тем, что любое государство, принимая на себя определенные обязательства, действует исходя из определенных ожиданий (expectations) [30]. Таким образом, любое государство, заключая, например, договор с Муаммаром Каддафи до известных событий в октябре 2011 г., ожидало, что «Джамахирия» просуществует достаточное время, чтобы исполнить свои обязательства. Того же, надо полагать, ожидали и представители Ливии, имевшие полномочия на заключение соглашений, однако после смерти Муаммара Каддафи все договоры с его режимом оказались лишены юридического значения и возникла дилемма: правая ли неопределенность вокруг компетенции и юрисдикции Ливии как государства. Решение проблем подобных ситуаций в Ливии и Сомали невозможно на международном уровне, так как изначально необходимо восстановить конституционный порядок внутри этих стран.

Научная дискуссия о конституционных основах юрисдикции и компетенции позволяет не только рассматривать конституционный правопорядок как основу для добросовестного исполнения международных обязательств, но и использовать конституционное правосудие с целью изменения содержания международных обязательств. Известный российский специалист по международному праву В. С. Иваненко, констатируя, что «в отечественной доктрине и практике господствует мнение, что приоритет безусловно принадлежит нормам Конституции» [9, с. 63], справедливо полагает, что «трудно представить, что Конституция России обладает верховенством над такими фундаментальными для мирового сообщества международными договорами, уже находящимися и действующими в российской правовой системе, как Устав ООН, Устав Совета Европы, Устав СНГ, Международные пакты о правах человека, Европейская конвенция о защите прав человека, и сотнями других договоров» [Там же, с. 69]. Вместе с тем профессор С. П. Маврин обоснованно полагает, что «конституционные суды в состоянии, действуя как самостоятельно, так и во взаимодействии с иными органами и ветвями публичной власти в рамках согласительных процедур, ... создавать конституционно-правовые условия для бесконфликтного и устойчивого развития общества и государства» [17, с. 2], и, следуя этой логике, «положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их толковании, данным решениями Европейского суда по правам человека, могут и должны включаться в российскую правовую систему, но могут действовать в ней только при соблюдении условия их подчиненности высшей юридической силе Конституции РФ» [16, с. 124]. Очевидно, что доктринальные подходы к законности судебных решений в рамках теории конституционного права оценивают вопросы политического режима и законодательных принципов. В конституционной доктрине Российской Федерации действия Европейского суда по правам человека могут пониматься как *ultra vires*, в случае если они противоречат Конституции Российской Федерации и ограничивают суверенитет государства.

Пределы юрисдикции государств и международных организаций

Международная ситуация влияет на содержание обязательств, возникших из международных соглашений, так как в международном праве «принцип *pacta sunt servanda* имеет существенное исключение в виде *clausula rebus sic stantibus* [лат. поговорка о вещах, остающихся в том же положении], которое не отменяет, однако, его характера *jus cogens*» [22, с. 116]. Представляется очевидным, что обязательства конкретного государства по международному праву имеют юридическое значение только в том случае, если предмет обязательства остается под юрисдикцией данного государства и входит в компетенцию его государственных органов. За пределами юрисдикции государства осуществляется «деятельность, превышающая определенные права и выходящая за рамки полномочий» [21] (*ultra vires*), которая порождает спорные правовые ситуации.

Некоторые действия *ultra vires* могут признаваться (в смысле *opinio juris*) сторонами законными, и они приобретают обязательное значение при условии признания этих действий обязанной стороной, однако, как правило, доктрина *ultra vires* используется обязанной стороной для того, чтобы исключить действие обязательств, вытекающих из соглашения *ultra vires*. Так, например, всякое гипотетическое обязательство, принятое на себя Украиной по поводу Автономной Республики Крым, после вхождения Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации не будет иметь реальной юридической силы до тех пор, пока для Украины это обязательство *ultra vires*. В данном случае известная дилемма о законности воссоединения России и Крыма [37] не имеет правового значения, так как отсутствие со стороны Украины административного контроля *de facto* влечет за собой невозможность исполнения любых обязательств. Помимо территориальной юрисдикции, компетенция органов государственной власти ограничена национальным законодательством, которое может изменяться по социально-политическим причинам, и затрагивает возможность исполнения международных обязательств в смысле положений Венских конвенций о праве международных договоров.

Принципиально спорной является оценка работ Лаури Мелксу (Lauri Mälksoo), согласно которой «когда официальные власти Российской Федерации обвиняют “Запад” в нарушении норм международного права, за этим стоит ... не адресация к нормам международного права как таковым, а скорее недовольство постоянно члена Совета Безопасности ООН, связанное с отказом учитывать его интересы и его привилегированное положение в международном сообществе» [6, с. 148]. Такие взгляды, ориентированные на доктринальный популизм, отражают политизацию научных исследований и далеко не всегда справедливо характеризуют политико-правовую действительность, но соответствуют трендам глобальной интеграции в информационном обществе, где все субъекты пропагандируют конкретное видение национальных интересов [12]. Судьба политических решений действующей законодательной власти и международных обязательств государства, ратифицированных в период пребывания у власти в стране оппозиционных сил, во многом зависит от понимания органами государственного управления природы международного права. Если сформулировать концепцию международного права, где способы распределения и репрезентации международного влияния занимают центральное место [41], то в такой доктрине международного права очевидна недооценка влияния гуманитарной составляющей на современную доктрину международного права [26] и неоправданно мало внимания уделяется доктрине позитивизма [7; 8; 10], однако такое видение международного права свойственно западной «юриспруденции Нью-Хейвена» (New Haven jurisprudence) [42].

В середине XX в. известные британские юристы Джеймс Бриерли (James Leslie Brierly) [32] и Клод Уолдок (Claud Humphrey Meredith Waldock) [48] проводили работу по созданию текста многостороннего соглашения о праве международных договоров. Вполне логично предположить, что классические доктрины англо-американского договорного права оказали существенное влияние на понимание природы международных договоров и тех обязательств, которые из них следуют. Многие российские юристы — специалисты в области международного права, находясь под влиянием знаковых работ Ганса Кельзена (Hans Kelsen) [38; 39], стали придерживаться позитивистского подхода к международному праву, однако для англо-американской системы в основе принципа *pacta sunt servanda* изначально лежали постулаты правового реализма, близкого к той экономической рациональности, о которой пишет Брайан Таманаха (Brian Z. Tamanaha) [46]. Понимание договорного обязательства как рациональной модели поведения государства в существующих геополитических условиях тесно связано с правами человека, либеральными ценностями и демократическим режимом в основе государственного управления.

Доктрина *ultra vires* раскрывается применительно к действиям государств, которые те осуществляют через международные организации и интеграционные объединения. Вопрос о юридической действительности актов и решений, принятых международными организациями сверх их полномочий, в последние годы привлекал внимание правоведов, международных судов и трибуналов. Однако из-за постоянных процедурных нарушений и практики некоторых организаций принимать меры, которые прямо не предусмотрены в их учредительных документах, однако могут быть полезными для эффективного выполнения их функций, международное сообщество не сформулировало общих принципов или критериев для определения пределов юрисдикции интеграционных объединений [44]. Так, например, американский профессор Уильям Бурк (William T. Burke) рассматривает Решение Международной комиссии по промыслу китов (IWC) от 1994 г. о создании заповедника в Южном океане в свете требований, предъявляемых к таким действиям в соответствии со ст. I и V Международной Конвенции по регулированию китобойного промысла (ICRW) (в ред. Протокола от 19 ноября 1956 г.), как *ultra vires* в силу того, что якобы не были соблюдены требования ст. V о необходимости научного обоснования таких решений [33, р. 315].

Сиюминутная конъюнктура и временное применение международных договоров может вызвать практические трудности как внутригосударственного, так и международного характера. Так, например, проблемы возникли при временном применении Россией Договора к энергетической хартии от 17 декабря 1994 г. [28] В июле 2006 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин совершенно справедливо отметил, что «Энергетическая хартия содержит явные внутренние противоречия и выгоды от ратификации Энергетической хартии для России не вполне ясны»¹. Коллизии в связи с изменением международных условий могут значительно менять содержание договорных обязательств. При этом «коллизии могут возникнуть не только между нормами международного и национального права, но и между законодательствами нескольких государств. Кроме того, они возникают между нормами права одного государства. Не исключены коллизии между самими международными договорами, так как в договорах могут участвовать одни и те же государства, а предмет договора может быть одинаков» [25, с. 126].

Определяя пределы юрисдикции государства, нельзя обойти стороной тот факт, что актуальность доктрины *ultra vires* связана с экономическими интересами частных и правительственных корпораций, а также действиями их представителей. С одной стороны, государства стремятся осуществлять хозяйственную деятельность через корпорации, которые обладают самостоятельной правосубъектностью и органами управления [45]. С другой стороны, корпорации и отдельные влиятельные предприниматели, используя инструменты лоббизма и государственно-частного партнерства, стремятся извлекать выгоду из тех привилегий, что свойственны суверенным государствам [47]. В результате иммунитет, свойственный государству и его представителям, приобретают экономическое содержание, проникают во все сферы международного общения государств, заставляют оценивать вероятность исполнения международных обязательств в каждом конкретном случае, исходя из возможностей участников международного соглашения по оказанию политического и экономического влияния друг на друга.

Государственный суверенитет и нормы права международных договоров

В контексте международной интеграции очевидна тенденция теоретического обоснования новых подходов к суверенитету, а также предметного законодательного регулирования «порядка решения внешнеполитических вопросов с участием в этом процессе как парламентов европейских государств, так и непосредственно народа» [3, с. 72]. Достаточно типична логика, которая оценивает суверенитет «в связке с каким-либо другим феноменом, который выступает в роли оппонента ... «суверенитет vs право на самоопределение», «суверенитет vs безопасность» и «суверенитет vs права человека»» [13, с. 142]. Интеграционные процессы способны не только ограничивать государственный суверенитет, но и могут провоцировать актуализацию его традиционных и новых форм.

Если действие интеграционных договоров будет «сдерживать национальные проблемы и невольно инициировать серьезные стычки между Союзом и одним или несколькими его членами» [20, с. 146], то их исполнение станет невозможным в результате реализации различных форм суверенитета, в том числе парламентского или судебного. Развитие ситуации с Brexit, когда никто не в состо-

¹ Энергетическая хартия [Электронный ресурс]. Справка / URL: <https://ria.ru/20090130/160544072.html> (дата обращения: 03.04.2019).

янии принимать политические решения в полной мере, отражает содержание доктрины парламентского суверенитета. Несмотря на то, что парламентский суверенитет формально не закреплен в Конституции Великобритании, суверенитет Парламента продолжает использоваться учеными, которые сознательно или неосознанно применяют этот термин к новым конституционным явлениям [2; 18]. Для обеспечения надлежащего исполнения обязательств по международному праву принципиальное значение имеет также судебный суверенитет. В частности, Постоянная палата третейского суда постановила, что право Великобритании регулировать рыбный промысел ограничено международными обязательствами, так как «подобное регулирование должно осуществляться *bona fide* (добросовестно)» [23, с. 139].

Британский профессор Тревор Аллан (Trevor Robert Seaward Allan), характеризуя судебный надзор как институт, гарантирующий общий суверенитет государства, справедливо отмечает, что критики *ultra vires* полагаются на общее право, однако они неправильно понимают его природу и последствия. С одной стороны, они заявляют о судебном доминировании, маргинализируя роль законодательства; с другой стороны, они утверждают, что абсолютный парламентский суверенитет подрывает доктрину *ultra vires*. Вместе с тем при реализации конституционного правосудия может возникать коллизия между парламентским суверенитетом и верховенством закона [29, р. 563]. Таким образом, суверенное право народа изменять конституционный строй государства, несомненно, оказывает влияние на обязательность исполнения договорных обязательств всеми лицами, юридическим образом связанными с государством, переживающим революционную трансформацию.

Доктрина *ultra vires* формально позволяет не исполнять любое спорное договорное обязательство при условии, что законодательная власть меняет правовые условия и санкционирует запрет на исполнение обязательств. Так, например, в период с 1987 по 1989 г. Лондонский городской совет района Hammersmith and Fulham заключил почти 600 сделок с деривативами. В 1991 г. палата лордов постановила, что совет не имел права заключать такие контракты, и сделки были аннулированы. В последнее время «вторая волна» решений *ultra vires*, в том числе с участием государственных органов Норвегии, Голландии и Италии, демонстрирует то, как глобальный характер современных финансовых рынков еще больше усложнил проблему *ultra vires*. Возникло существенное противоречие между рыночным подходом к договорам английских судов, с одной стороны, и жесткостью традиционной доктрины *ultra vires*, с другой [31, р. 369]. Использование доктрины *ultra vires* на финансовых рынках постепенно приобрело глобальный характер. Так, например, Регулирующий орган Китайской Народной Республики по ценным бумагам обеспечивает соблюдение запретов на внутреннюю торговлю в соответствии с ненормативными внутренними «руководящими указаниями». Американский юрист Николас Хоусон (Nicholas Calcina Howson) утверждает, что руководство Агентства не имеет юридической силы, в том числе потому, что руководство является *ultra vires*, так как оно не касается предмета правового регулирования, и радикально трансформирует нормы права о внутренней торговле в соответствии с китайским законодательством [36, р. 955].

Добросовестность всех участников международного общения является необходимым условием для реализации положений права международных договоров. В доктрине международного права существуют объективные парадоксы. С одной стороны, «положение о том, что государство не может избежать ответственности за международное правонарушение, ссылаясь на свое внутреннее право, в том числе на конституцию, поддерживается все большим числом государств и утверждается в международном праве в качестве принципа международной ответственности» [19, с. 102]. С другой стороны, «известны случаи, когда международные организации становились орудием незаконного применения силы для принуждения государств к заключению международных соглашений, оказывали экономическое и финансовое давление на слабые в экономическом отношении страны, вмешивались в их внутренние дела, навязывали неравные кабальные условия договоров» [24, с. 132]. Реализация суверенных прав в соответствии с национальными интересами является необходимым условием действия принципа *pacta sunt servanda* в международном праве.

Заключение

Юрисдикция государств в отношении предмета международного договора предполагает возможность обеспечения выполнения международного договора всеми сторонами, принявшими на себя соответствующие обязательства. Ратификация соглашений, которые заведомо не будут выполняться в полном объеме, фактически находится за пределами юрисдикции (*ultra vires*). Компетенция государственных органов по заключению международных соглашений ограничивается не только

их полномочиями, способностью государства к реализации суверенных прав, а также положениями национального публичного права, но также всегда существуют объективные временные рамки для реализации юрисдикции государства.

Фрагментация международного права порождает юридические коллизии между региональными и универсальными нормами, так как соглашения, достигнутые в различных областях экономической интеграции, могут вступать в противоречия друг с другом. Приверженность мирового сообщества идеалам демократии ставит на повестку дня вопрос о легитимности обязательств, принятых на себя тоталитарными, недемократическими режимами. Концептуальное понимание абсолютного суверенитета государства приводит к выводу о необходимости следовать букве международного договора только при условии, что действия государственной администрации не противоречат конституционному правопорядку и национальным интересам.

Юрисдикция государства как пределы компетенции его органов власти предполагает эффективный административный контроль над тем кругом вопросов, что субъекты международного права обычно не могут решать в одностороннем порядке. Отказ от определенной части национального суверенитета в определенной степени всегда является обязательством *ultra vires*. Влияние на политику суверенных государств через внедрение практики политических санкций со стороны влиятельных государств и наднациональных институтов преследует социально-экономические цели за пределами их юрисдикции и приводит к дезинтеграционным процессам.

Современное понимание обязательности международных договоров может следовать как из доктрины народного суверенитета, так и из представлений о компетенции парламента устанавливать и толковать нормы права «особо важного значения». Принцип добросовестного исполнения обязательств по международному праву предполагает, что договоры соответствуют нормам национального публичного права на момент выражения государством согласия на обязательность международного соглашения (ратификации), однако политические режимы, получившие власть на территории государства после ратификации условий международного договора, могут как признавать, так и принципиально оспаривать законность действий государства, обвиняя предыдущее руководство страны в коррупции, преступной некомпетентности или государственной измене.

Литература

1. Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 3–15.
2. Барбер Н. В. Загробная жизнь парламентского суверенитета // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 3 (326). С. 156–171.
3. Беспалова М. В. Вопросы правового регулирования передачи суверенных полномочий межгосударственным объединениям (на примере стран Европы) // Евразийский юридический журнал. 2013. № 9 (64). С. 72–77.
4. Величковский А. В. Проблемные аспекты понятия «юрисдикция международного суда ООН» [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 4. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/30023> (дата обращения: 03.04.2019).
5. Галенская Л. Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. 44 с.
6. Дубровский Д. В. Lauri Malksoo. Russian Approaches to International Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. 240 p. // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2017. № 1. С. 146–151.
7. Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 8 (64). С. 5–26.
8. Ершов В. В. О формах международного права, реализуемых в России // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 195–200.
9. Иваненко В. С. Международные договоры и Конституция России в российской правовой системе: проблемные вопросы правового статуса и взаимодействия // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 6 (10). С. 54–72.
10. Каламкарян Р. А. Концепция господства права в современном международном праве // Государство и право. 2003. № 6. С. 50–57.
11. Каюмова А. Р. Понятие и содержание юрисдикции в доктрине международного и внутригосударственного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 164–177.
12. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 20–38.
13. Кузнецов А. С. «Надушенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2. № 3. С. 241–252.

14. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 415 с.
15. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., Волтерс Клувер. 2004. 404 с.
16. Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблеме имплементации Европейской конвенции по правам человека // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 119–124.
17. Маврин С. П. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в урегулировании конституционных конфликтов // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 2–5.
18. Марченко М. Н. Доктрина суверенитета парламента и судебное правотворчество в Великобритании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6 (263). С. 81–90.
19. Осминин Б. И. Международные договоры и иерархия источников внутригосударственного права // Журнал российского права. 2012. № 11 (191). С. 102–113.
20. Павельева Э. А. Роль национальных парламентов в нормотворческом процессе ЕС // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 145–149.
21. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. 1999. М. : ИНФРА-М. 479 с.
22. Симонова Н. С. Принцип pacta sunt servanda в механизме обеспечения выполнения обязательств по международным договорам // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 116–122.
23. Симонова Н. С. Условия добросовестности выполнения обязательств по международным договорам: понятие и сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 138–141.
24. Тарасова Л. Н. Актуальные вопросы правомерности международных договоров с участием международных организаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 130–135.
25. Тиунов О. И., Манов Б. Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права // Журнал российского права. 2008. № 6 (138). С. 124–142.
26. Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325). С. 48–61.
27. Ушаков Н. А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М. : Наука. 1993. 238 с.
28. Шуткин М. В. Принцип pacta sunt servanda и ответственность по международным договорам Российской Федерации // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 107–110.
29. Allan T. R. S. Constitutional Dialogue and the Justification of Judicial Review // Oxford Journal of Legal Studies 2003. Vol. 23. Iss. 4. P. 563–584.
30. Blundell D. Ultra Vires Legitimate Expectations // Judicial Review 2005. Vol. 10. Iss. 2. P. 147–155.
31. Braithwaite J. Thirty Years of Ultra Vires: Local Authorities, National Courts and the Global Derivatives Markets // Current Legal Problems. 2018. Vol. 71. Iss. 1. P. 369–402.
32. Briery J. L. The Basis of Obligation in International Law. London : Oxford University Press. 1958. 387 p.
33. Burke W. T. Memorandum of Opinion on the Legality of the Designation of the Southern Ocean Sanctuary by the IWC // Ocean Development & International Law. 1996. Vol. 27. Iss. 3. P. 315–326.
34. D'Aspremont J. International Law as a Belief System. Cambridge : Cambridge University Press. 2017. 176 p.
35. Fabre C. Economic Statecraft: Human Rights, Sanctions, and Conditionality. Harvard : Harvard University Press. 2018. 224 p.
36. Howson N. C. Enforcement without Foundation? — Insider Trading and China's Administrative Law Crisis // The American Journal of Comparative Law. 2012. Vol. 60. Iss. 4. P. 955–1002.
37. Kalinichenko P. A. Post-Crimean Twister: Russia, the EU and the Law of Sanctions // Russian Law Journal. 2017. Т. 5. № 3. С. 9–28.
38. Kelsen H. Principles of International Law. The Lawbook Exchange. 2012 (1952). 480 p.
39. Kelsen H. The Law of the United Nations // The Yale Law Journal. 1951. Vol. 60. No. 1. P. 189–193.
40. Lippert-Rasmussen K. Just Annexation // Journal of Applied Philosophy. 2018.
41. Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford : Oxford University Press. 2015. 240 p.
42. McDougal M. S., Lasswell H. D. Legal Education and Public Policy: Professional Training in the Public Interest // Yale Law Journal. 1943. No. 52. P. 203–295.
43. Meron T. Article 46 of the Vienna Convention on the Law of Treaties (Ultra Vires Treaties): Some Recent Cases // British Yearbook of International Law. 1978. Vol. 49. Iss. 1. P. 175–199.
44. Osieke E. The Legal Validity of Ultra Vires Decisions of International Organizations // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. Iss. 2. P. 239–256.
45. Snodgrass F. R. Dealing with Governmental Entities. New York : Practising Law Institute. 1995. 66 p.
46. Tamanaha B. Z. A Realistic Theory of Law. Cambridge : Cambridge University Press. 2017.
47. Tomonori M. Denying Foreign State Immunity on the Grounds of the Unavailability of Alternative Means // The Modern Law Review. 2008. Vol. 71. No. 5. P. 734–752.
48. Waldock C. H. M. The Law of Mortgages. Sweet & Maxwell. 1950. 451 p.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; kirilenko-vp@ranepa.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

Яндукова Мария Владимировна, студент Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); yandukova@gmail.com

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; kirilenko-vp@ranepa.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru

Maria V. Yandukova, Student at the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation); yandukova@gmail.com

Международно-правовые источники сохранения водных биоресурсов Каспийского моря

Лебедев А. С.*, **Гиноян А. А.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * lebedev-as@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу международно-правовых источников сохранения водных биоресурсов Каспийского моря. Ввиду интенсивного освоения нефтяных и газовых месторождений Каспийского моря, браконьерства и изменения уровня моря возникла необходимость в создании международно-правовых механизмов защиты его флоры и фауны. Более 25 лет Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан работали над этими механизмами. Их деятельность в этом направлении осложнялась различиями в понимании правового статуса Каспийского моря. Но даже в таких условиях Прикаспийским государствам удалось достичь взаимопонимания по ключевым моментам сохранения водных биоресурсов Каспийского моря.

Ключевые слова: Каспийское море, биоресурсы, флора и фауна, защита, Прикаспийские государства

International Legal Sources of Aquatic Bioresources Safety in the Caspian Sea

Alexandr S. Lebedev*, **Arman A. Ginoyan**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint-Petersburg, Russian Federation; * lebedev-as@ranepa.ru

ABSTRACT

The present article analyzes international legal sources of aquatic bioresources safety in the Caspian Sea. Because of intensive development of oil and gas fields in the Caspian Sea, poaching and sea level change there was a need of international legal mechanisms as for the protection of its flora and fauna implementation. More than for 25 years Russia, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan have worked over these mechanisms. Their activity in this field is complicated by differences in understanding of legal status of the Caspian Sea. But even in such conditions Caspian states have reached understanding concerning key moments of aquatic bioresources in the Caspian Sea.

Keywords: Caspian Sea, bioresources, flora and fauna, safety, Caspian states

Как самый крупный бессточный, внутриконтинентальный водоем в мире Каспийское море представляет интерес не только с точки зрения наличия крупных нефтяных и газовых месторождений, сопоставимых с Персидским заливом. Это также и уникальная по морской флоре и фауне экологическая система, формировавшаяся на протяжении миллионов лет в замкнутом пространстве. Каспийское море является домом для 87 видов микрофитов, более 150 видов и подвидов рыб, в числе которых шесть осетровых. Среди млекопитающих здесь обитает каспийский тюлень. Более чем столетнее освоение территорий Каспия не могло не сказаться на экологической обстановке региона. Разведка и активная добыча полезных ископаемых стали причиной увеличения всевозможных природно-техногенных процессов, что, безусловно, отражается и на состоянии водных биоресурсов. Неуклонной деградации представителей флоры и фауны способствуют явления, такие как: браконьерство, выбросы углеводородов, хлорных органических соединений и тяжелых металлов, изменение уровня моря. По утверждению В. П. Гаврилова, конечным результатом загрязнения Каспийского моря и неразумного хозяйствования является общее резкое снижение среднегодовых уловов рыбы [2, с. 43]. Естественно, чем интенсивнее осваиваются нефтяные и газовые месторождения Каспийского моря, тем острее стоит проблема сохранения уникальной природной среды региона, представляющей собой достояние не только Прикаспийских государств, но и всего мирового сообщества в целом.

В течение нескольких веков и вплоть до 90-х гг. прошлого столетия Каспийское море было предметом ведения двух государств — России и Ирана. Взаимоотношения по его хозяйственному освоению в разные времена основывались на Петербургском (1723), Рештском (1729), Гюлистанском (1813), Туркманчайском (1828) договорах. В первые послереволюционные годы существования молодой советской республики правовой основой для деятельности в акватории Каспийского моря служил подписанный в 1921 г. договор РСФСР с Персией, дважды пересмотренный до начала Великой Отечественной войны. В частности, согласно Договору о торговле и мореплавании в Каспийском море от 25 марта 1940 г., устанавливался определенный режим, в отношении пошлин, налогов, складирования товаров под таможенным контролем [3]. Судходство оставалось свободным и для Советского Союза, и для Ирана, за исключением десятимильных национальных рыболовных зон. Документом, однако, не регулировалось все, что касалось разграничения морского дна и недропользования, военной деятельности, охраны природной среды. Так, вопрос защиты флоры и фауны в подконтрольной северной части Каспийского моря Советский Союз решил путем придания ей Постановлением Совета Министров РСФСР от 31.01.1975 № 78 «Об объявлении заповедной зоны в северной части Каспийского моря» статуса заповедника. Здесь запрещалась любая деятельность по загрязнению морской среды, прилегающих рек, их берегов и пойм, а также применению в сельском и лесном хозяйстве вредных для рыбы и других водных организмов ядохимикатов [5]. Постановлением же Совета Министров СССР от 23.09.1968 № 759 «О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря» устанавливался запрет на ввод в эксплуатацию нефтяных скважин без проведения эффективных мероприятий, исключающих загрязнение Каспийского моря нефтью [6]. В целом же, несмотря на отсутствие договоренностей по множеству важнейших вопросов, одним из которых являлась защита окружающей среды, Советскому Союзу совместно с Ираном удавалось довольно эффективно сотрудничать на Каспии. Ситуация поменялась после 1991 г.

Вследствие распада Советского Союза в регионе Каспия образовалось пять акторов международных отношений. Казахстан, Туркмения и Азербайджан, опираясь на положения Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г., предъявили свои права на ведение хозяйственной деятельности в Каспийском море. При этом желания Прикаспийских государств теперь выходили за рамки только лишь общего пользования морским пространством. Все они ставили своей задачей раздел морского дна с целью дальнейшей разработки полезных ископаемых, для чего необходимо было определиться с границами. Иначе говоря, «прописать» правовой статус Каспийского моря. И несмотря на признание всеми Прикаспийскими странами необходимости принятия незамедлительных шагов по сохранению водных биоресурсов и решению экологических проблем Каспия, все попытки дальнейшего международного сотрудничества в этой области не имели особого успеха из-за разногласий по вопросам его правового статуса [9, с. 58]. Так или иначе, международно-правовые механизмы сохранения водных биоресурсов Каспийского моря прорабатывались.

С 1992 г. совместными усилиями Прикаспийских государств велась деятельность по разработке проекта соглашения, которое, с одной стороны, определяло бы правовой режим Каспийского моря, а с другой — формулировало бы правовую основу для проведения исследований его подводного мира. Кроме этого предполагалось ввести квотирование на вылов рыбы. Исключением составляли осетровые, чей вылов разрешался бы только Ирану и то традиционным способом вблизи его побережья. Проект так и остался не осуществленным. На большее, чем создание межведомственной Комиссии по водным биологическим ресурсам Каспийского моря, Прикаспийские государства в то время не готовы были пойти.

С принятием Россией, Казахстаном, Туркменией, Азербайджаном и Ираном Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря от 4 ноября 2003 г. (Далее — Тегеранская конвенция) отсчитывается новый этап в развитии международных правовых механизмов сохранения его водных биоресурсов. Документ охватывает не только вопросы сохранения, защиты и восстановления биологических ресурсов в условиях ухудшения состояния морской среды и колебания уровня моря, но и закладывает правовую основу для осуществления такого взаимодействия на международном уровне. Само понятие «защита», которое приводится в Тегеранской конвенции, трактуется достаточно широко — и как создание препятствий на пути загрязнения водоема, и как сохранение, восстановление, устойчивое и рациональное использование биологических ресурсов [10]. Важно отметить, что Тегеранской конвенцией закрепляются положения о совместном устраниении последствий катастроф и аварий, возникающих в результате антропогенной деятельности человека (ст. 13), и о развитии и повышении потенциала биологических ресурсов, о поддержании и восстановлении морских видов Каспийского моря (п. 1 ст. 14). В соответствии с разделом VI Тегеранской конвенции учреждается специализированный наднациональный орган, Конференция Договаривающихся сторон, для дальнейшей координации действий в сфере защиты морской среды Каспийского моря.

К сфере деятельности Конференции сторон Тегеранской конвенции, располагающейся в Женеве (Швейцария), относится: выявление конкретных угроз биологическому разнообразию Каспийского моря и определение факторов, им способствующих, оценка воздействия на окружающую среду инцидентов, вызванных антропогенной и, прежде всего, нефтедобывающей деятельностью, разработка и принятие актов в части, касающейся охраны окружающей среды и защиты флоры и фауны Каспийского моря. Одним из таких актов является Протокол о сохранении биологического разнообразия от 30 мая 2014 г. (Далее — Ашхабадский протокол). Данный международно-правовой акт исходит из обязательности ведения реестров, находящихся под угрозой исчезновения представителей флоры и фауны Каспийского моря. Кроме этого, в нем говорится о необходимости контроля и даже запрета преднамеренного отлова и любой деятельности, приводящей к деградации фауны, особенно в период размножения, инкубации, спячки или миграции. За теми видами, которые находятся под угрозой исчезновения, следует установить постоянный мониторинг с использованием возможностей международного сотрудничества и обмена информацией о мерах, принимаемых для сохранения их популяции. В обязательство каждого Прикаспийского государства входит разработка как на региональном, так и национальном уровнях планов действий по сохранению и восстановлению видов. Отдельным разделом поднимается тема охраны и сохранения охраняемых районов.

Так, в Ашхабадском протоколе присутствует понятие «охраняемый район» как некоторая географически обозначенная территория, которая выделяется, регулируется и используется для достижения конкретных природоохранных целей [7]. На все Прикаспийские государства в соответствии с п. 1 ст. 11 Протокола распространяется обязательство по ведению списков территорий, для присвоения которым статуса охраняемых районов служат основания, указанные в п. 1 ст. 9 Протокола. При этом с момента присвоения такого статуса на охраняемой территории вводится запрет на любое захоронение и размещение отходов, способное нанести вред целостности ее экосистемы. Проход судов, их постановка на рейд, а также строительные и изыскательские работы, научно-исследовательская деятельность строго регламентируются. Наконец, в охраняемых районах регулируется рыболовство, охота, отлов животных и сбор растений, как и интродукция и реинтродукция видов растений и животных, включая виды, не присущие охраняемой местности.

В итоговом документе II Каспийского саммита, проходившего в 2007 г. в Тегеране, пятью государствами был подтвержден курс на сотрудничество в решении вопросов защиты биологического разнообразия Каспийского моря на принципах Тегеранской конвенции. Нововведением стало то, что координация национальной природоохранной деятельности в регионе Каспия

дополнялась взаимодействием с международными природоохранными организациями. Общеизвестно, что к тому времени положения Конвенции СИТЕС распространились на акваторию Каспийского моря вследствие внесения осетровых видов рыб в приложения I и II к ней. Также в регионе активизировали свою работу ряд международных универсальных и региональных организаций, таких как: Международный союз охраны природы (МСОП), Комиссия по выживанию видов при Международном союзе по охране природы (SSC), специальная группа по осетровым МСОП (SSG) и другие [1, с. 113].

Дискуссия по формированию международно-правовых механизмов защиты водных биоресурсов Каспийского моря приобрела новый импульс после подписания в 2014 г. Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря (Далее — Соглашение). Отличительной особенностью данного документа является то, что в нем всецело акцентируется внимание на вопросах защиты морской флоры и фауны. В частности, вводится такое понятие, как «совместные водные биологические ресурсы», куда относятся, прежде всего, осетровые виды рыб, кильки и тюлени. Основой для сотрудничества государств (ст. 4 Соглашения) выступает не только приоритет сохранения водных биологических ресурсов Каспийского моря перед их коммерческим использованием, но и сохранение его экологической системы и биологического разнообразия морской среды. Соглашение настаивает на необходимости введения такой деятельности с применением научных исследований и общепринятых научных правил регулирования промысла и сохранения водных биологических ресурсов. В отношении вылова осетровых прямого запрета не устанавливается, но оговаривается, что такой промысел возможен только в обозначенных специальной комиссией реках, устьях и морских районах (ст. 7 Соглашения).

Для достижения целей по защите водного биологического разнообразия Каспийского моря создается специализированная комиссия, в состав которой входят по два представителя от каждого Прикаспийского государства. В ее полномочия входит [8]:

- координация деятельности по сохранению, воспроизводству, рациональному использованию совместных биологических ресурсов;
- внесение изменений в перечень видов совместных водных биологических ресурсов;
- ежегодное определение общих допустимых уловов совместных водных биологических ресурсов и распределение их на национальные квоты;
- установление критериев распределения общего допустимого улова совместных водных биологических ресурсов на национальные квоты;
- согласование объемов вылова осетровых видов рыб;
- регулирование промысла и сохранения совместных водных биологических ресурсов;
- утверждение правил рыболовства в отношении совместных водных биологических ресурсов;
- разработка и утверждение необходимых программ и проектов по охране редких и находящихся под угрозой исчезновения видов совместных водных биологических ресурсов.

Последним документом, формирующим текущую международную правовую основу охраны водных биоресурсов Каспия, является Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, принятая на V Каспийском саммите в 2018 г. В ней стороны обязуются путем принятия самостоятельных или совместных мер сохранять биологическое разнообразие флоры и фауны Каспийского моря, достигать благодаря сотрудничеству их восстановления, устойчивого и рационального использования [4].

Подводя итог, отметим, что деятельность Прикаспийских стран по разработке и унификации правовых механизмов сохранения биологического разнообразия Каспийского моря ведется более чем 25 лет. За это время сформировалась достаточно прочная международная правовая основа. Она включает в себя ряд фундаментальных международно-правовых актов, таких как: Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря и Ашхабадский протокол к ней, Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. И если в последнее десятилетие прошлого столетия работа над выработкой правовых механизмов защиты флоры и фауны Каспийского моря осложнялась общим стремлением государств Каспийского региона закрепить территориальные претензии на пользование водоемом, то в начале 2000-х удалось существенно продвинуться именно в вопросе природоохранной деятельности.

Уже в Тегеранской конвенции, помимо экологии, отдельный раздел посвящается защите, сохранению и восстановлению морской среды Каспийского моря, хотя и отсутствует необходимая

терминологическая база, за исключением понятия «инвазивных видов-вселенцев». Отличительной особенностью Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря является то, что оно всецело посвящено охране биологического разнообразия Каспийского моря. В нем терминологическая база в части, касающейся природоохранной деятельности, дополняется такими понятиями, как: «водные биологические ресурсы», «вылов», «промысел» и т. д. Если в Тегеранской конвенции декларируются намерения о необходимости защиты флоры и фауны Каспийского моря, то в Соглашении определяются конкретные шаги для достижения этой цели, которые подкрепляются положениями Ашхабадского протокола. В том числе Ашхабадский протокол восполняет недостающие пробелы правовой основы природоохранной деятельности в регионе Каспия, отдельно прописываются практические действия по охране и сохранению видов, вводится понятие «охраняемого района», а также ряд других моментов, сопутствующих природоохранной деятельности. Безусловно, присутствуют и недостатки.

Например, все вышеупомянутые документы в вопросе защиты биологического разнообразия Каспийского моря исходят из «экономического значения промысла водных биологических ресурсов Каспийского моря». В дополнение к этому и Тегеранской конвенцией, и Соглашением 2014 г. устанавливаются наднациональные органы в области применения данных документов. В чем смысл наличия множества международных контролирующих инстанций, дублирующих друг друга, для целей защиты природы Каспийского моря остается дискуссионным. Также в обозначенных выше правовых актах превалирует тема защиты осетровых рыб по отношению к другим обитателям, находящимся под угрозой вымирания. Это и каспийский тюлень, и толстопалый речной рак. Возможно, все дело именно в коммерческой ценности осетровых рыб. Но даже если мы говорим об осетровых рыбах, то, например, в п. 3 ст. 8 Соглашения стоило бы детализировать, какие именно организации уполномочены на вылов осетровых для целей научных исследований и как должны проводиться такие исследования. Наконец, непонятно, какие меры вправе предпринимать государства в борьбе с незаконным и нерегулируемым промыслом водных биологических ресурсов. Безусловно, международная правовая основа природоохранной деятельности в регионе Каспийского моря сложилась. Однако она требует дальнейших проработок.

Литература

1. Вилкова О. Ю., Глубоковский М. К. Сохранение осетровых рыб Каспия: международное сотрудничество // Труды ВНИРО. 2018. Т. 174. С. 112–126.
2. Гаврилов В. П. Экологические проблемы Каспийского моря // Труды РГУ Нефти и газа им. И. М. Губкина. 2011. № 4 (265). С. 37–45.
3. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25.03.1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901861932> (дата обращения: 22.07.09).
4. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 22.07.09).
5. Постановление Совета Министров РСФСР от 31.01.1975 № 78 «Об объявлении заповедной зоны в северной части Каспийского моря» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901904787> (дата обращения: 22.07.09).
6. Постановление Совета Министров СССР от 23.09.1968 № 759 «О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37660#026225669415142105> (дата обращения: 22.07.09).
7. Протокол о сохранении биологического разнообразия к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря (Ашхабадский протокол) от 30.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tehranconvention.org/IMG/pdf/Protocol_on_Conservation_of_Biological_D (дата обращения: 22.07.09).
8. Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря от 29.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420356911> (дата обращения: 22.07.09).
9. Столовый Д. Э. Международное сотрудничество в области сохранения водных биоресурсов Каспийского моря // Вестник АГТУ. Серия: Рыбное хозяйство. 2011. № 2. С. 56–62.
10. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря от 04.11.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420383107> (дата обращения: 22.07.09).

Об авторах:

Лебедев Александр Сергеевич, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; lebedev-as@ranepa.ru

Гиноян Арман Арамович, магистрант кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); grafarman@bk.ru

About the authors:

Alexandr S. Lebedev, Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; lebedev-as@ranepa.ru

Arman A. Ginyan, Master Student of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); grafarman@bk.ru

Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля¹

Волкова А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; a.volkova@spbu.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется такая современная форма сетевой гражданской активности, как «цифровая бдительность». Доказывается, что цифровая бдительность как вызов цифровизации является междисциплинарной проблемой, она требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Это исследование затрагивает вопросы отношений государства и граждан в условиях сетевого, цифрового общества, особенности формирования сетевой этики и анализ восприятия гражданами цифрового публичного пространства.

Ключевые слова: публичная политика, сетевизация, цифровая бдительность, гражданские способности, гражданский контроль, публичные ценности

Digital Vigilance: the Ethics of Network Communication and the Limits of Civilian Control

Anna V. Volkova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; a.volkova@spbu.ru

ABSTRAKT

The article analyzes such a modern form of network civic activity as “digital vigilance”. It proves that digital vigilance as a challenge to digitalization is an interdisciplinary problem, it requires both conceptualization and serious empirical research. This study addresses issues of relations between the state and citizens in a networked, digital society, especially the formation of network ethics and analysis of the perception of citizens of the digital public space.

Keywords: public policy, network, digital vigilantism, civilabilities, civil control, public values

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Интенсивное развитие различных форм гражданской коммуникации, гражданского участия получило новое осмысление и воплощение в условиях цифровизации общества. Интерес исследователей вызывает, прежде всего, расширение возможностей для гражданского контроля, что сказывается на процессах современной публичной политики и сетевого публичного управления. Массовое распространение и доступность всевозможных гаджетов, популярность социальных сетей и СМИ в сочетании с идеологией административных преобразований, ориентированных на «вовлечение граждан в публичность», обеспечивают высокую степень охвата и участия граждан, открытость процедур и коммуникативных практик. Цифровизация общества порождает исключительные возможности: она трансформирует механизмы социализации и самоидентификации граждан, оказывает серьезное влияние на дискурсивные практики, а по сути, преобразует ценностно-смысловую парадигму современного общества. Однако далеко не все современные коммуникативные общественные инновации воспринимаются однозначно как экспертным сообществом, так и гражданским обществом [3]. Понятие «цифровая бдительность» (digital vigilantism) оказалось в поле зрения современных исследователей-обществоведов не только благодаря своей новизне, но и как один из вызовов цифровизации [5]. Для отечественного социального знания этот термин нов, несмотря на то, что проблемы, так или иначе связанные с цифровой бдительностью, затрагиваются многими современными исследователями. Настоящая статья носит постановочный, проблемный характер и должна способствовать более глубокому пониманию цифровой бдительности и возрастающей роли социальных сетей как культурного артефакта. В качестве исследовательской гипотезы предложен тезис о том, что процессы цифровизации формируют новое отношение к публичному пространству.

Бдительность (применительно к гражданской активности) привлекает внимание западноевропейских исследователей-обществоведов начиная с 1900-х гг.: данное явление анализируется преимущественно юристами, специалистами в области уголовного права и криминологами. Появляются публикации в специализированных журналах, свою обеспокоенность по поводу роста гражданской бдительности высказывают ряд исследователей [11; 13; 14]. К примеру, в статье «Что есть бдительность?» Л. Джонстон пытается установить криминологическое определение бдительности и тем самым обеспечить отправную точку для будущих исследований, а также описать механизмы управления этим процессом. Определяя бдительность, автор формулирует шесть основных ее характеристик:

1. Бдительность включает планирование и обдумывание со стороны тех, кто занимается этим.
2. Граждане-участники являются частными лицами, чье участие является добровольным.
3. Это форма «автономного гражданства» и как таковая представляет собой социальное движение.
4. Бдительность сопряжена с применением силы или угрозами ее применения.
5. Бдительность возникает, когда установленный порядок нарушен или есть угроза нарушения установленных норм.
6. Она направлена на борьбу с преступностью или другими социальными нарушениями и предлагает гарантии безопасности [11].

Таким образом, предложенный подход может быть использован достаточно широко, он рассматривает это как сложное социальное явление, в отличие от попыток определить бдительность как простое «насилие со стороны истеблишмента». Бдительность понимается Л. Джонстоном как защитная реакция со стороны общества, выступающего за общепринятые нормы и правопорядок. Изложенный им в журнале «The British Journal of Criminology» подход не предполагает, что участие в этом виде гражданской активности является незаконным и не предполагает необходимого наказания жертв. Несмотря на популярность этой темы и озабоченность экспертного сообщества по поводу очевидного роста активности «бдительных граждан», в западноевропейской научной литературе предпринимается еще крайне мало серьезных попыток осмыслить бдительность [15]. В настоящее время наиболее распространены криминологические определения бдительности, в то время как изучение этих процессов возвращает нас к базовым вопросам об отношениях государства и общества: вновь актуализируется феномен спорной политики, проблема размывания институциональных границ и новый анархизм. Процессы сетевизации, цифровизации общества обостряют проблему гражданской бдительности, заставляют трактовать ее шире, чем первоначально предполагали работы в сфере охраны правопорядка и криминологии. И. Монкада, к примеру, предложил концептуальный анализ бдительности для выявления разногласий, что делает бдительность размы-

тым и оспариваемым понятием, и концепцию бдительности как вынужденный ответ на предполагаемое преступное деяние [12].

Цифровая бдительность, имеющая место в социальных сетях, социальных медиа, все чаще рассматривается в контексте негативных последствий и эффектов [8]. Так, К. Денис, обратившийся к изучению «неопосредованных форм восходящего наблюдения» (*sousveillance*), которые нарастают с распространением цифровых технологий, высказал вполне справедливые опасения, что эта новая гражданская активность в условиях сетевого, цифрового общества оказывается нерегулируемой и лишенной всяких ограничений [7]. Сегодня эта проблема интернациональна и особенно остро ощущается в мегаполисах и технологически продвинутых регионах [9].

На практике с примерами цифровой гражданской бдительности мы сталкиваемся очень часто. Несмотря на то, что цифровая бдительность еще не осознана как серьезный вызов цифровизации, для современной России проблема более чем актуальна. В современной истории нашей страны новыми в деле гражданского участия были: программа «Прожектор перестройки», затем рейды по обращениям (сигналам) граждан региональных ТВ-программ («600 секунд», 5-й канал в Санкт-Петербурге).

Второе десятилетие нового века отмечено формированием сетей взаимопомощи, нарастанием протестных мобилизационных кампаний, которые, распространяемые с использованием ресурсов сети Интернет, выступают уже как серьезные формы «общественного порицания» (наказания) или общественной поддержки [10]. Осмысление и анализ случаев цифровой гражданской бдительности поднимает ряд более провокационных и принципиальных вопросов, касающихся отношений между государством и обществом [6]. По всему миру ученые фиксируют и анализируют серии громких инцидентов в средствах массовой информации, когда бдительность граничит с самосудом. Возникает вопрос о том, является ли цифровая публичность (цифровое публичное пространство), формируемое сетевыми социальными медиа, новым публичным пространством. Как идет процесс формирования публичных ценностей? Какие регулятивные и сдерживающие механизмы существуют в поле цифровой гражданской бдительности? И где пределы цифрового гражданского контроля?

Наиболее интересными и содержательными исследованиями цифровой бдительности на сегодняшний день являются исследования ученых из Университета Эразма в Роттердаме, осуществляющих сравнительные исследования на материале таких стран, как Нидерланды, Великобритания, Китай и Россия, и, в частности, публикации профессора Д. Тротье [16]. Он трактует цифровую бдительность как форму опосредованного и скоординированного действия, отправной точкой которого является моральное возмущение (или общее чувство оскорбления), как правило, в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства и через социальные платформы [17]. В ответ на это правонарушение пользователи мобилизуются и формируют реакции, которые в ряде случаев обладают лавинным характером. Подобные кампании основаны на ряде криминологических мотивов, включая реагирование на криминальные события, а также предотвращение потенциальных нарушений. К наиболее известным примерам относятся: группа Facebook Vancouver Riot 2011 г. и консолидация после теракта в ходе Бостонского марафона в 2013 г. как выявления подозреваемых участников беспорядков. Д. Тротье пишет о том, что кампании цифровой бдительности также преследуют информационные цели (идентификация целевого лица или категории лиц, а также формулирование понимания общих норм и ценностей), чем способствуют выражению опосредованной коллективной идентичности, которая может быть основана на национальных, религиозных или этнических формах солидарности [15].

Текущий социальный и политический дискурс в значительной степени формируется как путем очевидных, так и не очень очевидных механизмов и практик. К примеру, использование современных цифровых медиа создает конкретные возможности и формирует культурные ожидания (открытость, равенство, справедливость) в отношениях между рядовыми гражданами или в отношениях граждан с государством. Из-за легкости, с которой пользователи могут искать, запрашивать и распространять личную информацию, социальные медиа все чаще используются для мобилизации и манипуляций. В качестве примеров можно привести как сети взаимопомощи (катастрофические пожары 2010 г., наводнение в Краснодарском крае и Иркутске), так и организацию протестных митингов (Белая лента, защита Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и т. д.) и движение «Догхантеров» (истребление бродячих собак), серьезно осложнившее социально-политическую ситуацию в Санкт-Петербурге.

В современной России все чаще заявляют о себе группы, борющиеся за общественный порядок и общественную мораль. В некоторых случаях они действуют как серьезные масштабные сетевые организации и движения: «Догхантеры», «СтопХам», «Синие ведерки», «Лев против». Гражданское общество активизируется, мобилизуется для выявления нарушителей, подозреваемых. Структуры,

организованные по сетевому принципу, перехватывают у государственных органов инициативу по порицанию нарушителей и возмездию, которое из-за практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов становится настоящим перформансом. Это касается, прежде всего, деятельности современных популярных псевдополицейских организаций и движений, которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком. Рейды данных сообществ носят деструктивный характер и создают напряжение в обществе, демонстрируя молодежи «примеры хамства и агрессии», пишут те, кто задумывается сегодня над пределами и механизмами гражданского контроля¹. Стремление граждан к соблюдению норм, возникая как явление позитивное, может приобретать различные формы, вплоть до девиантных (в случаях, когда целью становится экзальтированное привлечение внимания публики, когда общественное порицание превращается в сетевое реалити-шоу, а возмездие — в зрелище).

Следует отметить, что дело не всегда касается глобальных и системных нарушений, таких как борьба с коррупцией и произволом силовиков. Все чаще это единичные случаи гражданского возмущения. В качестве примера можно привести попадание в сеть фотографий и комментариев врача, нелестно отзывающегося о своих пациентах, некорректное поведение стюардессы и нарушение профессионального кодекса учителем и т. д. В этих случаях цифровая бдительность, как темная сторона онлайн-взаимодействия, проявляется через преследование и травлю (троллинг). Прежде всего это касается практики превращения людей в мемы и фотожабы и цифрового гражданского самосуда, зачастую перемещающихся из онлайн- в офлайн-пространство. Примеров того, как изначальный поступок (неудачная формулировка, мысль, цитата) вызывает реакцию, которая с моральной точки зрения более резонансна и несоразмерна самому поступку, сегодня можно привести достаточно много. Так, к примеру, в октябре 2018 г. в Свердловской области Ольга Глацких, директор департамента молодежной политики Свердловской области, обращаясь к молодежи, произнесла печально знаменитую фразу «государство не просило вас рожать», чем пополнила народную копилку «Цитаты от чиновников». В качестве реакции в сети можно было наблюдать не только волну эмоциональных и нецензурных комментариев, но и создание при помощи фотошопа фотожаб с фотографиями молодой чиновницы (олимпийской чемпионки по художественной гимнастике 2004 г.), носящих оскорбительный характер и содержащих угрозы физической расправы. Несмотря на официальную проверку и объяснения чиновницы по поводу вырванных из контекста слов, даже спустя почти год, ссылки на изуродованные фотографии и нецензурные комментарии сопровождают данную фамилию в поисковой строке. Оговорка на первомаяском митинге исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова («активнудые и противные люди» вместо «активные и продвинутые...») также мгновенно стала предметом для сетевого юмора. С одной стороны, это неизбежные для публичного человека, для политика издержки политической борьбы, а с другой — граждане, берущие на себя право говорить от лица общества, бороться за высокие моральные стандарты, демонстрируют ничем не ограниченную свободу. Подобная свобода не только нарушает свободу других, но подчас создает для «оппонентов» и «нарушителей» условия для физической расправы и внесудебных, внеправовых механизмов и деяний.

Важно учитывать и тот факт, что в процессах осуществления «цифровой бдительности» цифровые медиа не являются только лишь нейтральными платформами обмена информацией [15]. Они позволяют участникам и сторонникам предлагать свои собственные комментарии, которые авторитетные журналисты, администраторы и организаторы интернет-ресурсов (среди прочих) могут либо поддержать, либо оспорить. Помимо роли журналистов, важно учитывать дискурсивное влияние политиков, ученых, общественных интеллектуалов, которые управляют значительной (социальной сетью) аудиторией, особенно комментируя спорные или иные культурно значимые события. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Учитывая, что активность онлайн все чаще переходит в офлайн-действия, цифровая бдительность является распространяющейся и мобилизующей силой, игнорировать которую в современных условиях просто невозможно.

В своей статье профессор Д. Тротье предлагает предварительную процедурную модель для лучшего понимания цифровой бдительности, включающую концептуализацию основных понятий и смежные термины. Цифровая бдительность сегодня, пишет он, «...подчеркивает гражданские вмешательства против других лиц, часто перекрывая и даже оспаривая институциональные формы правосудия, часто воспроизводя устоявшиеся культурные ценности» [Там же, р. 4]. Именно за счет действия устоявшихся стереотипов подобные явления в сети обладают столь масштабным характером

¹ Тодоров В., Болотов А. [Электронный ресурс] Нездоровый образ жизни. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/13/lionagainhumanrights/> (дата обращения: 24.06.2019).

[4]. Несмотря на противоречивость инициатив со стороны гражданского общества, современные западноевропейские философы продолжают отстаивать идею о состоятельности граждан в смысле их созидательной общественной силы. В правовом государстве «создание общественного блага на основании зафиксированных в законе прав передается компетенции граждан... Не права и свободы обеспечивают общественное благо, а граждане, которые эти права разумно реализуют», поскольку «в рамках предоставленного законом прав общественное благо зависит от работы, от усилий, от порядочности граждан, действующих не по распоряжению государства, а по собственной инициативе, по собственному плану» [2, с. 45]. Если рассматривать политику, согласно Х. Арендт, как совокупность человеческих связей и публичных отношений, образующую реальную социальную структуру, то публичные ценности, реализуемые в системе государственного управления, должны соответствовать утверждению Канта: «Я не должен никогда поступать иначе, как только по той максиме, относительно которой я мог бы также желать, чтобы она стала всеобщим законом». [1, с. 36].

Девиантные проявления «цифровой бдительности» заставляют всерьез задуматься о специфике восприятия гражданами цифрового публичного пространства. Цифровое публичное пространство (онлайн-пространство) обладает значительной спецификой, оно регулируется нормами сетевой этики, общими установками, но по сравнению с традиционным (офлайн-пространством) реакции более быстры, эмоциональны. Если действия граждан в публичном пространстве определяются публичными ценностями, которые, в свою очередь, формируются в процессе гражданской коммуникации, то какие моральные механизмы способны выступить эффективными регуляторами в цифровом публичном пространстве? Почему граждане позволяют себе более свободное и даже агрессивное поведение в процессе интернет-коммуникации? Возможно, особенность этого вида коммуникации (посредством компьютера, смартфона и т. д.) создает у граждан иллюзию не публичного, а частного пространства. С другой стороны, практика использования в сети вымышленных имен и аватарок формирует отношения «безличные», раскрепощает и порождает иллюзию безнаказанности. Современный процесс формирования гражданских способностей (способностей иметь гражданские права и нести обязанности; способность дискутировать и формировать публичные ценности; использовать и продвигать гуманитарные (а не манипулятивные) технологии взаимодействия, проявлять гражданскую активность в рамках правового поля и в соответствии с нормами морали и т. д.) не линеен и противоречив. Этому во многом способствует интенсивное развитие технологий и производство информации, которые общество не успевают полноценно воспринять и осмыслить. Нормы современной этики оказываются весьма подвижными, а сетевая культура содержит ряд противоречий и конфликтующих между собой ценностных установок.

Возникающие формы цифровой активности — цифровую бдительность, доксинг и т. д. — необходимо изучать, поскольку это новое в плане практики соблюдения законов и расширения моральных границ, с целью достижения справедливости. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Цифровая бдительность является междисциплинарной проблемой, которая требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Для феномена гражданской «цифровой бдительности» важны эмоции, эмоции и реакции доминируют над фактами, и это роднит цифровую бдительность с таким явлением, как постправда.

Литература

1. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. СПб. : Наука, 2012. 302 с.
2. Политическая философия в Германии. Сборник статей. Пер. с нем. Мироновой Д., Погорельской С. М. : Современные тетради, 2005. 520 с.
3. Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data // Information, Communication & Society. 2011. Vol. 15. № 5. P. 662–679.
4. Braithwaite A. It's about Ethics in Games Journalism? Gamergaters and Geek Masculinity [Электронный ресурс] // Social Media + Society. 2016. Vol. 2. № 4. P. 1–10. URL: doi:10.1177/2056305116672484 (дата обращения: 14.06.2019).
5. Brighenti A. Visibility: A Category for the Social Sciences [Электронный ресурс] // Current Sociology. 2007. Vol. 55. № 3. P. 323–342. URL: doi:10.1177/0011392107076079 (дата обращения: 16.06.2019).
6. Campbell E. Policing Paedophilia: Assembling Bodies, Spaces and Things [Электронный ресурс] // Crime, Media, Culture. 2016. Vol. 12. № 3. P. 345–365. URL: doi:10.1177/1741659015623598 (дата обращения: 16.06.2019).
7. Dennis K. Keeping a Close Watch — The Rise of Self-Surveillance and the Threat of Digital Exposure // Sociological Review. 2008. Vol. 56. № 3. P. 347–357.

8. *Douglas D.* Doxing: A Conceptual Analysis [Электронный ресурс] // *Ethics and Information Technology*. 2016. Vol. 18. № 3. P. 199–210. URL: doi:10.1007/s10676-016-9406-0 (дата обращения: 24.06.2019).
9. *Dunsby R. M., Howes L. M.* The NEW Adventures of the Digital Vigilante! Facebook Users' Views on Online Naming and Shaming // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. Vol. 52. № 1. 1 March, 2019. P. 41–59.
10. *Fuchs C.* Social Media and the Public Sphere [Электронный ресурс] // *Triple C: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2015. Vol. 12. № 1. P. 57–101. URL: doi:10.31269/triplec.v12i1.552 (дата обращения: 12.05.2019).
11. *Johnston L.* What Is Vigilantism? [Электронный ресурс] // *The British Journal of Criminology*. 1996. Vol. 36. № 2. P. 220–236. URL: doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083 (дата обращения: 14.06.2019).
12. *Moncada E.* Varieties of Vigilantism: Conceptual Discord, Meaning and Strategies [Электронный ресурс] // *Global Crime*. 2017. Vol. 18. № 4. P. 403–423. URL: doi:10.1080/17440572.2017.1374183 (дата обращения: 10.04.2019).
13. *Skoric M. M., Wong K. H., Chua J. P. E., Yeo P. J., Liew M. A.* Online Shaming in the Asian Context: Community Empowerment or Civic Vigilantism? // *Surveillance and Society*. 2010. Vol. 8. № 2. P. 181–199.
14. *Tanner S., Campana A.* “Watchful Citizens” and Digital Vigilantism: a Case Study of the Far Right in Quebec [Электронный ресурс]. URL: DOI:10.1080/17440572.2019.1609177 (дата обращения: 24.06.2019).
15. *Trottier D.* Denunciation and Doxing: Towards a Conceptual Model of Digital Vigilantism [Электронный ресурс] // *Global Crime*. 2019. URL: doi: 10.1080/17440572.2019.1591952 (дата обращения: 16.06.2019).
16. *Trottier D.* Revisiting Privacy in Public Spaces in the Context of Digital Vigilantism [Электронный ресурс] // *Surveillance, Privacy and Public Space*. Taylor and Francis. 2018. P. 141–156. URL: doi:10.4324/9781315200811 (дата обращения: 15.06.2019).
17. *Trottier D.* Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility [Электронный ресурс] // *Philosophy & Technology*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 55–72. URL: doi:10.1007/s13347-016-0216-4 (дата обращения: 19.06.2019).

Об авторе:

Волкова Анна Владимировна, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; a.volkova@spbu.ru

About the author:

Anna V. Volkova, Associate Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); a.volkova@spbu.ru

Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства»

Кефели И. Ф.

Центр геополитической экспертизы Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Россия, Санкт-Петербург; geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью данной работы является анализ проекта «Большое евразийское партнерство» как логического продолжения проекта «Большая Евразия» совместно с предлагаемой уже не одно десятилетие идеи Большой Европы. Постепенный отказ от геополитической концепции «Большой Европы», в контексте которой Европа рассматривалась как геополитический плацдарм США на Евразийском континенте. Расширение Европы на восток связывалось в таком случае не со стремлением поднять евразийские дали до собственного уровня, а как средство закрепления геополитического успеха США в Евразии после развала Советского Союза. В качестве альтернативы следует рассматривать проект общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока», совместно разрабатываемый Международным институтом прикладного системного анализа (International Institute for Applied Systems Analysis, IIASA) и Евразийским банком развития (ЕАБР). Особое внимание в ходе совместной реализации проектов «Большого Евразийского партнерства» и «Один пояс — один путь» выдвигает на первый план необходимость решения двух ключевых проблем, связанных с глобальными рисками, в частности, экологическими и геополитическими.

Ключевые слова: «Большая Европа», «Большая Евразия», «Большое Евразийское партнерство», «Один пояс — один путь», геополитика, безопасность

Geopolitical Aspects of the Initiatives and Projects Forming Greater Eurasian Partnership

Igor F. Kefeli

Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management (RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation; geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

The aim of this work is to analyze the Great Eurasian Partnership project as a logical continuation of the Great Eurasia project, together with the idea of a Greater Europe that has been proposed for more than a decade. The gradual abandonment of the geopolitical concept of «Greater Europe», in the context of which Europe was seen as the geopolitical bridgehead of the United States on the Eurasian continent. The expansion of Europe to the east was associated, in this case, not with the desire to raise the Eurasian distances to its own level, but as a means of consolidating the US's geopolitical success in Eurasia after the collapse of the Soviet Union. As an alternative, we should consider the project of a common economic space “from Lisbon to Vladivostok”, jointly developed by the International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA) and the Eurasian Development Bank (EDB). Particular attention during the joint implementation of the “Greater Eurasian Partnership” and “One Belt, One Way” projects highlights the need to address two key problems associated with global risks, in particular, environmental and geopolitical ones.

Keywords: “Greater Europe”, “Greater Eurasia”, “Greater Eurasian Partnership”, “One Belt, One Way”, geopolitics, security

От Большой Европы к Большой Евразии

Обычно, не вдаваясь в тонкости дипломатического искусства, возникновение геополитического проекта «Большая Европа» некоторые авторы связывают с именем Шарля де Голля. В одном из своих выступлений (23 ноября 1959 г. в Страсбурге) де Голль заявил, что «именно Европа — вся Европа, от Атлантики до Урала — определяет судьбы мира!» [14]. В этом он усматривал альтернативу «англосаксонскому» НАТО в грядущем политическом союзе стран Европы. Однако после того, как де Голль (во время своего визита в ФРГ 4–9 сентября 1962 г.) вновь упомянул о создании «Европы от Атлантики до Урала», Министерство иностранных дел Советского Союза (по поручению

Н. С. Хрущева) подготовило памятную записку, которая уже 20 сентября была вручена послу Франции в Москве М. Дежану. Как вспоминал Ю. В. Дубинин, один из вопросов данной записки звучал следующим образом: «... если допустить, что в выступлениях Президента Франции речь идет об организации сотрудничества всех европейских государств в интересах “мира и прогресса от Атлантического океана до Урала”, тогда возникает вопрос, почему же в этих выступлениях говорится о Советском Союзе не как о государстве в целом, а лишь о части территории Советского Союза, а именно о территории до Урала, хотя территория Советского Союза простирается далеко за пределы Урала. Таким образом, остается неясным, что же в действительности скрывается за такого рода рассуждениями... Министерство иностранных дел СССР, действуя по поручению Советского правительства, хотело бы получить разъяснения Министерства иностранных дел Франции, какой смысл вкладывается в эти заявления». Время шло. Париж молчал. Спустя четыре месяца посол Советского Союза во Франции С. А. Виноградов на встрече с де Голлем услышал от французского президента следующее: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом». Главный же итог нашего демарша, вспоминал далее Ю. В. Дубинин, — де Голль больше никогда не говорил о создании Европы от Атлантики до Урала. Завершился этот дипломатический казус весьма оригинальным ответом Юрию Дубинину французского политолога академика Тьерри де Монбриаля, который «сам специально занимался изучением сути этой формулы и пришел к выводу, что она явилась просто-напросто результатом недостаточно продуманного применения де Голлем в политике знаний по географии, полученных еще в школе» [4]. Смена парадигмы — от проекта Большой Европы к проекту Большой Евразии — охватила период после окончания холодной войны и продолжается, что говорится, на наших глазах. Временным рубежом во внешнеполитической идеологии, определившим эту смену, следует считать сентябрь 2015 г. И. С. Иванов, Президент Российского совета по международным делам (РСМД), экс-министр иностранных дел России, в своем выступлении на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность» в Юрмале (Латвия) честно признался: «Люди моего поколения на протяжении десятилетий жили мечтой о единой и неделимой Большой Европе... В середине 70-х гг. прошлого столетия с подписанием Хельсинкского Заключительного акта мечта о Большой Европе стала обретать реальные очертания: активизировался диалог между противостоящими военно-политическими группировками, стали приносить реальные плоды переговоры в области ограничения вооружений, расширялись контакты между людьми. С падением Берлинской стены и объявлением об окончании холодной войны многие, в их числе и я, решили, что теперь-то ничто не должно помешать созданию Большой Европы. И Россия, несмотря на все внутренние сложности 90-х гг., стала активно проводить политику, направленную на сближение с остальной Европой... В начале XXI в. стали вырисовываться контуры будущей Большой Европы — от Владивостока до Лиссабона... Но Большой Европы у нас не сложилось... пути Европы и России расходятся всерьез и надолго — не на месяцы и даже не на годы, но, вероятно, на десятилетия вперед». Завершил свое выступление И. С. Иванов следующим заявлением: «Стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит Большая Евразия от Шанхая до Минска... Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего... Самый главный вопрос: а как будут складываться отношения между возрождающейся Евроатлантикой и заново складывающейся Евразией?.. В формирующейся новой геополитической реальности Россия перестает быть восточным флангом несостоявшейся Большой Европы и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии» [21].

В современном внешнеполитическом дискурсе Большая Европа предстает как политико-географическое пространство от Атлантического до Тихого океана, на котором располагались все государства, географически расположенные в Европе, все постсоветские государства, за исключением бывших среднеазиатских республик. Фактически, под Большой Европой следовало бы понимать проект интеграции в Европейскую цивилизацию основного ядра бывшего Советского Союза. Д. Семушин предлагает рассматривать в геополитическом смысле под Большой Европой и Большую Евразию, «если смотреть на означенное пространство с Востока на Запад. Точка зрения с Запада на Восток — «Большая Европа» или с Востока на Запад — «Евразия» косвенным образом определяется тем, кто собирается главенствовать на этом пространстве или в чьих интересах должен осуществляться означенный проект контроля над ключевой для геополитики территорией материка» [16].

Довольно быстро смена геополитической парадигмы воплотилась в политическую риторику, предваряющую создание Единого экономического пространства — предшественника Евразийского экономического союза. Первым об этом заявил Президент Российской Федерации В. В. Пу-

тин в 2011 г. в статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»: «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов... экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект... два крупнейших объединения нашего континента... способны распространить эти принципы на все пространство — от Атлантики до Тихого океана» [22]. Так наметился постепенный отказ от геополитической концепции «Большой Европы» по версии США: Европа предстает как геополитический плацдарм США на Евразийском континенте. Расширение Европы на восток связано не со стремлением поднять евразийские дали до собственного уровня, а как средство закрепления геополитического успеха США в Евразии после развала Советского Союза. Американская концепция Большой Европы отводит России роль младшего партнера на пространстве Евразии, которому предоставлялся единственный геополитический выбор — безропотно признавать любое расширение «трансатлантической» Европы — военно-политического блока, объединяющего США, ЕС и НАТО.

Сотрудничество по линии ЕС — ЕАЭС в долгосрочном измерении

Особо следует указать на проект общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока», совместно разрабатываемый Международным институтом прикладного системного анализа (International Institute for Applied Systems Analysis, IIASA) и Евразийским банком развития (ЕАБР). Мне представляется, что понимание логики построения и реализации данного проекта позволит, с одной стороны, использовать ее (логику) позитивные решения для реализации проекта «Большое Евразийское партнерство» в части сопряжения усилий ЕАЭС и проекта «Один пояс — один путь». С другой стороны, эта же логика четко «ведет» нас к утверждению тезиса: ЕАЭС должен выступать ключевым звеном в сопряжении двух цивилизационных миров — Большой Европы и Большой Евразии. По мнению авторов упомянутого выше проекта, существенное изменение геополитического контекста в диалоге Европейского союза (ЕС) и России позволит восстановить и расширить экономическое взаимодействие ЕС и ЕАЭС. Причем авторы данного проекта в ходе реализации концепции «от Лиссабона до Владивостока» стремятся организовать и наладить диалог между представителями наднациональных органов и экспертами ЕС и ЕАЭС, ориентируясь на долгосрочную перспективу, когда все конфликтующие стороны будут готовы к совместной выработке и реализации новых подходов к сотрудничеству и запуску интеграционных процессов, охватывающих весь Евразийский континент. Соглашение об углублении экономического сотрудничества и интеграции ЕС и ЕАЭС, как полагают авторы проекта, может стать реальностью к середине 2020-х гг. [5]. Кстати говоря, в 2017 г. стартовал второй этап реализации данного проекта с фокусом на проведение большого массива прикладных исследований по сближению ЕС и ЕАЭС при учете фактора отношений с Китаем [7]. Авторы проекта, справедливо признавая, что на современном этапе постановка вопроса об экономической интеграции между ЕС и ЕАЭС представляется преждевременной, определили на будущее основные контуры такой интеграции, в частности:

- предполагаемое соглашение должно быть всеобъемлющим из-за необходимости решать широкий круг проблем, а также с учетом объема и структуры отношений и степени взаимосвязанности ЕС, России и других евразийских стран;
- стороной в переговорах о заключении такого соглашения (независимо от его юридической формы) должна быть не Россия, а ЕАЭС, обладающий необходимыми для этого наднациональными полномочиями;
- страны — члены ЕАЭС могут быть в большей степени заинтересованы в комплексном соглашении с ЕС, которое будет покрывать значительно более широкий круг вопросов, чем стандартная зона свободной торговли;
- глубокая интеграция между ЕАЭС и ЕС будет конструктивной только после обеспечения достаточной интеграции внутри ЕАЭС [6].

Действительно, в рамках фундаментального долгосрочного исследовательского проекта необходимо вести исследования по двум направлениям. Во-первых, это разработка теоретических положений, определяющих принципы осуществления региональной интеграции и направления влияния на экономическое развитие, промышленное и научное сотрудничество и благосостояние населения, оценка различных вариантов региональной интеграции. Во-вторых, разработка

перспективных вариантов углубления сотрудничества между ЕС и ЕАЭС и экспертных разработок по конкретным направлениям. В-третьих, налаживание сотрудничества по линии ЕС — ЕАЭС в долгосрочном контексте должно в полной мере учитывать уже запущенный в исторический процесс проект «Большая Евразия», который напрямую связан с установлением отношений с крупными игроками в Азии, в первую очередь с Китаем, который напрямую граничит с ЕАЭС [26]. Актуальной остается тема транспортных коридоров между Европой и Азией, поскольку Россия и Казахстан занимают значительное место на карте Евразии. ЕС и Восточная Азия заинтересованы в диверсификации транспортных коридоров. В данном случае мы, очевидно, должны рассматривать проективную функцию Евразии как идеологического и теоретического конструкта в дискурсе «геополитического треугольника». Речь идет о столкновении интересов каких-либо трех центров силы, сторон на евразийском пространстве (будь то ЕС — ЕАЭС — Китай, США — Китай — Россия, США — Китай — Индия, США — ЕС — Россия, Китай — Индия — Пакистан, Китай — Россия — исламский мир и др.) и построении сценариев развития на ближайшие десятилетия, исходя из базового тезиса: основная конкуренция в мире будущего развернется на экономико-технологическом (четвертая промышленная революция и переход к шестому технологическому укладу) и идейно-информационном (явные и неявные опасности, порождаемые искусственным интеллектом и алгоритмизацией всех сторон человеческой деятельности) направлениях. Реализация проекта Большой Евразии опирается, как предупреждал Ф. А. Лукьянов, в вопросе о дальнейшем целеполагании России, находящейся в поиске новой, постсоветской идентичности. Поэтому «традиционная раздвоенность сознания (Восток — Запад, Европа — Азия, Евразийство — Евroatлантизм и пр.) скрывает сегодня нежелание выбрать для себя какой-то вектор развития... евразийская идея то интерпретируется как нечто, противопоставленное Европе и Западу, то как естественная составная часть большого евроазиатского пространства от Лиссабона до Владивостока» [11]. В частности, речь идет не только о ЕС — ЕАЭС и Китае, но и о других странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. В целом есть необходимость более глубокого исследования круга важных тем и их вероятных географических контуров [27]. Мы не должны забывать и о конкретных шагах в деле объединения усилий ЕАЭС и Китая в создании экономической базы для реализации проекта Большой Евразии. С этой целью, признавая важность экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Евразии, а также важность сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» как инструмента создания крепких и стабильных торговых связей в регионе, 17 мая 2018 г. было заключено соглашение «О торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны» [24], которое пока еще не получило реального воплощения в конкретных проектах.

ЕАЭС и ОПОП

Естественная перспектива развития ЕАЭС — взаимодействие с интеграционным объединением других евразийских стран, такими как ШОС, АТЭС и др. Еще 28 сентября 2015 г. в своем выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН В. Путин заявил: «В противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли». И в качестве примера он привел планы по сопряжению ЕАЭС с китайской инициативой по созданию Экономического пояса Шелкового пути, а также указал на большие перспективы в гармонизации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и Евросоюза [20]. В 2016 г. В. Путин, развивая эту идею, впервые на международном уровне выступил с инициативой формирования Большого Евразийского партнерства (БЕАП), прежде всего с государствами, с которыми уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран, страны СНГ. А в перспективе и с Японией и Южной Кореей и другими странами. Более широкий ареал партнерских отношений в контексте Большого Евразийского партнерства позволяет решать самые насущные технологические задачи, а также мотивировать и вовлекать в процесс технологического развития новых участников. Президент РФ В. Путин заявил, что «обсуждение конкретных условий всеобъемлющего торгово-экономического партнерства между странами ЕАЭС и Китаем станет одним из первых шагов к формированию Большого Евразийского партнерства». И далее: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура — интеграции интеграций». Для России, по словам В. Путина, «партнерство создаст принципиально новые возможности для наращивания поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион продовольствия, энер-

горесурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг», а также позволит ей играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков и развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки. В свою очередь, И. Шувалов назвал проект Большого Евразийского партнерства эволюцией идеи построения Европы «от Лиссабона до Владивостока». «Теперь он (формат) включает и Вьетнам, и Сингапур, и новый формат взаимодействия с Индонезией, это и Иран, Пакистан, Индия, Китай. Скорее всего, эта работа будет разноскоростная, разноуровневая интеграция», — заявил он в интервью РИА Новости [23].

Осенью 2018 г. исполнилось 5 лет, как Си Цзиньпин выступил с инициативой Экономического пояса Шелкового пути, а впоследствии Морского шелкового пути 21 в., которые получили общее название «Один пояс — один путь» (ОПОП). Инициатива приобрела широкую поддержку мирового сообщества: в ее реализацию включились более 130 стран и международных организаций. Не осталась в стороне и Россия. Ее позиция была зафиксирована в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. Как заявил Президент РФ В. Путин, «по сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающий общее экономическое пространство на всем евразийском континенте» [18]. На практике это «сопряжение» столкнулось с немалыми проблемами как общеконцептуального свойства, так и конкретной реализации. Заметного реального продвижения в области «сопряжения» пока не происходит. Во многом это вызвано тем, что в Китае весьма настороженно относятся к самому ЕАЭС. Китайское экспертное сообщество в основном считает, что экономические и в особенности финансовые возможности ЕАЭС не сопоставимы даже с возможностями одного Китая, а тем более всех стран на ЭПШП.

Мультимодальный транспортный коридор «Север — Юг» и другие проекты

Еще до выдвижения инициативы ОПОП Индия начала осуществление ряда крупных проектов евразийского масштаба. Крупнейшим из них является международный мультимодальный транспортный коридор «Север — Юг» (INSTC), инициированный в 2000 г. Индией, Ираном и Россией. Позже к ним присоединился Азербайджан. Данный коридор протяженностью 7,2 тыс. км планирует связать Индию со странами Балтийского моря через Иран, Азербайджан и Россию. Он включает в себя морские, автомобильные и железнодорожные трассы и должен стать значительно более короткой и менее затратной альтернативой Суэцкому каналу. Предполагается, что новый транспортный коридор сократит время и стоимость перевозки грузов на 30–40%. Так, при грузоперевозках из Мумбаи в Москву ее срок сократится на 20 дней. Потенциальный объем грузоперевозок по новому пути оценивается в 20–30 млн т в год. В ближайшее время Россия, Индия и Иран планируют запустить работу транспортного коридора «Север — Юг» в полном масштабе.

Логично было бы сопрягать эти проекты с инициативой ОПОП. Для этих целей существует уникальная площадка — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Однако даже на этой площадке пока реальных договоренностей достичь не удалось. Более того, Н. Моди 23 мая 2017 г. (сразу после Саммита ОПОП в Пекине) выдвинул план Азиатско-Африканского морского коридора развития (AAGC) при поддержке Японии, в котором не нашлось места Китаю.

Самое прямое отношение к проектам обустройства евразийского пространства имеет Индия. Представляется, что от позиции Индии во многом зависит успех реализации инициативы Большого Евразийского партнерства. Как известно, представители Индии отказались принимать участие в Саммите ОПОП в 2017 г. Эксперты связывают это с несогласием Индии с условиями создания китайско-пакистанского экономического коридора, рассматриваемого в Пекине как один из ключевых проектов инициативы ОПОП, который подразумевает создание инфраструктуры и совместную деятельность Китая и Пакистана на спорной территории Гилгит — Бангладеш — части Кашмира. Однако за прошедшие два года позиция Индии существенно трансформировалась. К этому подталкивает, в частности, и вступление Индии и Пакистана в полноправные члены ШОС, что предполагает поиск компромиссных решений. К этому ведет также вступление двух стран в качестве учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (декабрь 2014 г.). Обращает на себя внимание поддержка премьер-министром Индии Н. Моди предложения Си Цзиньпина о создании коридора Китай — Бангладеш — Мьянма — Индия, который соединяет сухопутный ЭПШП с Морским Шелковым путем.

Вместе с тем ситуация продолжает оставаться неопределенной и в известной степени даже напряженной. Индия с тревогой воспринимает расширение влияния Китая в регионе, в частности, строительство Китаем первой зарубежной военной базы в Джибути, создание плавучих

платформ-баз, которые могут быстро трансформироваться в военные базы. Китай в январе 2017 г. впервые провел морские военные маневры в Индийском океане, что вызвало острую озабоченность Индии. Руководство Индии неоднократно указывало на высокие амбиции Китая, на принятие им решений без обсуждения и консультаций с будущими участниками проектов. При этом индийцы считают, что Китай не учитывает в должной мере «общекультурные и цивилизаторские связи, установившиеся на протяжении многих веков, общепринятые институциональные, юридические, финансовые и другие правила». Япония в большей степени «тяготеет» к инициативе БЕАП, чем к ОПОП. Это создает дополнительные возможности к «сопряжению». Началось интенсивное обсуждение таких инфраструктурных проектов, как строительство мостового перехода с Сахалина на японский остров Хоккайдо, продление Транссиба до Южной Кореи. Южная Корея рассчитывает на запуск первого поезда Владивосток — Сеул через три–четыре года. Серьезных технических и финансовых проблем для реализации этого проекта нет. Дело за политической волей и договоренностью с КНДР. Свое место в таких проектах мог бы найти и Китай. Есть два противоположных варианта дальнейшего развития событий. Возможно противодействие, известная конкурентность между двумя указанными выше инициативами. И для этого есть достаточно веские основания. Поскольку инициатива Большого Евразийского партнерства носит более объемный, более концептуальный характер, чем ЭПШП, то это, естественно, не может не беспокоить Пекин. Тем более что в нее вовлекаются давние соперники Китая — проамериканские Япония и Южная Корея. В этом контексте Япония является главным «раздражающим фактором» для Китая.

Более реалистичным и предпочтительным представляется вариант поиска механизмов сопряжения двух инициатив — БЕАП и ОПОП. Большое значение будут иметь также позиции международных организаций. Тем более что многие из них уже предпринимали усилия по выработке подходов к новому миропорядку в целом, вопросам многополярности. В отношении инициативы «Один пояс — один путь» данная позиция более или менее сформировалась. Она носит выраженный прагматический характер и основывается преимущественно на ожидании китайских инвестиций. Что касается инициативы Большого Евразийского партнерства, то здесь такого финансового основания нет. Пока о серьезных инвестициях речь не идет. В известной степени «лакмусовой» бумажкой может стать позиция Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в возможной его поддержке инициативы Большого Евразийского партнерства. Практически все участники Пекинского форума являются учредителями АБИИ и многого ждут от этого Форума.

Методология разработки и экспертной оценки проектов формирования «Большого Евразийского партнерства»

Реализация рассмотренных выше проблем совместного осуществления проектов Большого Евразийского партнерства выдвигает на первый план необходимость решения двух ключевых проблем, связанных с глобальными рисками (рис. 1), в частности, экологическими и геополитическими [28].

Что касается экологических рисков, необходимо осознание неизбежности перехода от концепции устойчивого развития к утверждению концепции «кризисного управления эволюцией биосферы». Перечислю лишь риски, порождаемые сбоями на современном этапе эволюции биосферы:

Рис. 1. «Кольцо» глобальных рисков

- к началу антропоцена некоторые экосистемы достигли 90–99% замкнутости круговоротов» [13];
- к настоящему времени освоение человеком новых ресурсов, а также избыточное использование имеющихся привело не только к исчерпанию некоторых из них, но и к избытку отходов, что нарушило глобальный круговорот веществ и процесс саморегуляции биосферы;
- круговорот вещества и потоки энергии в биосфере поддерживаются трофической системой: продуцент (синтез органических веществ из неорганических автотрофами и хемотрофами) — консумент (преобразование сложного органического «живого» вещества) — редуцент (разложение органических веществ отмирающей биомассы);
- человек создал новый класс вещества биосферы, так называемую третичную продукцию — отходы своей деятельности, которую не способны перерабатывать естественные редуценты;
- предсказанный в свое время В. И. Вернадским закономерный переход биосферы в состояние ноосферы сопровождается многочисленными рисками и катастрофами, а некогда устойчивая биосфера превратилась в неустойчивую антропосферу;
- концепция управляемой эволюции определяет пути создания устойчивой антропосферы, что означает превращение антропосферы в ноосферу.

В серии публикаций российских ученых предлагаются конкретные меры по формированию устойчивой антропосферы:

- увеличение площади биомов и водосборных бассейнов, необходимых для обеспечения управляемой эволюции биосферы более 50% поверхности суши;
- восстановление биоразнообразия на основе принципа сохранения биогеоценозов и биомов;
- деурбанизация «запечатанных» территорий (экологически упорядоченное использование пространства городов — «умные города»);
- снижение популяционного груза путем ограничения выбросов и сбросов загрязняющих биосферу веществ природного и антропогенного происхождения [15].

Рис. 2. Компоненты пространственной структуры биосферы

Геополитические риски были рассмотрены выше по ходу обсуждения реализуемых проектов освоения пространства Большой Евразии, поэтому остановлюсь только на необходимости осуществления геополитической экспертизы рассмотренных выше проектов. Экспертизу регионов и государственных образований предваряет геополитическая экспертиза статуса государства и их коалиций в целом. Экспертиза предполагает учет и анализ баланса потенциала и интересов государственных образований, интегрированных в геополитические интересы коалиции. Геополитический статус $S(t)$ определяется следующим соотношением:

$$S(t) = FA(t) \cdot G(t), \text{ где}$$

$S(t)$ — статус в определенный период времени t ;

FA — «функция влияния» факторов, не связанных непосредственно с геополитическим потенциалом.

Геополитический статус $G(t)$:

$$G(t) = 0,5(1 + X_M^{0,43})X_T^{0,11} X_D^{0,19} X_E^{0,27}, \text{ где}$$

X_i ($i = T, D, E, M$) — доли государства в общемировых показателях соответственно в территориальной, демографической, экономической и военной сферах [9].

Совместное рассмотрение экологических и геополитических рисков, имеющих непосредственное отношение к реализации грандиозных проектов построения Большой Евразии, приводит нас к необходимости признать актуальность разработки единой теории глобальной безопасности. Новая научно-технологическая картина мира, рационализирующая представления о фундаментальной принадлежности любым сложноорганизованным системам функций и структур, обеспечивающих их саморазвитие, устойчивость и надежность, должна включать и представления о безопасности их существования, развития и функционирования. Трансляция этих представлений в русло сугубо научных рассуждений и обоснований предполагает формирование нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности — безопасности существования, развития и функционирования биологических (биосферных), социальных и больших технических систем, которым присущи общие закономерности и, соответственно, аналогичные технологические решения. Тем самым мы неизбежно подходим к разработке целостного научно-технологического знания о безопасности как атрибуте живых, социальных и технических систем. Данную область знания определим как асфатронику (от греч. Ασφάλεια — безопасность и ηλεκτρόνιο — электрон). Асфатроника – научное направление в изучении феномена безопасности, основой которого выступают энерго-информационные процессы в биологических (биосферных), социальных и больших технических системах. Сюда же мы должны относить психическую, когнитивную и эмоциональную деятельность человека, для которой проблема обеспечения безопасности не менее актуальна; в таком случае видовой детализацией родового определения асфатроники предстает асфатроника (от греч. Ασφάλεια — безопасность, τό κεφάλι — голова, ο εγκέφαλος — головной мозг, ηλεκτρόνιο — электрон). Объектом асфатроники выступает безопасность, определяемая в предельном плане как отсутствие опасности, недопустимого риска, а предметом — энерго-информационные процессы обеспечения безопасности, охватывающие все уровни организации биологических, социальных и технических систем управления (от нано- до макроуровня). Область исследований асфатроники — экологическая, военная, геополитическая, техногенная, экономическая, социальная, информационно-психологическая, когнитивная и другие виды безопасности. Глобальную безопасность следует рассматривать, не ограничиваясь только экологической проблематикой и международными отношениями. Она охватывает все многообразие функций и структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы [8].

Заключение

Идеальным ответом на вопрос, как преодолеть кризис мировой власти, о чем заявил в январе 2017 г. на форуме лауреатов Нобелевской премии мира в Осло Зб. Бжезинский, стало бы создание геополитического треугольника США, Китая и России: «честолюбивая китайская инициатива «Один пояс — один путь» поставила Москву в неловкое положение, и теперь она старается притормозить и замедлить запланированное Китаем выстраивание торговых путей до самой Европы... В более долгосрочной перспективе самым зловещим предзнаменованием может быть крепнущая среди китайских военачальников надежда на то, что Китай в конце концов отвоеует огромные просторы Восточной Сибири, которые царская Россия захватила силой в середине XIX в. Таким образом, далекие и, по сути, незаселенные просторы Восточной Азии могли бы стать долговременной стратегической целью Китая в процессе геополитического восстановления этой усиливающейся азиатской державы... Соединенным Штатам не следует вести себя в отношении Китая так, как если бы он уже был врагом; важно также не отдавать явного предпочтения Индии как главному союзнику США в Азии, поскольку в этом случае более тесная связь между Китаем и Россией будет практически гарантирована. Для Соединенных Штатов не может быть ничего опаснее тесного союза этих двух держав». Выходит, что для США отношения с Китаем гораздо важнее, чем с Россией. Если же США и Китай будут сотрудничать, у России нет абсолютно никакого выбора, кроме как присоединиться к двум странам. Бжезинский заверяет, что США занимают в большей степени оборонительную по-

зицию в «политически пробуждающейся Евразии» [2]. Таким было «геополитическое завещание» автора «Великой шахматной доски». Однако события на евразийском пространстве развиваются по иному сценарию.

Китайский проект «Один пояс — один путь» («идай илу») первоначально рассматривался как идея создания транспортных коридоров между странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Западной Европой как одним из главных потребителей производимой в Китае и других странах АТР продукции. При этом вдоль указанных транспортных коридоров предполагалось сформировать соответствующую инфраструктуру, в первую очередь в западных районах Китая, отчего идея воплотилась в проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Инициатива Си Цзиньпина создания Морского Шелкового пути XXI в. предполагала расширение существующего морского транспортного моста для выхода продукции Китая и стран Юго-Восточной Азии на мировые рынки. Проект «Один пояс — один путь» стал программой экономической и политической экспансии Китая, способной изменить геополитический ландшафт Евразии и баланс сил на мировой арене в целом, осуществляя «асимметричный ответ» Китая своему главному партнеру и противнику — США.

А. О. Виноградов обратил внимание на формирование в рамках евразийского континента пространства, в экономическом и финансовом смысле завязанного на Китай (это, в частности, проявилось в требовании перехода некоторых бывших союзных республик СССР в железнодорожном строительстве на китайскую колею). Геополитика Китая реализуется в объединении Китая с рядом стран Центральной и Восточной Европы независимо от руководства Евросоюза (формат 16+1, штаб-квартира этого объединения и представительства всех 16 стран находится в Пекине), что позволяет Китаю проводить в Европе собственную политику и лоббировать свои интересы в рамках ЕС. На пространстве Центральной Азии Китай пока ведет себя осторожнее, не желая вступать в конфронтацию с дружественной Россией. Однако недавно образована в регионе отдельная структура по борьбе с терроризмом, включающая Китай, Пакистан, Афганистан и Таджикистан (так называемый «координационный механизм»), которая никак не связана ни с ШОС, ни с Россией [3]. В данном случае понятна позиция Китая: Пекин стремится предотвратить проникновение на свою территорию уйгурских боевиков, большинство которых ныне состоят в рядах ИГ. Синьцзян-Уйгурский автономный округ — шестая часть территории Китая с населением около 22 млн чел. — имеет уязвимые участки сухопутной границы общей протяженностью 5600 км с Афганистаном, Таджикистаном, Киргизией, Казахстаном, Россией, Монголией, Индией. Надо полагать, что сомнения А. О. Виноградова по поводу трудностей с «сопряжением» проекта «Один пояс — один путь» с проектом Евразийского экономического союза должны быть исчерпаны после того, как 17 мая 2018 г. было заключено соглашение «О торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны» [25].

Мы находимся у истоков грандиозных преобразований на евразийском континенте, способных реализовать проект устройства полицентричного мира, ключевыми акторами которого станут мировые геодивизации. Напомню, что весной 2015 г. китайское правительство разработало и опубликовало документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в.», который завершается примечательными словами: «Строительство одного пояса и одного пути — это не только инициатива Китая, но и общее желание Китая и всех других стран, расположенных на этом пути». В документе, ряд положений которого имеет принципиальное значение в контексте проекта создания Большой Евразии, четко определены цели данного проекта и его геополитический формат: «С одного конца — активные экономики Восточной Азии, с другого — развитые экономики Европы, а между ними пролегают обширные земли государств с огромным потенциалом экономического развития. Основные маршруты ЭПШП ведут из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Основные направления Морского Шелкового пути XXI в.: из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана» [19].

Этот глобальный проект обустройства Большой Евразии вызвал некоторый шок среди американских аналитиков. Так, к примеру, М. Берроуз и Р. Мэннинг, вспоминая шахматную комбинацию Р. Никсона и Г. Киссинджера, приведшую в начале 70-х гг. прошлого века к появлению стратегического треугольника США — СССР — Китай, в котором США оказались в самом выгодном положении (отчасти из-за ухудшения отношений между СССР и Китаем), так охарактеризовали результат

сближения России и Китая: «В основе китайской политики по продвижению на Запад, согласно концепции «Один пояс — один путь», лежит идея извлечения стратегической выгоды из наличия общей границы с четырнадцатью государствами, что некогда считалось уязвимым геополитическим звеном. Теперь все они стремятся претворить в жизнь концепцию Хэлфорда Макиндера о евразийской «географической оси истории»...» [1].

Оставшаяся в стороне многие конкретные вопросы реализации проектов «Большая Евразия» и «Большое евразийское партнерство», следует обратить внимание на проблему стратегического порядка, которая требует согласованного решения России и других государств — членов ЕАЭС. ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на объединение с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП — ЕАЭС, но и ЭПШП — ЕАЭС — ЕС. Кстати, в этом направлении был принят документ, определяющий перспективы развития и самого ЕАЭС, — упомянутое выше «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны» (17.05.2018), которое вступило в силу в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 21. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП — ЕАЭС — ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП — ЕАЭС, с одной стороны, и ЭПШП — ЕС, — с другой, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС — ЕС будет отсутствовать. Следует обратить внимание на довольно четкую позицию профессора Стэнфордского университета Дженифер Инграм, которая в интервью информационно-аналитическому изданию «Евразия.Эксперт» заявила, что «новая «стратегия связанности» Еврокомиссии, призванная соединить Европу и Азию, предлагает иной подход, нежели китайская инициатива. Она также нацелена на усиление связанности, но план ЕС делает упор на рациональность в долгосрочной перспективе, и в нем заявлено, что инвестиции должны уважать права трудящихся, не создавать политических и финансовых зависимостей и гарантировать однородную конкурентную среду для бизнесменов. Будет важно следить за этим начинанием и проектами, которое оно породит, и наблюдать, как оно повлияет на проекты «Пояса и пути» в Европе» [17].

Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала. На необходимость осуществления данных проектов нас подводят новейшие вызовы для социальной политики, связанные с переходом глобализации в постглобализацию [10]. В связи с этим следует обратить внимание на дискурс «геополитического треугольника». Речь идет о столкновении интересов каких-либо трех центров силы, сторон на евразийском пространстве (будь то США — Китай — Россия, США — Китай — Индия, США — ЕС — Россия, Китай — Индия — Пакистан, Китай — Россия — исламский мир и др.) и построении сценариев развития на ближайшие десятилетия, исходя из базового тезиса: основная конкуренция в мире будущего развернется на экономико-технологическом (промышленная революция 4.0 и переход к шестому технологическому укладу) и идейно-информационном (явные и неявные опасности, порождаемые искусственным интеллектом и алгоритмизацией всех сторон человеческой деятельности) направлениях. Реализация проекта Большой Евразии упирается, как предупреждает Ф. А. Лукьянов, в вопрос о дальнейшем целеполагании России, находящейся в поиске новой, постсоветской идентичности. Поэтому «традиционная раздвоенность сознания (Восток — Запад, Европа — Азия, Евразийство — Евроатлантизм и пр.) скрывает сегодня нежелание выбрать для себя какой-то вектор развития... евразийская идея то интерпретируется как нечто, противопоставленное Европе и Западу, то как естественная составная часть большого евро-азиатского пространства от Лиссабона до Владивостока» [12]. Геополитический проект «Большая Европа» вроде бы вновь возрождается, и опять по инициативе французской стороны. Во время встречи двух президентов — В. Путина и Э. Макрона — 19 августа 2019 г. в форте Брегансон французский президент, отмечая необходимость поиска новых механизмов взаимодействия в условиях, когда «мир переживает исторический момент», вполне четко заявил: «Я знаю, Россия — европейская страна, и мы верим в Европу от Лиссабона до Владивостока». Французская пресса вполне позитивно отреагировала на эти слова своего президента. Так, спецкор газеты *Le Parisien* Полин Тевенье уже в вечернем выпуске 19 августа 2019 г. так описала происходящее: «Из элегантного садового кресла Макрон продолжает свою операцию соблазнения (*opération seduction*), целью которой он полагал «возвращение Рос-

сии в Европу»: „Мы верим в Европу от Лиссабона до Владивостока”. Ссылка на де Голля, который полагал, что Европа простирается «от Атлантики до Урала». В этом нет ничего тривиального. Глава государства намерен позиционировать себя в качестве посредника, в центре международной жизни и тем более в качестве лидера Европы, пользуясь ослаблением позиций других лидеров в Лондоне и Берлине. В то время когда многосторонность представляется разрушенной, француз мечтает предложить «новую геополитику»!¹ Однако на повестке дня российской внешней политики более актуальной остается реализация геополитического проекта «Большая Евразия», который получает дальнейшее развитие в перспективном проекте «Большое евразийское партнерство». Последний же, по всей видимости, и должен интегрировать в себя предлагаемую уже не одно десятилетие идею Большой Европы.

Литература

1. *Берроуз М., Мэннинг Р.* Страшный сон Генри Киссинджера: треугольник США — Китай — Россия меняет правила игры // Валдайские записки № 33. Ноябрь, 2015. С. 3.
2. *Бжезинский Зб.* Кризис мировой власти и тройственные отношения // Россия в глобальной политике. 2017 г. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennye-otnosheniya-18564> (дата обращения: 24.03.2019).
3. *Виноградов А. О.* Что такое проект «Один пояс — один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с Евразийским союзом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossijskim-proekt/> (дата обращения: 05.09.2017).
4. *Дубинин Ю. В.* О «Европе от Атлантики до Урала» // Россия в глобальной политике. 2007. № 5.
5. Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2016. 40 с. Электронная версия доклада доступна на сайте Евразийского банка развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eabr.org/r/research/centre/projects/CII/> (дата обращения: 24.03.2019).
6. Там же. С. 13–17.
7. Там же. С. 6, 10.
8. *Кефели И. Ф., Колбанев М. О.* К вопросу о становлении науки глобальной безопасности // Геополитика и безопасность. 2017. № 4. С. 15–21; *Васильев Ю. С., Кефели И. Ф., Колбанев М. О.* Антропоген и глобальная безопасность: научный прогноз В. И. Вернадского // Материалы международной научно-практической конференции «В. И. Вернадский и перспективы развития российской науки» (к 155-летию со дня рождения В. И. Вернадского), Санкт-Петербург, 12–13 марта 2018 г. / СЗИУ РАНХиГС. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. 2018. 244 с. С. 30–38.
9. *Кефели И. Ф., Малафеев О. А.* Математические начала глобальной геополитики. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та. 2013. 204 с.
10. *Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н.* Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : ИД ПЕТРОПОЛИС, ООО «Геополитика и безопасность». 2018. 230 с.; *Иванов Д. В., Асочаков Ю. В.* Постглобализация: сдвиг к новой конфигурации современности // Проблемы теоретической социологии: Межвуз. сб. вып. 12 / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Астерион, 2019. 250 с. С. 9–23.
11. *Лукьянов Ф. А.* Россия: внешняя политика в мире будущего // Стратегия XXI (Версия для обсуждения). Совет по внешней и оборонной политике, 2014. 269 с. С. 264. [Электронный ресурс]. URL: <http://svop.ru/проекты/strategy-XXI/9997/> (дата обращения: 24.03.2019).
12. Там же.
13. *Марчук Г. И., Кондратьев К. Я.* Приоритеты глобальной экологии. М. : Наука. 1992. 264 с.
14. *Молчанов Н. Н.* Генерал де Голль. М. : Международные отношения. 1980. 502 с. С. 315.
15. *Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С.* Очерки биосферологии. 1. Выход есть: переход к управляемой эволюции биосферы // *Philosophy & Cosmology*. 2015. Vol. 14. С. 92–118; *Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С.* Очерки биосферологии. 2. Биосфера как живая система. Об особенностях эволюционного процесса на биосферном уровне // *Philosophy & Cosmology* 2016. Vol. 17. С. 152–175; *Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С.* О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 4–8.
16. [Электронный ресурс]. URL: <https://easaily.com/ru/news/2015/09/22/bolshaya-evropa-ili-bolshaya-evraziya-poroga-menyat-ne-tolko-ritoriku> (дата обращения: 22.09.2015).
17. [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasia.expert/interes-kitaya-k-sopryazheniyu-eaes-i-proekta-poyasa-i-puti-rastet/> (дата обращения: 24.12.2018).
18. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49433> (дата обращения: 24.03.2019).
19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 15.01.2019).

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leparisien.fr/Le-19-août-2019> (дата обращения: 19.08.2019).

20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 01.10.2015).
21. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyplive.com/ru/news/zakat-bolshoy-evropy.html> (дата обращения: 16.09.2015).
22. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/502761#ixzz44Jz76nhF> (дата обращения: 03.10.2011).
23. [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/smi/37575/> (дата обращения: 24.03.2019).
24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0054/> (дата обращения: 27.10.2018 г.).
25. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0054/> (дата обращения: 24.03.2019).
26. *Emerson M.* (2013) Towards Greater Eurasia: Who, Why, What and How? Emerging Markets Forum, September 10–11, Astana. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceps.eu/system/files/Towards%20a%20greater%20Eurasia.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
27. *Havlik P.* (2015) The Silk Road: Challenges for the European Union and Eurasia. WK Forum “Silk Road Reloaded”, December, Austrian Chamber of Commerce. [Электронный ресурс]. URL: <http://wiiw.ac.at/the-silk-road-challenges-for-the-european-union-andeurasia-dlp-3763.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
28. The Global Risks Report 2017, 12th Edition is Published by the World Economic Forum within the Framework of The Global Competitiveness and Risks Team. World Economic Forum Geneva. 70 p.

Об авторе:

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург), эксперт РАН, приглашенный профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета Петра Великого, профессор кафедры социальной безопасности Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, первый вице-президент Академии геополитических проблем; geokefeli@mail.ru

About the author:

Igor F. Kefeli, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of the Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University (Faculty of Global Process), Professor of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Professor of Department of Social Security, First Vice President of the Academy of geopolitical problems, an Expert RAS; geokefeli@mail.ru

Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру?¹

Томин Л. В.^{1, *}, Балаян А. А.²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: * leopolit@yandex.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Целью данной статьи является рассмотрение причин и последствий формирования в недемократических государствах цифровой инфраструктуры контроля и подавления общества. В качестве методов исследования были использованы сравнительное case-study в интерпретации А. Лейпхарта и кросс-темпоральное сравнение как анализ динамических изменений в конкретные промежутки времени. Нужно отметить, что сравнение здесь выступает и как особый взгляд на политический феномен (в данном случае использование цифровых технологий в автократиях). Рассмотрены теоретические основы появления современных автократий и причины увеличения государственного внимания к технологиям. На конкретных примерах рассматриваются использование цифровых технологий для контроля над обществом и укрепления политического режима автократий. Раскрываются как политические, так и социально-экономические аспекты функционирования современных авторитарных систем на примере КНР и Филиппин. В завершение текста рассматривается вероятность распространения подобных практик на Российскую Федерацию. На основании теоретического и практического анализа авторы приходят к следующим выводам: автократии используют цифровую технологическую инфраструктуру для формирования системы контроля над гражданами; технологическим лидером в формировании подобных систем контроля является Китайская Народная Республика, которая экспортирует другим автократиям элементы технологической инфраструктуры через связанные с государством корпорации; в Российской Федерации после целого ряда законодательных изменений в информационной сфере при поддержке КНР формируются элементы контроля над интернетом и подчиненной государству системы сбора больших данных.

Ключевые слова: автократия, цифровизация, интернет, права человека, система социального кредита

Digital Panopticon. How Do Autocracies Use Technological Infrastructure?

Leonid V. Tomina^{a, *}, Aleksandr A. Balayan^b

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; * leopolit@yandex.ru

^b Higher School of Economics University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this article is to examine the causes and consequences of the formation in a non-democratic state of the digital infrastructure of control and suppression of society. As a research method, a comparative case study was used in the interpretation of A. Lijphart and a cross-temporal comparison, as an analysis of dynamic changes in specific periods of time. It should be noted that the comparison here also serves as a special view at the political phenomenon (in this case, the use of digital technology in autocracies). The theoretical foundations of the emergence of modern autocracies and the reasons for increasing government attention to technology are considered. Specific examples consider the use of digital technologies to control society and strengthen the political regime of autocracies. Both political and socio-economic aspects of the functioning of modern authoritarian systems are revealed on the example of the China and the Philippines. At the end of the text is considered the probability of the spread of such practices in modern Russian Federation. Based on a theoretical and practical analysis, the authors come to the following conclusions: autocracies use digital technological infrastructure to form a system of control over citizens; the technological leader in the formation of such control systems is China, which exports elements of the technological infrastructure to other autocracies through state-owned corporations; In the Russian Federation, after a number of legislative changes in the information sphere, with the support of the China, elements of control over the internet and a system of big data collection subordinate to the state are being formed.

Keywords: autocracy, digitalization, Internet, human rights, social credit system

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

Введение

Авторитарные страны трансформируются вместе с технологическим многообразием современного мира. Постепенно технологии начинают играть важную роль для общества и входить в противоречие с самими основами недемократических режимов. Одна из наиболее распространенных сегодня типов автократий — электоральный авторитаризм определяется как режим, не являющийся демократией, но не использующий репрессивные практики регулярно, поскольку: «Организуя периодически выборы, подобные режимы пытаются получить хотя бы подобие демократической легитимности, надеясь удовлетворить как внешних, так и внутренних акторов» [14, р. 39]. Соответственно, власть в современной автократии рано или поздно сталкивается с необходимостью влиять на цифровые сферы жизни общества, чтобы сохранить контроль над системой.

Б. Геддес отмечает, что важнейшей проблемой формирующихся автократий режимов выступает тот факт, что правящие элиты, принимающие политические решения, обладают слишком большим контролем над государственными ресурсами и СМИ, что приводит к формированию неравных условий для конкурентной борьбы за власть [9, р. 115]. Однако исследователь придавала низкое значение роли цифровых площадок в начале 2000-х, что вполне объяснимо. Между тем Г. Шэпрон видит множество рисков во внедрении новых технологий в существующую систему государственного управления. Ключевой проблемой здесь является нежелание представителей государства создавать более прозрачную и подотчетную структуру с эффективной системой управления. Такими образом, остановить рост и развитие новых технологий уже невозможно, поэтому власти, так или иначе, придется считаться с инновациями [7, р. 403].

После событий «арабской весны» 2011–2012 гг. многие недемократические режимы осознали довольно известную фразу эксперта в компьютерной индустрии Эстер Дайсон: «Великое достоинство интернета заключается в том, что он размывает власть. Он высасывает власть» [3, р. 70]. Эту фразу вполне можно экстраполировать на инновации в целом, поскольку именно они меняют общество, а следовательно, угрожают авторитарной власти. Соответственно, для власти становится жизненно необходимым поставить эти изменения под контроль.

Особенностью закрытых политических систем является и то, что инновации перестали быть только инструментом удержания власти. М. Броуэр отмечает, что автократии извлекают излишки из общества тремя разными путями: монополизацией рынка, оплатой труда людей ниже рыночной и посредством инноваций [6]. Можно констатировать, что такие режимы используют новые технологии для более эффективного управления, но эффективность эта понимается как формирование инструментов контроля, функционирующих в интересах государства.

Однако это не значит, что государство должно демократизироваться именно посредством технологических инноваций. Напротив, государство может консолидировать подобные изменения для реализации своих специфических задач, таких как точечные репрессии или подавление свобод. Здесь важно отметить, что устранение посредника с помощью цифровизации — это иллюзия, ведь посредниками вместо реальных людей и организаций становятся цифровые агенты. Многие авторы отмечают, что цифровые технологии изменяют посредников в различных сферах жизни, но не избавляют от них [1]. Таким образом, цифровой агент в виде интернет-портала становится новым посредником, который располагает большей информацией о каждом своем пользователе, чем посредники, существующие в реальном мире. Ситуация характерна и для значительного количества социальных сетей, новых медиа и прочих аналогичных площадок.

Поэтому вполне очевидно, что интернет не избавил общество от посредников, он, напротив, дал возможности для эволюции этого института, что делает интернет-агентов мощным инструментом манипуляции и анализа общества. Интернет-агентов в контексте государственного управления можно разделить на два типа: агрегаторы информации; кураторы контента. Агрегаторы информации — это сайты, которые собирают персональную информацию и составляют полный профиль человека по его действиям. К таким компаниям-посредникам можно причислить любой сайт с большим трафиком, ведь информация о посетителях может быть монетизирована. Роль этих интернет-агентов заключается в том, чтобы собрать и обработать информацию о человеке, вычленив из нее какие-то выводы для последующей передачи или продажи. Кураторы контента — это люди и программы, редактирующие выбор и содержание потребляемого нами контента. С их помощью власть может смещать фокус внимания общества с важных политических проблем на незначительные локальные политические победы. В автократиях же власть сама становится посредником в цифровой сфере, что приводит к тотализации контроля над обществом.

Автократии цифрового контроля

Интересную для анализа модель цифровизации в условиях недемократического политического режима демонстрирует Китай. Если говорить о новых технологиях, то можно отметить, что в Китае проводится строгий отбор специфических инноваций, которые имеют потенциал быть внедренными в государственные структуры. Сильное авторитарное правительство обладает всеми инструментами, чтобы лишить интернет главной возможности — быстро мобилизовать массы. Важнейшим из этих инструментов является «Золотой щит» — «Великий китайский файрвол» (The Great Firewall of China). Интернет — это не абстрактная сеть, она обладает конкретным физическим обликом, находящимся во власти государства или подчиненных власти ведомств. Пример радикальных действий китайского правительства имел место в 2009 г.: «Китайские власти, обеспокоившись... растущим недовольством населения Синьцзян-Уйгурского автономного округа, попросту отключили все интернет-коммуникации в этом регионе на десять месяцев. В менее угрожающей ситуации хватило бы и нескольких недель» [2, с. 37]. Имея полный доступ к интернет-каналам, китайское правительство полностью контролирует данную сферу. А учитывая то, что значительная доля китайского населения активно использует интернет [11], для правительства он становится ключевым инструментом социально-политического контроля.

Интересной представляется программа внедрения модели «умных городов», которая реализуется в КНР государством в сотрудничестве с крупнейшими IT-компаниями (Alibaba, Tencent). Власти планируют, что данная программа охватит около 500 городов, среди них почти все провинциальные центры и города уровня автономных префектур. Из уже реализованных примеров — Ханчжоу, город в котором находится штаб-квартира Alibaba, где уже существует система искусственного интеллекта, управляющая светофорами, отслеживающая аварии и пробки на дорогах. Магазины и общественный транспорт оснащаются терминалами мобильного платежного сервиса Alipay, которые также начали внедрение системы оплаты товаров и услуг по системе распознавания лиц.

«Умные города» в КНР являются частью созданной по инициативе государства системы социального кредита — индикатора, основанного на обработке больших данных, который учитывает поведение человека в различных сферах (оплата налогов, счетов ЖКХ и штрафов; погашение кредитов; характер покупок; активность в интернете и социальных сетях). Социальный кредит — совместный проект государства и частных компаний, прежде всего Alibaba. Он разработан по модели рейтинговой системы Alibaba — Sesame Credit, анализирующей потребительское поведение клиентов, а затем начисляющей им специальные баллы, дающие право на льготные условия по кредитам, онлайн-покупкам, аренде автомобилей и номеров в гостиницах [5, р. 12–17]. Для частных компаний это эффективный маркетинговый инструмент, для государства — элемент новой модели управления.

Власти КНР интегрируют в систему социального кредита огромную сеть государственных и частных камер наблюдения (примерно 176 млн единиц), оснащенных функцией распознавания лиц, объединенную и управляемую в том числе инфраструктурой и алгоритмами «умных городов». До недавнего времени система тестировалась в отдельных городах и награждала обладателей хорошего рейтинга льготами, аналогичными существующим в Sesame Credit. С середины 2018 г. к обладателям низкого рейтинга стали применяться санкции: отказ в приеме на работу в системе государственной службы и отдельные должности в частном секторе, внесение в черный список с запретом покупки авиабилетов, бронирования гостиниц, обучения детей в частных школах. Механизм начисления личного рейтинга не раскрывается, но, учитывая, что он формируется и на основе мониторинга социальных сетей, складывается система, когда на рейтинг гражданина влияют его друзья в социальных сетях и их поведение [Там же, р. 32–55].

В КНР, где нелиберальная экономика сочетается с политическим режимом технократической автократии, процесс цифровизации и проекты «умных городов» формируют новую модель управления, своеобразную авторитарную версию теории подталкивания (nudge theory) [3]. В ее рамках производится тип субъективности, частично интернализирующий функции политического и социального контроля, которые раньше осуществлял аппарат государства. Эта авторитарная версия теории подталкивания, учитывая вовлеченность китайских частных компаний, в работу системы социального кредита действует не только как машина политического контроля, но и как маркетинговая.

Несмотря на конфликты с властями и нарушения прав человека, иностранные IT-компании хотят работать на китайском рынке. Возникает вопрос: можно ли рассчитывать на существующие

механизмы контроля за их поведением, для того чтобы предотвратить или приостановить сомнительные бизнес-практики, затрагивающие вопросы свободы и прав человека? В 2011 г. Совет ООН по правам человека единогласно одобрил документ «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека» (The Guiding Principles on Business and Human Rights), призывающий бизнес-структуры, особенно транснациональные корпорации, ставить права и свободы граждан выше потенциальной прибыли [10]. Помимо этого, большое распространение получила практика отчетов о корпоративной социальной ответственности, которые, по идее, должны были стать механизмом корпоративного саморегулирования и сделать деятельность ТНК более прозрачной. Насколько такие документы и механизмы саморегулирования работают на практике? Рассмотрим несколько примеров, связанных с крупнейшими IT-компаниями.

Первый пример связан с ведением бизнеса IT-компаниями в недемократических странах, где существует политическая цензура. Для того чтобы продолжать работать на рынке КНР, Google в 2006 г. согласилась цензурировать результаты поиска китайских пользователей. В 2010 г. после хакерской атаки, организованной, по мнению специалистов компании, властями страны, когда, помимо прочего, были взломаны аккаунты правозащитников на сервисе Gmail, руководство Google заявило об отказе от практики цензурирования в китайской версии своего поисковика. Власти КНР расценили это как нарушение закона и приняли решение о блокировке почти всех сервисов компании. Тем более что тогда уже шла реализация проекта «Золотой щит», более известного как «Великий китайский файрвол», системы фильтрации интернета, способной блокировать доступ к официально запрещенным иностранным сайтам и цензурировать интернет-поиск по ключевым словам. Возможности данной системы были продемонстрированы в период после волнений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, когда власти одновременно заблокировали доступ к Youtube, Facebook и Twitter.

С тех пор Google формально декларировал неприятие практик цензурирования, но с 2015 г. руководство компании приняло неофициальное решение о необходимости вернуться на китайский рынок. После этого специалисты Google в закрытом режиме ведут разработку специального приложения для операционных систем Android and iOS — Dragonfly. Данное приложение разрабатывается в соответствии с правилами цензуры, существующими в КНР, оно позволяет властям отслеживать поисковые запросы пользователей и блокировать страницы с запрещенным политическим контентом, например, по темам «права человека» или «студенческие протесты» [7]. Сведения о разработке приложения Dragonfly стали известны общественности после того, как часть сотрудников компании, обеспокоенная информацией о негласном изменении позиции руководства по вопросу отношения к интернет-цензуре в КНР, провела собственное расследование и передала собранные данные в СМИ. Разразился скандал, группа сотрудников в знак протеста уволилась из компании, более шестидесяти правозащитных организаций обратилась к Google с требованием о прекращении разработки приложения [Там же]. Несмотря на все это, руководство компании продолжает публично отрицать работу над Dragonfly.

Второй пример — сотрудничество IT-компаний с режимом, известным массовым нарушением прав человека. В 2012 г. IBM заключила контракт с городскими властями филиппинского города Давао на создание Интеллектуального операционного центра (Intelligent Operations Center). В то время мэром Давао был нынешний президент Филиппин Родриго Дутерте, которого международные и местные правозащитные организации обвиняли в массовых нарушениях прав человека. Согласно их отчетам, Р. Дутерте на посту мэра, а затем главы государства в рамках т. н. «войны с наркоторговлей» использовал нелегальные вооруженные отряды («эскадроны смерти») для внесудебных расправ над подозреваемыми. В ходе данных незаконных операций были убиты и пропали без вести оппозиционные депутаты и активисты, журналисты, католические священники и рядовые граждане [15]. За последние три года в стране несколько раз вводилось военное положение, и в результате т. н. «войны с наркоторговлей» погибло, по разным оценкам, от 5 до 27 тыс. чел. Официальные власти и полиция Филиппин не противодействовали этим преступлениям, более того, в ряде случаев они сами в них участвовали [13].

Невзирая на данные факты, IBM сотрудничала с властями в создании Интеллектуального операционного центра, основная цель которого — интеграция и управление для нужд полиции системы камер наблюдения, оборудованных технологией распознавания лиц. Учитывая вовлеченность полиции в нарушения прав человека, правозащитники и политические активисты опасаются, что данные, собранные и обработанные центром, могут передаваться «эскадронам смерти» для внесудебных расправ с подозреваемыми в преступлениях и убийств противников режима. IBM в своих официальных заявлениях, посвященных теме соблюдения прав человека, прямо ссылается на

упоминаемые выше разработанные ООН «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека» [12]. Практика показывает, что в реальности отдает приоритет не правам человека, а своим бизнес-интересам. С точки зрения оценки эффективности механизмов саморегулирования важен тот факт, что ни в одном отчете о корпоративной социальной ответственности IBM факт сотрудничества с властями Давао не упоминается [Там же].

Власти Филиппин планируют в ближайшие несколько лет начать реализацию программы «Безопасные Филиппины», которая заключается в расширении до национального уровня практик, внедренных в Давао. Обеспечивать технологиями и координировать реализацию будет китайская компания Huawei. Сама программа «Безопасные Филиппины» будет частично копировать опыт системы социального кредита, аккумулируя данные из разных источников в единую базу [Там же]. Оппозиционные политики и журналисты опасаются, что новые технологические инструменты превратят страну в цифровую диктатуру.

В Российской Федерации после ряда событий властями также создаются элементы инфраструктуры для контроля интернета со стороны государства: запуск единой биометрической системы (ЕБС) для банков; сбор персональной информации граждан; введение единых карт для жителей крупных городов; приход на российский рынок китайской платежной системы Alipay. В начале 2019 г. стало известно об участии китайской компании Huawei в технологическом обеспечении «пакета Яровой — Озерова», и, скорее всего, этим дело не ограничится, Huawei могут подключить и к созданию аппаратной базы для реализации закона о «суверенном интернете». Все это говорит о возможной подготовке к созданию технологической инфраструктуры для отечественного аналога системы социального кредита, существующей в КНР. Она, скорее всего, не станет копией китайской системы и будет носить более децентрализованный характер.

Литература

1. *Vu T.* Главный рубильник. Расцвет и гибель информационных империй от радио до интернета. Litres, 2017.
2. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М. : АСТ: CORPUS. 2014.
3. *Ларизер Э.* За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас. М. : Альпина Бизнес Букс. 2012.
4. *Талер П., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. М. : Манн, Иванов и Фербер. 2018.
5. *Botsman R.* Who Can You Trust?: How Technology Brought Us Together and Why It Could Drive Us Apart. PublicAffairs. 2018.
6. *Brouwer M.* Governance and Innovation: a Historical View. Routledge, 2015.
7. *Chapron G.* The Environment Needs Cryptogovernance // Nature News. 2017. Т. 545. № 7655. P. 403–405.
8. *Gallagher R.* Google Employees Uncover Ongoing Work on Censored China Search [Электронный ресурс] / The Intercept [сайт]. URL: <https://theintercept.com/2019/03/04/google-ongoing-project-dragonfly/> (дата обращения: 09.04.2019).
9. *Geddes B.* What do We Know About Democratization After Twenty Years? // Annual Review of Political Science. Vol. 2. P. 115–44.
10. Guiding Principles on Business and Human Rights [Электронный ресурс] / The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights [сайт]. URL: https://www.ohchr.org/DOcuments/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_EN.pdf (дата обращения: 22.03.2019).
11. Internet World Stats [Электронный ресурс]. Статистика о пользователях сети Интернет во всем мире. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 10.05.2019).
12. *Joseph G.* Inside the Video Surveillance Program IBM Built for Philippine Strongman Rodrigo Duterte [Электронный ресурс] / The Intercept [сайт]. URL: <https://theintercept.com/2019/03/20/rodrigo-duterte-ibm-surveillance/> (дата обращения: 22.03.2019).
13. Philippines: Political and Human Rights Activists Killed with Impunity [Электронный ресурс] / Amnesty International [сайт]. URL: <https://www.amnesty.org.au/philippines-political-human-rights-activists-killed-impunity/> (дата обращения: 26.03.2019).
14. *Schedler A.* The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 36–50.
15. You Can Die Any Time. Death Squad Killings in Mindanao [Электронный ресурс] / Human Rights Watch [сайт]. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/philippines0409webwcover_0.pdf (дата обращения: 26.03.2019).

Об авторах:

Томин Леонид Владимирович, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; leopolit@yandex.ru

Балаян Александр Александрович, доцент департамента прикладной политологии национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; alexandr1138@mail.ru

About the authors:

Leonid V. Tomin, Associate Professor at the Department of Political Governance of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; leopolit@yandex.ru

Aleksandr A. Balayan, Associate Professor at the Department of Political Science of Higher School of Economics University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; alexandr1138@mail.ru

Интервью с Александром Субботиным,
членом Коллегии (Министром) по промышленности
и агропромышленному комплексу
Евразийской экономической комиссии

В Евразийском союзе будет обеспечена полная кооперация всех отраслей

Александр Субботин (© Егор Алев / ТАСС)

Евразийский экономический союз в прошлом году завершил работу над созданием нормативной базы и приступил к реализации совместных проектов. О том, как обеспечить полную кооперацию компаний внутри объединения, не вынуждая их конкурировать, о перспективах создания транснациональной корпорации и о судьбе экономических союзов в условиях торговых войн в интервью ТАСС в рамках Международной промышленной выставки ИННОПРОМ рассказал министр промышленности и агропромышленного комплекса Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Александр Субботин.

— Александр Михайлович, Вы относительно недавно сменили своего предшественника на посту министра ЕЭК. Некоторое время назад Вы отмечали, что необходимо и дальше снижать препятствия во взаимном движении товаров ЕАЭС, а также повышать полномочия ЕЭК в курируемых сферах. Как идет работа по этим направлениям? Что еще предстоит сделать, а что уже, может быть, удалось?

— Евразийский союз — достаточно молодое образование, но он уже прошел определенный путь в своем развитии, и поэтому уже можно сделать какие-то выводы, провести работу над ошибками.

В 2018 г. мы завершили подготовительный процесс, была разработана необходимая нормативно-правовая база, и сейчас мы перешли к этапу реализации реальных совместных проектов.

Конечно же, что-то может не получаться. Поэтому мы будем делать работу над ошибками, чтобы потом уже этот механизм осуществления совместных проектов работал более эффективно по всем предприятиям.

— В каких отраслях промышленности сейчас наиболее высока кооперация?

— У нас исторически сложилось, еще со времен Советского Союза, что огромное количество предприятий имели тесную кооперацию. Это тяжелое машиностроение, автомобилестроение, сельхозстроение, черная металлургия, легкая промышленность. И понятно, что, используя этот накопленный опыт, ряд совместных проектов в данных отраслях продолжает существовать. Но вместе с тем

появляются новые кооперационные проекты. Я думаю, что в итоге мы придем к тому, что в Евразийском союзе все-таки будет обеспечена полная кооперация, которая охватит все отрасли, начиная от производства лекарственных средств и заканчивая тяжелым машиностроением.

— *Если говорить о международной кооперации и развитии экспорта, то, по Вашему мнению, на какие рынки сейчас лучше делать ставку? На Европу, Юго-Восточную Азию или развивающиеся страны Африки? Где, на Ваш взгляд, наша промышленная продукция будет наиболее востребована? Есть ли уже конкретные планы по выходу на эти рынки?*

— Одна из задач союза — чтобы наши компании не конкурировали между собой, не выбивали друг друга с потенциальных рынков. Чтобы максимально эффективно использовать те центры компетенций, которые сложились исторически и которые есть сейчас. Это первое. Второе — это, конечно же, экспорт в третьи страны, на внешний периметр. Для наших стран это очень важно, необходимо эффективное планирование на перспективу. Мы видим, что по ряду товаров есть уже перепроизводство на внутреннем рынке.

ЕЭК уделяет особое внимание тому, чтобы поддерживать страны, поддерживать наши предприятия для торговли с партнерами из третьих стран: начиная от помощи в организации выставок и заканчивая какими-то финансовыми стимулами.

Для наших стран очень интересен Китай с его огромным рынком, безумно быстро развивающимся, с огромными шагами развивающимся внутренним потреблением. Но в то же время интересен Европейский союз, который у нас находится рядом и который тоже имеет огромный и интересный для нас рынок. Конечно, туда сложно продвигаться: в ЕС очень много высокотехнологичных производств, и им не очень интересно пускать нас со своим товаром.

Но мы не ограничиваемся этими рынками, наше продвижение должно быть многовекторным — и Китай, и Соединенные Штаты, и Латинская Америка, и Индия, и нельзя забывать Ближний Восток.

— *Ранее была идея создания транснациональной корпорации по примеру Boeing или подобной ей, когда производственные цеха будут находиться во всех странах союза, а ключевой офис — переезжать из страны в страну ЕАЭС. Есть ли уже конкретные наработки? И на Ваш взгляд, в какой сфере такая корпорация может быть создана?*

— Мы провели оценку. Оказалось, что реализовать идею создания такой транснациональной корпорации непросто. На первом этапе мы предлагаем выбрать два-три каких-то пилотных проекта, и на них уже посмотреть, как работают конкретные модели, чтобы потом тиражировать на другие отрасли.

Я думаю, что такого рода пилотные проекты могут быть реализованы на основе уже имеющихся кооперационных связей, например, в машиностроении и легкой промышленности. Можно также попробовать запустить такого рода пилотный проект в области сельскохозяйственного машиностроения, в сфере беспилотного управления сельхозтехникой.

Такие наработки есть в Республике Беларусь, у нас есть идеи в Казахстане, у нас есть огромные наработки в Российской Федерации. Почему бы не объединиться и не сделать что-то такое брендовое?

— *В ЕЭК согласован ряд направлений поддержки импортозамещения. О каких именно направлениях идет речь и когда они могут заработать?*

— Импортозамещение, наверное, одна из актуальнейших тем. Недавно была создана группа по работе в сфере импортозамещения между странами ЕАЭС. Мы собирались неделю назад и определяли направления взаимодействия.

Акцент мы делаем на нескольких вещах. Первое — это реализация межгосударственных программ и проектов в сфере науки, научно-исследовательские проекты, различные НИОКР. Далее — организация совместных производственных предприятий государств — членов ЕАЭС, в том числе посредством создания промышленных кластеров, технопарков, индустриальных парков и тому подобное. Третий момент — это создание и реализация мер поддержки совместно произведенной нашим союзом продукции.

— *Вы курируете также агропромышленный комплекс. Но в ЕАЭС очень часто можно увидеть конкуренцию в данных вопросах. Например, в молочной сфере. Видите ли Вы действительно эту про-*

блему? И какие шаги можно было бы предпринять, для того чтобы, по Вашим же словам, избежать конкуренции между странами ЕАЭС?

— Проблема действительно существует. В некоторых регионах есть перепроизводство того или иного товара. И каждая страна, чтобы выровнять у себя цены на рынке, принимает меры регулирующего характера. Помимо этого, надо учитывать, что продовольствие — это один из элементов национальной безопасности, и не каждая страна готова раскрыть такого рода данные.

Необходимо стратегическое планирование производства сельскохозяйственной продукции и ее перераспределения на территории Евразийского союза.

Мы постепенно подходим к тому, чтобы у нас была скоординирована агропромышленная политика. Мы хотим, чтобы наши страны двигались в сторону единой агропромышленной политики.

Надо как минимум координироваться друг с другом, чтобы сгладить острые углы. Это, я думаю, возможно сделать. Это первое.

Второе. У нас на рынке огромное количество фальсификатов. Когда стоит на полке товар, который не является, допустим, молочным. Все это признают. Кто-то говорит — 15%, кто-то — 20%, кто-то говорит — иногда даже до 30%. А ведь на полке они занимают место реального товара, который может на эту полку стать. Поскольку они дешевле, то выдавливают более дорогой, но натуральный продукт. Мы хотим сделать, чтобы человек сам решал, что ему покупать.

— Как Вы считаете, насколько странам союза можно и нужно работать с крупными мировыми компаниями, которые, например, становятся «токсичными», попадают под западные санкции? Например, Huawei.

— Еще 10–15 лет назад это был стресс для всех, если санкции вводили. Сейчас уже все к ним привыкли. Я думаю, что все уже практически научились жить в мире санкций.

Санкции — это попытка сдержать кого-то, кто очень бурно развивается или кто более успешен.

То есть это попытка убрать конкурентов. Санкции стимулируют нас производить то, что еще недавно мы закупали.

— Последние 20–30 лет мы наблюдали, что мировая экономика идет по пути глобализации. Создавались огромные конгломераты, союзы, альянсы. Но в последние несколько лет мы все чаще сталкиваемся с протекционизмом, с заградительными мерами, с торговыми войнами. На Ваш взгляд, насколько вероятно, что мировая экономика уйдет от процесса глобализации к созданию локальных экономических союзов?

— Союзы точно будут крепнуть, точно будут увеличиваться — и количество, и размеры союзов. Я думаю, союз не может тоже сам по себе существовать, он все равно будет вынужден как минимум торговать. А торговля подразумевает создание какой-то инфраструктуры транспортной, финансовой и так далее. А создание этой инфраструктуры — оно все равно притянет к себе создание каких-то кооперационных цепочек, чтобы на рынок зайти.

Я думаю, мы все равно не уйдем от глобального процесса. Вопрос только в том, в каком формате это будет происходить. Я думаю, нас будет немножечко лихорадить. Союзы будут распадаться, составляться. Но тем не менее, я думаю, каждая страна понимает, что одна она не выживет. Надо или собираться с кем-то в группу, или собирать кого-то вокруг себя. Даже такие крупные страны, как Российская Федерация или Китай, — они все равно не могут жить изолированно. Они все равно вынуждены будут формировать вокруг себя каких-то партнеров, каких-то друзей, с которыми будут работать.

Беседовала Елена Кудрявцева

<https://tass.ru/interviews/6644878> (09.07.2019)

ПОЛОЖЕНИЕ
о Совместной Комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны

1. Общие положения

1.1. Настоящее Положение определяет порядок организации работы Совместной Комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (далее – Совместная Комиссия).

1.2. Совместная Комиссия в своей деятельности руководствуется Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (далее – Соглашение; Стороны), общепризнанными принципами и нормами международного права, нормативными и иными правовыми актами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и его государств – членов и Китайской Народной Республики, а также настоящим Положением.

1.3. Совместная Комиссия образована для установления постоянного диалога между Евразийской экономической комиссией, государствами – членами ЕАЭС и Китайской Народной Республикой по вопросам, регулируемым или связанным с Соглашением.

2. Основные задачи и функции Совместной Комиссии

Основными задачами и функциями Совместной Комиссии являются:

- обеспечение исполнения положений Соглашения в интересах Сторон;
- рассмотрение любого вопроса, регулируемого Соглашением;
- рассмотрение любого вопроса, связанного с Соглашением, по взаимному согласию Сторон;
 - контроль за работой подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп в случаях, предусмотренных Соглашением, или если Стороны взаимно договорились об учреждении таких подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп;
 - рассмотрение любого предложения, представленного подкомитетами, *ad hoc*

рабочими группами, для внесения изменений в Соглашение, с целью принятия рекомендаций для Сторон;

- в соответствии с целями Соглашения изучение возможностей по дальнейшему развитию и расширению торговли между Сторонами; и

- учреждение процедуры, позволяющей проводить консультации и находить взаимоприемлемые решения по вопросам, переданным на её рассмотрение Сторонами.

3. Полномочия Совместной Комиссии

Для достижения указанных целей Совместная Комиссия в рамках своих полномочий:

- учреждает подкомитеты или *ad hoc* рабочие группы в случае необходимости и передает вопросы на рассмотрение таким подкомитетам или *ad hoc* рабочим группам;

- запрашивает мнение экспертов в случаях, когда это может способствовать выполнению Совместной Комиссией своих функций;

- принимает рекомендации по вопросам, регулируемым или связанным с Соглашением;

- стремится разрешать любые вопросы, связанные с реализацией Соглашения, которые были переданы на рассмотрение Совместной Комиссии Сторонами; и

- предпринимает иные действия для выполнения своих функций по согласию Сторон.

4. Председатели и члены Совместной Комиссии

4.1. Председатели и члены Совместной Комиссии от ЕАЭС и государств – членов ЕАЭС, а также Китайской Народной Республики определяются каждой из Сторон самостоятельно.

4.2. Председателем от ЕАЭС и государств – членов ЕАЭС является член Коллегии (Министр) по торговле Евразийской экономической комиссии.

Председателем от Китайской Народной Республики является должностное лицо на уровне министра или его уполномоченных представителей.

4.3. Председатели Совместной Комиссии:

- руководят деятельностью Совместной Комиссии и организуют работу по выполнению возложенных на Совместную Комиссию задач;

- согласовывают и утверждают дату, время проведения и проект повестки дня заседания Совместной Комиссии;

- поочередно ведут заседания Совместной Комиссии, заседание ведет

Председатель Совместной комиссии, представляющий Сторону, на территории которой проходит заседание Совместной Комиссии;

- утверждают протокол заседания Совместной Комиссии;
- утверждают рекомендации Совместной Комиссии.

4.4. Члены Совместной Комиссии:

- участвуют в обсуждении и выработке решений по вопросам, вынесенным на рассмотрение Совместной Комиссии;
- представляют в случае необходимости замечания и предложения к проектам рекомендаций Совместной Комиссии;
- в случае отсутствия на заседании, имеют право излагать свое мнение по рассматриваемым вопросам в письменной форме, которое будет озвучено на заседании и приобщено к протоколу.

5. Секретариаты Совместной Комиссии

5.1. Для обеспечения деятельности Совместной Комиссии Стороны создают секретариаты Совместной Комиссии в каждой из Сторон. Возглавляет секретариат Совместной Комиссии каждой Стороны ответственный секретарь, назначаемый соответствующим Председателем Совместной Комиссии.

5.2. Функции секретариата Совместной Комиссии от ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС исполняет Департамент торговой политики Евразийской экономической комиссии.

Функции секретариата Совместной Комиссии от Китайской Народной Республики исполняет _____.

5.3. Секретариаты Совместной Комиссии:

- обеспечивают проведение заседаний Совместной Комиссии (согласование предложений по срокам, месту и повестке дня заседаний Совместной Комиссии);
- информируют членов Совместной Комиссии о времени и месте проведения очередного заседания Совместной Комиссии;
- готовят и направляют членам Совместной Комиссии повестку дня заседания Совместной Комиссии и материалы к ней, в том числе в электронном виде;
- ведут протокол заседания Совместной Комиссии и представляют его на утверждение председателям Совместной Комиссии;
- осуществляют контроль за выполнением рекомендаций Совместной Комиссии;
- осуществляют мониторинг деятельности подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп, учрежденных в соответствии с Соглашением, либо по решению Совместной Комиссии, а также оказывают содействие в деятельности таких подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп.

6. Порядок работы Совместной Комиссии

6.1. Заседания Совместной Комиссии проводятся поочередно на территории ЕАЭС и Китайской Народной Республики не реже одного раза в год, если иное не будет согласовано Сторонами.

6.2. Секретариат Совместной Комиссии принимающей Стороны формирует предварительную повестку заседания Совместной Комиссии, которая включает в себя:

- все вопросы, которые должны быть включены в нее по решению Совместной Комиссии во время ее предыдущих заседаний; и
- все вопросы, предложенные Сторонами Соглашения.

Предварительная повестка направляется в секретариат Совместной Комиссии другой Стороны на согласование. Процедура согласования проекта предварительной повестки, как правило, не должна превышать 40 дней в случае очередного заседания Совместной Комиссии или 20 дней в случае внеочередного заседания Совместной Комиссии. По итогам согласования секретариат Совместной Комиссии принимаемой Стороны должен письменно проинформировать секретариат Совместной Комиссии принимающей Стороны о согласии с предварительной повесткой, либо об имеющихся дополнительных предложениях.

В случае поступления дополнительных предложений секретариаты Совместной Комиссии обеспечивают проведение оперативных консультаций для согласования повестки заседания Совместной Комиссии.

6.3. Секретариат Совместной Комиссии принимающей Стороны информирует другую Сторону Соглашения о дате, месте и предварительной повестке заседания не позднее, чем за 60 дней в случае очередного заседания и, по возможности, не позднее, чем за 30 дней в случае внеочередных заседаний.

6.4. Сторона, предложившая вопросы для обсуждения на заседании Совместной Комиссии, готовит материалы и направляет их в секретариат Совместной Комиссии принимающей Стороны не позднее, чем за 45 дней до очередного заседания Совместной Комиссии и, по возможности, не позднее, чем за 25 дней в случае внеочередных заседаний с целью их дальнейшего направления всем членам Совместной Комиссии.

6.5. Материалы, которые готовит Сторона, предложившая вопросы для обсуждения на заседании Совместной Комиссии, должны содержать:

- общую характеристику вопроса;
- проект протокольного решения;
- необходимые справочные и аналитические материалы;
- в случае необходимости, проект рекомендации Совместной Комиссии.

6.6. Совместная Комиссия осуществляет свою деятельность во взаимодействии с компетентными органами Сторон Соглашения, а также со всеми структурными подразделениями Евразийской экономической комиссии.

6.7. Рекомендации Совместной Комиссии принимаются консенсусом.

6.8. Результаты заседаний Совместной Комиссии оформляются в виде протокола (заключения) Совместной Комиссии.

Позиции членов Совместной Комиссии фиксируются в протоколе, который утверждается председателями Совместной Комиссии.

Протоколы заседаний Совместной Комиссии, утвержденные председателями Совместной Комиссии, рассылаются членам Совместной Комиссии в течение десяти рабочих дней секретариатами Совместной Комиссии.

6.9. Рабочим языком Совместной Комиссии является английский язык. Все уведомления, запросы и иные документы, направляемые в Совместную Комиссию, выполняются на английском языке или на китайском или русском языке с приложением соответствующего перевода на английский язык.

В ходе заседаний Совместной Комиссии все устные заявления выполняются на английском языке или на китайском или русском языке с переводом на английский язык. Стоимость перевода устных заявлений покрывается Стороной, делающей соответствующее заявление.

6.10. Совместная Комиссия определяет на каждом заседании дату и место своего очередного заседания, если Совместная Комиссия не решит иначе.

7. Органы Комиссии

7.1. В случае необходимости в рамках Совместной Комиссии могут создаваться подкомитеты или *ad hoc* рабочие группы по отдельным направлениям и областям сотрудничества.

7.2. Вопросы, касающиеся назначения сопредседателей, уровня представительства, графика работы, правил и процедур, а также повестки дня таких подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп, определяются данными органами самостоятельно.

7.3. В случае необходимости, подкомитеты или *ad hoc* рабочие группы, создаваемые в рамках Совместной Комиссии, могут утверждать отдельные положения, определяющие порядок их работы.

7.4. Совместная Комиссия осуществляет мониторинг работы подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп, указанных в пункте 7.1 настоящего Положения, и, при необходимости, рассматривает доклады о результатах деятельности таких подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп на заседаниях Совместной Комиссии.

8. Финансирование

8.1. Каждая Сторона, направляющая своих представителей для участия в заседаниях Совместной Комиссии, ее подкомитетах и *ad hoc* рабочих группах, самостоятельно несет расходы, связанные с обеспечением такого участия.

8.2. Расходы по организации работы и проведению заседаний Совместной Комиссии, ее подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп берет на себя принимающая Сторона.

9. Заключительные положения

9.1. Для выполнения задач в соответствии с настоящим Положением Совместная Комиссия имеет право запрашивать у членов Совместной Комиссии информацию в объеме, необходимом для полного, всестороннего и объективного исследования вопросов, входящих в компетенцию Совместной Комиссии.

9.2. Разногласия относительно толкования и применения Норм настоящего Положения разрешаются путем переговоров и консультаций.

ПОЛОЖЕНИЕ
о Евразийской части Совместной Комиссии по реализации Соглашения о
торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим
союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской
Народной Республикой, с другой стороны

1. Общие положения

1.1. Настоящее Положение устанавливает полномочия, порядок формирования и функционирования Евразийской части Совместной Комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (далее – Совместная Комиссия). Порядок организации работы Совместной Комиссии определяется соответствующим Положением.

1.2. Евразийская часть Совместной Комиссии представляет Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) и его государства-члены в Совместной Комиссии.

1.3. Евразийская часть Совместной Комиссии в своей деятельности руководствуется Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (далее – Соглашение), общепризнанными принципами и нормами международного права, нормативными и иными правовыми актами ЕАЭС и его государств – членов, Положением о Совместной Комиссии по реализации Соглашения, а также настоящим Положением.

2. Основные цели Евразийской части Совместной Комиссии

Евразийская часть Совместной Комиссии осуществляет свою деятельность в целях:

- обеспечения сотрудничества с Китайской Народной Республикой в сферах, охватываемых Соглашением, в интересах государств – членов ЕАЭС и ЕАЭС в целом;
- эффективной реализации прав и обязательств, проистекающих из Соглашения;
- качественной и своевременной подготовки материалов Совместной Комиссии, подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп, созданных в соответствии с

Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии, а также позиции ЕАЭС к заседаниям таких органов.

3. Структура Евразийской части Совместной Комиссии

3.1. В состав Евразийской части Совместной Комиссии входят:

- председатель Совместной Комиссии со стороны ЕАЭС и его государств-членов;

- члены Совместной Комиссии;

- секретариат Совместной Комиссии во главе с ответственным секретарем;

- сопредседатели подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп, создаваемых в соответствии с Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии;

- эксперты, включаемые в составы делегаций государств – членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) и ответственные за экспертное сопровождение работы Евразийской части Совместной Комиссии (далее – представители государств – членов ЕАЭС / ЕЭК).

3.2. Председателем Евразийской части Совместной Комиссии является член Коллегии (Министр) по торговле ЕЭК, являющийся председателем Совместной Комиссии со стороны ЕАЭС и его государств-членов, как это определено в Соглашении.

3.3. Члены Евразийской части Совместной Комиссии представляются государствами – членами ЕАЭС и / или ЕЭК, как минимум, на уровне старших должностных лиц.

3.4. Функции секретариата Евразийской части Совместной Комиссии исполняет Департамент торговой политики ЕЭК.

Возглавляет секретариат Евразийской части Совместной Комиссии ответственный секретарь, назначаемый председателем Евразийской части Совместной Комиссии.

3.5. Уровень сопредседательства в подкомитетах и *ad hoc* рабочих группах определяется по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии.

3.6. Представители государств – членов ЕАЭС / ЕЭК назначаются государствами – членами ЕАЭС / ЕЭК.

4. Полномочия Председателя Евразийской части Совместной Комиссии

Председатель Евразийской части Совместной Комиссии имеет право:

- инициировать разработку рекомендаций по вопросам, регулируемым или связанным с Соглашением, и, по согласованию с государствами – членами ЕАЭС,

предлагать такие рекомендации для обсуждения с Китайской Народной Республикой;

- представлять предложения по учреждению подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп по вопросам, регулируемым или связанным с Соглашением, и, по согласованию с государствами – членами ЕАЭС, выступать с соответствующим предложением к Китайской Народной Республике;

- запрашивать у компетентных органов, организаций, а также участников внешнеэкономической деятельности государств – членов ЕАЭС необходимые материалы и информацию по вопросам, регулируемым или связанным с Соглашением;

- созывать совещания с участием представителей компетентных органов, организаций, а также участников внешнеэкономической деятельности государств – членов ЕАЭС по вопросам, регулируемым или связанным с Соглашением;

- привлекать заинтересованные компетентные органы и организации государств-членов ЕАЭС к разработке рекомендаций, принимаемых Совместной Комиссией, предложений по дальнейшему развитию и расширению торговли между Сторонами Соглашения, а также иных документов;

- официально выдвигать от имени Евразийской части Совместной Комиссии инициативы и официально согласовывать предложения китайской части Совместной Комиссии, согласованные в предварительном порядке с государствами – членами ЕАЭС;

- принимать иные действия для реализации целей, указанных в пункте 2 настоящего Положения.

5. Полномочия Сопредседателей Евразийской части подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии

Сопредседатели Евразийской части подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии, имеют право:

- инициировать разработку рекомендаций Совместной Комиссии по вопросам, входящим в компетенцию подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп, и, по согласованию с государствами – членами ЕАЭС, предлагать такие рекомендации для обсуждения с Китайской Народной Республикой;

- по согласованию с государствами – членами ЕАЭС утверждать планы и инициативы по сотрудничеству по вопросам, входящим в компетенцию подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп или предлагать их на рассмотрение Совместной Комиссии;

- запрашивать у компетентных органов, организаций, а также участников внешнеэкономической деятельности государств – членов ЕАЭС необходимые материалы и информацию по вопросам, входящим в компетенцию подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп;

- созывать совещания с участием представителей компетентных органов, организаций, а также участников внешнеэкономической деятельности государств - членов ЕАЭС по вопросам, входящим в компетенцию подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп;

- привлекать заинтересованные компетентные органы и организации государств-членов ЕАЭС к разработке рекомендаций, по вопросам, входящим в компетенцию подкомитетов, *ad hoc* рабочих групп, предложений по дальнейшему развитию и расширению торговли между Сторонами Соглашения, предложений по совершенствованию положений Соглашения, а также разработке иных документов.

6. Основные функции и задачи секретариата Евразийской части Совместной Комиссии

Для достижения целей, предусмотренных пунктом 2 настоящего Положения, секретариат Евразийской части Совместной Комиссии:

- контролирует ход реализации Соглашения, а также соблюдение проистекающих из него взаимных обязательств Сторон;

- при взаимодействии с представителями государств – членов ЕАЭС / ЕЭК координирует работу по подготовке повестки, материалов и позиций Евразийской части Совместной Комиссии к заседаниям Совместной Комиссии;

- совместно с представителями государств – членов ЕАЭС / ЕЭК осуществляет подготовку предложений по дальнейшему развитию и расширению торговли между Сторонами Соглашения;

- проводит мониторинг выполнения принимаемых на заседаниях Совместной Комиссии протокольных решений, рекомендаций Совместной Комиссии;

- осуществляет мониторинг деятельности Евразийской части подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии;

- оказывает содействие в рассмотрении обращений заинтересованных компетентных органов, организаций и участников внешнеэкономической деятельности к Евразийской части Совместной Комиссии;

- обеспечивает взаимодействие с китайской частью Совместной Комиссии по обращениям заинтересованных компетентных органов, организаций и участников внешнеэкономической деятельности к китайской части Совместной Комиссии;

- организывает подготовку заседаний Совместной Комиссии, проводимых

на территории ЕАЭС;

- по итогам каждого заседания Совместной Комиссии направляет государствам – членам ЕАЭС в срок, не превышающий 10 рабочих дней, отчет о результатах проведения таких заседаний с приложением протокола заседания и иных необходимых материалов.

7. Процедура формирования повестки дня заседания Совместной Комиссии

7.1. При поступлении в секретариат Евразийской части Совместной Комиссии предложений в повестку дня заседания Совместной Комиссии от государств – членов ЕАЭС, секретариат Евразийской части Совместной Комиссии информирует правительства государств – членов ЕАЭС о таких предложениях в срок, не превышающий 5 рабочих дней с даты поступления таких предложений.

7.2. В случае наличия предложений ЕЭК в повестку дня заседаний Совместной Комиссии, секретариат Евразийской части Совместной Комиссии направляет такие предложения в правительства государств – членов ЕАЭС.

7.3. Предложения, указанные в пунктах 7.1. и 7.2., должны содержать:

- предложение в повестку дня заседания Совместной Комиссии;
- общую характеристику вопроса с обоснованием целесообразности включения предложения в повестку дня Совместной Комиссии;
- проект протокольного решения Совместной Комиссии;
- необходимые справочные и аналитические материалы;
- в случае необходимости, проект рекомендации Совместной Комиссии.

7.4. Государства – члены ЕАЭС информируют секретариат Евразийской части Совместной Комиссии о своих позициях в отношении предложений, указанных в пунктах 7.1. и 7.2. настоящего Положения, в срок, не превышающий 30 календарных дней с даты получения соответствующей информации от секретариата Евразийской части Совместной Комиссии.

7.5. Секретариат Евразийской части Совместной Комиссии направляет в государства – члены ЕАЭС сводную информацию о результатах рассмотрения предложений, указанных в пунктах 7.1. и 7.2. настоящего Положения, в срок, не превышающий 5 рабочих дней с даты поступления в секретариат Евразийской части Совместной Комиссии последнего письма с информацией о позиции государства – члена ЕАЭС.

7.6. В случае необходимости секретариат Евразийской части Совместной Комиссии организывает совещание с представителями государств – членов ЕАЭС для выработки общей позиции по вопросу включения предложений, указанных в пунктах 7.1. и 7.2. настоящего Положения, в повестку дня заседания Совместной

Комиссии.

7.7. В случае согласия всех государств – членов ЕАЭС предложения в повестку дня Совместной Комиссии направляются в секретариат китайской части Совместной Комиссии.

7.8. Материалы, получаемые секретариатом Евразийской части Совместной Комиссии от китайской части Совместной Комиссии по инициативе китайской Стороны или в ответ на предложения по повестке заседания Совместной Комиссии, сделанные Стороной ЕАЭС, направляются в государства – члены ЕАЭС и заинтересованные подразделения ЕЭК в срок, не превышающий 3 рабочих дней с даты их получения.

7.9. Государства – члены ЕАЭС информируют секретариат Евразийской части Совместной Комиссии о своих позициях в отношении предложений, указанных в пункте 7.8 настоящего Положения, в срок, не превышающий 30 календарных дней с даты получения соответствующей информации от секретариата Евразийской части Совместной Комиссии.

7.10. Секретариат Евразийской части Совместной Комиссии направляет в государства – члены ЕАЭС сводную информацию в срок, не превышающий 5 рабочих дней с даты поступления в Секретариат Евразийской части Совместной Комиссии последнего письма с информацией о позиции государства – члена ЕАЭС в отношении предложений, указанных в пункте 7.8 настоящего Положения.

7.11. Секретариат Евразийской части Совместной Комиссии организует совещание с представителями государств – членов ЕАЭС для выработки единой позиции по предложениям, указанным в пункте 7.8 настоящего Положения.

8. Согласование переговорных позиций Евразийской части Совместной Комиссии

8.1. Секретариат Евразийской части Совместной Комиссии осуществляет согласование с членами Евразийской части Совместной Комиссии проектов документов (протокольных решений, рекомендаций) Совместной Комиссии.

8.2. До заседаний Совместной Комиссии, подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии, секретариатом Евразийской части Совместной Комиссии или секретариатами соответствующих подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп проводятся совещания с представителями государств-членов ЕАЭС для выработки единой позиции.

8.3. В ходе заседаний Совместной Комиссии, подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп Евразийская часть Совместной Комиссии придерживается ранее согласованной позиции, воздерживаясь от выдвижения несогласованных

предложений.

Вместе с тем председатель Евразийской части Совместной Комиссии, равно как и сопредседатели подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением или по договоренности с китайской частью Совместной Комиссии, имеют право высказывать предварительные суждения по существу рассматриваемых вопросов и вырабатывать совместно с китайской частью Совместной Комиссии предварительные рекомендации или протокольные решения при условии их последующего согласования с государствами – членами ЕАЭС.

9. Финансирование

Финансирование расходов, связанных с проведением заседаний Совместной Комиссии, подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп на территории ЕАЭС осуществляется Евразийской частью Совместной Комиссии. Расходы, связанные с поездками председателя Евразийской части Совместной Комиссии, членов Евразийской части Совместной Комиссии, представителей секретариата Евразийской части Совместной Комиссии, представителей государств-членов ЕАЭС/ЕЭК и иных участников заседания Совместной Комиссии, подкомитетов и *ad hoc* рабочих групп за границу, производятся за счет средств командирующих органов и организаций.

Короткой строкой

14.06.2019

А. В. Крутиков: «Все страны Юго-Восточной Азии хотят развивать Северный морской путь»

Северный морской путь в России хотят развивать все страны Юго-Восточной Азии, заявил РИА Новости заместитель министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Александр Крутиков: «Все страны Юго-Восточной Азии проявляют большой интерес в перспективном развитии Северного морского пути: и Китай, и Корея, Вьетнам, Сингапур и другие. Я думаю, что это очень перспективное направление при решении целого ряда вопросов: это портовая инфраструктура, это ледокольное сопровождение, принятие соответствующих мер безопасности, — и путь заработает». Ранее сообщалось, что комплекс мер, которые уже изменили социально-экономическую атмосферу Дальнего Востока, будет заложен в основу новой стратегии развития Арктики до 2035 г.

(<https://ru.arctic.ru/news/20190614/862072.html>)

07.06.2019

НОВАТЭК, COSCO, «Совкомфлот» и Фонд Шелкового Пути подписали соглашение в отношении ООО «Морской арктический транспорт»

Сегодня ПАО «НОВАТЭК» подписало соглашение с China COSCO SHIPPING Corporation Limited, ПАО «Совкомфлот» и Фондом Шелкового Пути в отношении ООО «Морской арктический транспорт» («МАРТ»). Соглашение закрепляет намерения сторон о создании долгосрочных партнерских отношений в области совместной разработки, финансирования и реализации новых логистических схем круглогодичной транспортировки углеводородного сырья из Арктической зоны Российской Федерации до стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также организации транзитного грузопотока по Северному морскому пути между Азией и Западной Европой. «Подписание соглашения является важным этапом в развитии транспортировки СПГ с наших арктических проектов по Северному морскому пути, — отметил председатель правления «НОВАТЭКа» Леонид Михельсон. — Развитие «МАРТ» будет способствовать скорейшей трансформации Северного морского пути в глобальный коммерчески эффективный транспортный коридор между Тихоокеанским и Атлантическим бассейнами, а также решению поставленной руководством Российской Федерации задачи по увеличению грузопотока в акватории Северного морского пути до 80 млн т в 2024 г.».

(<http://pro-arctic.ru/07/06/2019/news/36888#read>)

07.06.2019

Ученые Ямала планируют продвигать биоресурсы Арктики на фармацевтические рынки Китая

Биологические ресурсы Арктики необходимо продвигать на фармацевтических рынках Китая, при этом их изучение и изготовление первичных субстанций должно проводиться на Ямале, а изготовление лекарственных препаратов — в КНР, так как это обеспечит продукции выход на китайские рынки. Об этом сообщил в среду заместитель директора Научного центра изучения Арктики, доктор медицинских наук Андрей Лобанов в кулуарах VI Экспо в Харбине. «Для нас принципиально создание лаборатории, то есть ключевые исследования должны идти на Ямале. Второй момент — это создание субстанций на основе этих продуктов, а конечная сборка продукции должна проводиться в Китае, потому что это «входной билет» на огромный китайский рынок. И если мы не собираем в рамках холдинга препарат, мы не имеем выхода на китайский рынок», — сказал он. А. Лобанов

отметил, что сотрудничество с китайскими партнерами, в числе которых университет провинции Гуандун и институт океанологии Циндао, оформляется в виде соглашения. «Проведены все переговоры, сделан проект соглашения, которое подразумевает научное сотрудничество на первом этапе, на втором этапе — создание лаборатории на Ямале», — пояснил он. По словам ученого, в настоящее время биоресурсы Арктики не могут быть использованы в фармацевтической промышленности КНР, так как не соответствуют китайской классификации У-Син. «Допустим, у нас огромные запасы лишайника, они не используются в Китае. У нас большие запасы сфагнума, он тоже применяется в фармацевтике. Интереснейшее растение — шикша (кустарник семейства вересковых) — стимулятор, который тоже не используется в медицине, его тоже необходимо вводить в этот оборот, так же, как и продукты оленеводства, различные органы оленя, панты», — пояснил А. Лобанов.

(http://www.arcticinfo.ru/news/nauka/Uchenye_YAmala_planiruyut_prodvigat_bioresursy_Arktiki_na_farmatsevticheskie_rynki_Kitaya/)

24.06.2019

Китай создал первый в мире беспилотный супертанкер

China Shipbuilding Industry Corporation (CSIC) передала заказчику первый в мире беспилотный супертанкер. Как сообщило Центральное телевидение КНР, нефтеналивное судно оснащено технологией микропроцессорного управления. Супертанкер Кујеи вместимостью более 308 тыс. т был построен на верфях портового города Далянь на северо-востоке КНР. Судно имеет новейшее оборудование, позволяющее танкеру осуществлять плавание в беспилотном режиме. Танкер успешно прошел длительную серию испытаний, в том числе в открытом море. Данное судно относится к грузовым перевозчикам шестого поколения и стало 97-м по счету супертанкером, построенным дочерним подразделением CSIC — Даляньской судостроительной компанией (DSIC). Оно оборудовано передовой системой энергосбережения и поддержания связи с сушей в ходе длительных плаваний. Стоит отметить, что все больше мировых судостроителей берутся за разработку беспилотных судов. Это происходит потому, что для судовладельцев подобные корабли будут чрезвычайно выгодны, уверен глава Объединенной судостроительной корпорации РФ Алексей Рахманов. При этом до 40% стоимости фрахта — это оплата работы экипажа. И таким образом, получив беспилотные суда, судовладельцы смогут предлагать более выгодные условия своим клиентам. Создание таких судов ведется в рамках направления робототехнических комплексов. Речь идет о совершенно различных средствах, которые могут действовать самостоятельно с точки зрения системы управления, систем ориентации и автономной энергетики. Что касается непосредственно автопилота, то речь идет не только об удержании заданного курса, эти суда должны быть способны самостоятельно осуществлять швартовку.

(<https://teknoblog.ru/2019/06/24/9983>)

27.08.2019

Институты развития РФ и КНР создадут инфраструктуру для финансирования проектов сопряжения ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь»

ВЭБ РФ намерен совместно с институтами развития КНР создавать инфраструктуру для вовлечения в проекты сопряжения ЕАЭС с «Поясом и путем» других игроков. Об этом первый зампреда — член правления ВЭБ Николай Цехомский заявил в интервью ИА «Синьхуа».

«Задача банков развития двух стран не только в непосредственном участии в крупнейших проектах в рамках сопряжения форматов Евразийского экономического союза и «Пояс и путь», но и в создании необходимой финансовой инфраструктуры для активного вовлечения рыночных игроков, сокращении барьеров и упрощении процедур», — заявил Н. Цехомский по итогам визита в Китай.

По его словам, ряд проектов ВЭБ и Государственного банка развития Китая реализуется уже сейчас или начнут финансироваться в ближайшее время. Речь идет о проектах в сфере инфраструктуры железнодорожных перевозок и транспортной инфраструктуры Северного морского пути. Важнейшим элементом создания этой транспортной инфраструктуры является финансирование производства судов, строящихся на верфи «Звезда» и способных осуществлять навигацию в северных широтах, пояснил собеседник агентства. Кроме того, ВЭБ РФ и Государственный банк развития Китая теперь также занимаются оценкой инвестпроектов в рамках межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. «В настоящее время в перечень инвестиционных проектов, которые имеют приоритетное значение для правительств двух стран, вклю-

чены более 70 проектов. Этим проектам обеспечивается режим наибольшего благоприятствования и поддержки со стороны регулирующих органов. Во многих из них мы намерены принять самое активное участие», — рассказал Н. Цехомский.

(<http://russian.news.cn>)

28.08.2019

Основным покупателем товаров стран ЕАЭС выступает Европейский союз

Основным покупателем экспортируемых государствами — членами ЕАЭС товаров выступает Европейский союз (49,6% совокупного экспорта). Об этом сообщается в материалах Евразийской экономической комиссии. Среди стран Европейского союза наиболее существенны поставки товаров в Нидерланды (11,9%), Германию (6,5%), Италию (5,1%), Соединенное королевство (2,9%). В страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества продано 27,5% экспортированных товаров, из них в Китай — 13,6%, Южную Корею — 4,5%, Соединенные Штаты — 3%. Странам СНГ реализовано 5,6% экспортированных товаров. Импортные закупки сосредоточены в странах АТЭС (44,8% совокупного импорта товаров) и Европейского союза (37,1%). Среди стран АТЭС наибольшие объемы приходятся на Китай (23,6%), Соединенные Штаты (6,4%), Южную Корею (4,3%), Японию (3,8%). Среди стран Европейского союза значимы поставки из Германии (10,2%), Италии (4,7%), Франции (3,3%). В странах СНГ приобретено 4,3%.

(https://aqqarat.info/news/2019/08/28/9395471-osnovnym_pokupatelem_tovarov_stran_eaes.html)

02.09.2019

Китай скоро запустит спутник для наблюдений за Арктикой и Антарктидой

Китай в этом месяце запустит в космос микроспутник для исследования климата и окружающей среды в Арктике и Антарктиде, сообщили разработчики космического аппарата корп. «Синьхуа». Спутник «Цзинши-1» /BNU-1, или Ice Pathfinder/ весом 10 кг оборудован камерой высокого разрешения, которая способна обеспечить полное покрытие обоих полюсов Земли за пять дней и позволит отследить дрейф льдов и процесс таяния шельфовых ледников. На борту космического аппарата установлены также приборы автоматической идентификационной системы, предназначенной для усиления безопасности навигации судов в море. Спутник BNU-1 разработан научными сотрудниками из Пекинского педагогического университета и шэньчжэньской компании аэрокосмических технологий «Дунфанхун девелопмент» /Dongfanghong Development/. Контроль за спутником обеспечит Объединенный исследовательский центр университетских полярных исследований Китая. Расчетный срок службы спутника составляет один год. Полученные при его помощи данные будут использоваться для изучения глобальных изменений климата и разработки арктических судоходных маршрутов, заявил научный руководитель проекта Чэн Сяо.

Раньше китайские ученые проводили полярные исследования в основном на основе данных, собранных судами и станциями. Использование спутниковой технологии дистанционного зондирования дает им больше возможностей для изучения труднодоступных районов. «Этот спутник восполнит лакуны в данных по полярным наблюдениям и позволит Китаю меньше зависеть от других стран в технологическом аспекте», — объяснил ученый. BNU-1 представляет собой первый космический аппарат китайской спутниковой группировки полярных наблюдений. В перспективе число таких спутников, работающих в круглосуточном режиме, достигнет 24 шт. Как сообщается, при их помощи станет возможным вести постоянное наблюдение за Цинхай-Тибетским нагорьем, известным как «третий полюс» мира.

(http://russian.news.cn/2019-09/02/c_138358796.htm 02.09.2019)

02.09.2019

РФ и КНР подпишут обновленную программу развития сотрудничества на Дальнем Востоке до 2024 г.

Минвостокразвития РФ и Минкоммерции КНР в сентябре подпишут обновленную программу развития сотрудничества на Дальнем Востоке до 2024 г. с учетом включения в состав региона Бурятии и Забайкальского края. Об этом глава министерства России по развитию Дальнего Востока и Арктики

Александр Козлов заявил в интервью корр. «Синьхуа». Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг. была подписана на прошлогоднем Восточном экономическом форуме. «Документ определяет приоритетные отрасли и механизмы для российско-китайского инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке. Среди них — газо- и нефтехимия, освоение месторождений твердых полезных ископаемых, транспорт и логистика, сельское хозяйство, лесная промышленность, аквакультура и туризм, развитие Русского острова», — напомнил министр. «Однако с тех пор в составе Дальнего Востока произошли изменения: к нам присоединились Республика Бурятия и Забайкальский край. Подписание новой версии программы запланировано на сентябрь этого года», — рассказал А. Козлов.
(http://russian.news.cn/2019-09/03/c_138359499.htm 03.09.2019)

Таджикская экспедиция. Средняя Азия

П. Н. Лукницкий

Предисловие редактора

Весной 2019 г. в кабинете президента Академии наук Республики Таджикистан Фархода Рахимова, куда меня пригласил Нуриддин Каюмов, академик Академии наук Республики Таджикистан, зашел, в частности, разговор о Таджикско-Памирской экспедиции 1932 г.

Единодушным было мнение собеседников привлечь внимание научной общественности, и не только, к истории этого глобального, в масштабах того времени, проекта научного и хозяйственного освоения неизведанной ранее части евразийского континента. А ведь тогда шла лишь вторая пятилетка организации планового народного хозяйства Советского Союза. Много поучительного можно было бы взять сегодня для осуществления более масштабного проекта «Большая Евразия».

Так, за непродолжительным разговором были высказаны предложения провести ряд научных конференций, выпустить серию публикаций, радио- и телепередач. Фарход оживился и вспомнил о том, что у него сохранились кинодокументы довоенной хроники о деятельности экспедиции. На том и порешили: будем думать и предпринимать какие-то действия. По возвращении в Санкт-Петербург я провел ряд бесед в нескольких аудиториях, но встречного энтузиазма не заметил. И вот недавно, «путешествуя по интернету», наткнулся на книгу П. Н. Лукницкого — очевидца и, я сказал бы, летописца памирских экспедиций начиная с 1930 г. Страсть к ежедневным дневниковым записям, журналистским очеркам и литературным произведениям была ему присуща еще со студенческой скамьи. Передвигаясь по горным тропам Памира, он успевал делать короткие заметки, даже вступив в боестолкновение с басмачами. Будучи военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах в Великую Отечественную войну, Лукницкий создал хронику повседневного героизма советских людей (нередко он сам это подчеркивал) в трехтомной эпопее «Ленинград действует». В послевоенный период, по-прежнему находясь в частых экспедициях, он публикует новые литературные произведения, с одним из которых мы решили познакомить читателей нашего журнала. Пусть это будет один из первых шагов в реализации той идеи, которая родилась на встрече в кабинете президента Академии наук Республики Таджикистан.

Ниже публикуется выдержка из опубликованной в 1955 г. книги Лукницкого «Путешествия по Памиру», но прежде — несколько слов об авторе.

Павел Николаевич Лукницкий (12.10.1900–23.06.1973) — известный русский советский поэт, прозаик. После окончания факультета общественных наук Ленинградского государственного университета в 1925 г. он занимался литературной деятельностью, в 1927 г. издал первый сборник своих стихов, но основное внимание в те годы он посвятил, во многом благодаря поддержке Анны Ахматовой, исследованию творчества Николая Гумилева. Книга Павла Лукницкого «Труды и дни Н. С. Гумилева», началом написания которой явилась его студенческая курсовая работа под тем же названием, была издана в Санкт-Петербурге лишь в 2010 г. В повести «У подножия смерти» он описывал, как телефонный звонок в марте 1930 г. открыл новую страницу в его жизни:

«— С вами говорит начальник памирской геологоразведочной партии Юдин. Вы поехали бы на Памир? — Я, конечно, не раздумывал ни минуты».

Так, по-житейски просто, начиналась памирская эпопея для одного из великого множества советских ученых, инженеров, строителей. Вашему вниманию предлагается живое описание Таджикско-Памирской экспедиции, которая в череде предшествующих экспедиций ознакомительного порядка положила начало масштабным исследованиям и освоению необъятных просторов нашей страны.

Игорь Кефели

Павел Николаевич Лукницкий

*Породы Памира с породой поэтов
Еще не родились. Но я не о том!
Замысловатей любого сюжета
Был путь мой развернут кашгарским конем.*
Павел Николаевич Лукницкий. Испытание

Прежде чем приступить к описанию двух моих первых памирских путешествий, в которых было много событий, необычных и неожиданных, я расскажу о том, как была организована ТКЭ.

Эта глава даст читателю возможность дальше, на всем протяжении книги сравнивать масштабы научно-исследовательской работы на Памире, проводившейся в 1930 и 1931 годах, с масштабами работы 1932-го и последующих лет.

Первые решения

ТКЭ — так называлась Таджикская комплексная экспедиция 1932 года. В следующие, 1933–1937 годы эта экспедиция продолжала работу под названием ТПЭ — Таджикско-Памирской экспедиции. История организации экспедиции такого небывалого, возможного только в Советской стране масштаба стоит того, чтобы о ней рассказать.

Весной 1936 года в Москве праздновался юбилей пятилетия со дня начала организации этой экспедиции. В Доме ученых собралось около тысячи человек, каждый из которых так или иначе принимал участие в экспедиции. Выставка, посвященная итогам пятилетних работ, рассказывала посетителям о сотнях открытых и изученных месторождений полезных ископаемых, о разгаданных белых пятнах, замененных на географических картах линиями горизонталей рельефа, сеткой речных систем, треугольничками высочайших пиков, названиями кишлаков и ущелий; выставка рассказывала об особенностях климата, о ледниках Памира, о деятельности созданных экспедицией в самых труднодоступных углах страны обсерваторий, метеорологических пунктов, биологических стационаров — обо всем, что было сделано руками тех, кто в этот вечер присутствовал в Доме ученых.

В залах были выставлены сотни книг, составлявших труды экспедиции. Тысячи фотографий и рисунков изображали рудники, шахты, заводы, фабрики, комбинаты, созданные на открытых и изученных экспедицией месторождениях; оазисы, белеющие тонковолокнистыми, невиданными прежде в СССР сортами хлопчатника, там, где почвы, грунтовые воды, энергетические ресурсы горных рек и возможности ирригации были исследованы экспедицией; тропические станции, больницы, новые поселки, построенные по планам, подсказанным экспедицией. И много, много другого, что явилось следствием огромной работы десятков, даже сотен экспедиционных отрядов и групп.

— Я восхищен вполне энергией и энтузиазмом молодых деятелей науки, — говорил, аплодируя собранию, президент Академии наук, белоглавый, но всегда жизнерадостный академик А. П. Карпинский. — Вам, мои друзья, есть что вспомнить сегодня...

Слушая академика Карпинского, я размышлял о том, почему иные экспедиции бывали неудачными, умирали в зародыше, не приносили народу никакой пользы, а эта Таджикско-Памирская экс-

педиция сделала так много для развития народного хозяйства и культуры Таджикистана и даже всей Средней Азии.

Конечно, первой, главной причиной успеха работ экспедиции было повсеместное и непрестанное содействие, оказанное ей всем населением республики, хорошо подготовленным партийными и комсомольскими организациями. Но, кроме этой и многих других причин успеха всякой научно-исследовательской экспедиции, есть и еще одна — первостепенная, хотя о ней редко вспоминают. Я имею в виду хорошую организованность экспедиции.

От того, как организована экспедиция, зависит успех или неуспех всей ее полевой работы. До революции в нашей стране (а в капиталистических странах и по сию пору) люди, отправляющиеся в экспедицию, чаще всего не умели (или не могли) снарядить экспедицию так, чтобы в будущем ни в чем не терпеть недостатка; не разрабатывали плана работ до мельчайших подробностей, не координировали работу ученых различных специальностей между собой так, чтобы каждый из них помогал друг другу; в экспедицию часто попадали случайные люди — недостаточно опытные, выверенные, бескорыстные, не воспитано было в людях чувство локтя, чувство товарищества.

Именно поэтому погибали многие полярные путешественники. Именно поэтому столько экспедиций на величайшую вершину мира Чомолунгму (Эверест) оказались неудачными. Карьеризм, корыстолюбие и тщеславие были единственным стимулом некоторых авантюристов, отправлявшихся в неисследованные области.

Таджикско-Памирская экспедиция была советской. Преобладающее большинство ее участников были людьми опытными, волевыми, воспитанными в советских традициях, глубоко бескорыстными, влюбленными в свое дело. Конечно, в экспедиции этой, состоявшей из сотен научных работников, попадались и люди другого порядка, но сама жизнь отметала их очень быстро, они в экспедиции не удерживались, им нечего было в ней делать.

Как же создавалась Таджикско-Памирская экспедиция? Но прежде чем рассказать об этом, скажу несколько слов о том, зачем она была создана. Железные и шоссейные дороги, гидростанции; хлопкоочистительные заводы, машинно-тракторные станции, сотни школ, ирригационные сооружения — громадное строительство развернулось в Таджикистане на территории, где за несколько лет перед тем жители отдавали своих девушек в рабство, в виде налога; где басмачи зверски пытали и убивали всех, кто вступал в борьбу за свободу; где в горных ущельях люди не представляли себе, как выглядит колесо. Быстрые темпы строительства требовали прежде всего таких же темпов изучения естественных ресурсов страны. Изучение страны было затруднено отсутствием простейших географических знаний, белыми пятнами на картах республики. Вся сумма научных знаний об этой республике сводилась, в сущности, к разрозненным и чаще всего поверхностным маршрутным описаниям случайных путешественников. По ним можно было судить только, что Таджикистан может стать богатейшей во всех отношениях страной, что он как будто бы обладает огромными естественными ресурсами. Степень изученности Таджикистана отставала от насущных потребностей строительства, страна не знала по-настоящему своей экономики, страна хотела строить новые гидростанции — и не знала, где их поставить; страна строила новые шоссейные дороги — и не знала, через какой перевал выгоднее и разумнее их проложить; страна хотела удвоить, утроить свои хлопковые площади и площади своих абрикосовых садов, но не знала, где могут оказаться летние заморозки, угрожающие посевам, и откуда могут хлынуть сели — грязекаменные потоки; страна хотела строить фабрики и заводы, шахты и комбинаты, но не знала промышленной ценности известных с древности месторождений полезных ископаемых и не представляла, где и какие новые месторождения могут и должны быть открыты...

Страна приступала к составлению второго пятилетнего плана — не знала, где развернуть сельское хозяйство, как расставить на своей территории фабрики и заводы, чтоб они оказались возможно более эффективными, чтоб они принесли максимум пользы.

Как же получилось, что работавшие до тех пор экспедиции не обеспечили стране этих необходимых ей сведений? Дело, очевидно, заключалось в устаревших методах их работы. Экспедиции, посылавшиеся разными учреждениями, были никак не связаны между собой: ни организационно, ни в отношении программы их работы.

Они выезжали из Москвы, из Ленинграда, из Ташкента (в Сталинабаде¹ своего научного центра тогда еще не было), каждая имела свои задания, каждая работала самостоятельно и в той области науки, к какой принадлежали осуществлявшие экспедицию специалисты.

¹ Сталинабад — так с 1929 по 1961 гг. называлась столица Таджикской Советской Социалистической Республики, в 1961 г. городу было возвращено первоначальное название — Душанбе. — Прим. ред.

Взаимной консультации не было вовсе или она бывала недостаточной. Часть добытых материалов «консервировалась» и фактически пропадала. Чтоб восстановить их, требовались лишние средства, лишние работники, время, усилия.

В период басмачества разные экспедиционные партии оказывались часто без взаимной связи, без должной охраны, без сведений о том, что ждет их в пути, и даже иногда без оружия. В обеспечении экспедиций продовольствием и снаряжением не было никакой системы. Задания, получаемые научными работниками, бывали случайными.

Мысль о необходимости новых форм и методов научно-исследовательской работы давно уже зрела в умах наиболее активных и передовых ученых, обсуждалась и в Академии наук, и в других научных учреждениях, и в крупных хозяйственных организациях республик и центра.

В частности, говоря о Таджикистане, можно было опереться на первый удачный опыт организации Академией наук СССР Памирской экспедиции 1928 года¹. Она была сравнительно небольшой, но, организованная на новых началах, на началах комплексности, дала очень хорошие результаты.

И вот в 1931 году ищущая мысль ученых привела к убеждению: для быстрого, всестороннего, целеустремленного изучения естественных ресурсов Таджикистана (половину территории которого составляет Памир) необходимо немедленно приступить к созданию такой экспедиции, в которой приняли бы участие научные работники по всем научным специальностям, требуемым поставленной задачей, — к созданию экспедиции, основой которой был бы единый научный план и которая осуществлялась бы под единым руководством и в научном, и в организационном, и в хозяйственном отношениях.

Такая экспедиция должна была быть комплексной. Организация такой экспедиции требовала большого внимания к себе со стороны правительственных, научных и хозяйственных учреждений, требовала больших средств, опытных и энергичных, коммунистически мыслящих и умеющих работать сотрудников. В работах такой экспедиции должны были быть заинтересованы самые широкие народные массы Таджикистана, ибо для полного успеха ее работ важно было содействие каждого дехкана, каждого жителя отдаленных и заброшенных в дикие горы селений.

Такая экспедиция могла быть создана только в Советском Союзе. Она должна была быть во всех отношениях советской. 22 ноября 1931 года в научно-исследовательском совете ВСНХ СССР состоялось Совещание по вопросу «об организации в 1932 году комплексной экспедиции в Таджикистан и на Памир». Идею комплексности выдвинули и убежденно поддерживали передовые ученые нашей страны, в числе которых назову прежде всего академиком И. М. Губкина и А. Е. Ферсмана. На совещании присутствовали представители ВСНХ, Главного управления цветных металлов, Всесоюзного объединения редких элементов, Цветметзолота, Энергоцентра, Полярного комитета, Азугля, Института прикладной минералогии и других существовавших в то время в нашей стране учреждений. Конечно, присутствовали и представители правительств Таджикистана и Киргизии.

Первый период

В Совете по изучению производительных сил Академии наук СССР была создана специальная Таджикская секция. В состав секции вошли шесть академиков и тринадцать профессоров. Экспедицию возглавил научный совет под председательством академика А. Е. Ферсмана. Начальником экспедиции был назначен Н. П. Горбунов. В состав руководства вошли виднейшие ученые нашей страны: геохимик Д. И. Щербаков, геолог Д. В. Наливкин, паразитолог Е. Н. Павловский, ботаник Б. А. Федченко, геологи Б. Н. Наследов, В. А. Николаев, А. П. Марковский и другие. 27 декабря 1931 года состоялся пленум Совета по изучению производительных сил. Были обсуждены научные планы, формы организации и методы работы экспедиции, разделенной на отряды, охватывавшие самые различные научные специальности.

В числе многих десятков экспедиционных отрядов, которые предстояло создать, были геологические, геохимические, метеорологические, гидроэнергетические, гравиметрические, гляциологические, геодезические, астрономические, магнитные, сейсмологические, ботанические, этнографические, зоологические, паразитологические, экономические...

¹ Памирская (Алайско-Памирская) экспедиция 1928 г. была инициирована немецким ученым, исследователем гор Кавказа и Памира, профессором Венского университета Вильямом Рикмер-Рикмерсом, который на торжественном заседании в честь 200-летнего юбилея Российской Академии наук (1924 г.) предложил провести совместную советско-германскую экспедицию для исследования Памира. В состав экспедиции были привлечены научные силы молодой Советской республики, географы и картографы Германии (первоочередными задачами экспедиции являлись составление географических и фотограмметрических карт, геологические и ботанические исследования), а также известные альпинисты. С экспедиции 1928 г., превратившейся постепенно в Таджикскую комплексную, а затем в Таджикско-Памирскую экспедицию, началось комплексное изучение производительных сил региона и развитие тяжелой промышленности Таджикистана. — Прим. ред.

Автору этих строк — ученому секретарю экспедиции — поручена была организационная работа, которая к этому времени уже началась. Надо было определить все основные объекты работ, определить их районы, составить программы, сметы, установить маршруты, исходные пункты, привлечь лучших специалистов, координировать их работу, обеспечить всем необходимую консультацию, добыть средства, заготовить продовольствие, снаряжение, инструменты и приборы, материалы, реактивы, карты. Решение отказаться от импорта обывало поставило на наших фабриках и заводах производство тех предметов, какие до того времени выписывались из-за границы. Надо было наладить транспорт, базы снабжения, охрану, медицинскую помощь. Надо было заинтересовать работами экспедиции местное население, разъяснить тысячам колхозников Таджикистана, горцам самых отдаленных ущелий Памира цели и задачи экспедиции.

Академия наук тогда еще была в Ленинграде, а большинство руководителей экспедиции жило в Москве. Когда мы приступали к работе, у нас не было ни рубля государственных денег, ни сотрудников, ни места, где мы могли бы работать, кроме своих жилищ. В этот «утробный» период организации экспедиции, что было у нас, кроме огромного желания осуществить задуманное предприятие? Моя маленькая ленинградская комната временами напоминала переполненный пассажирами трамвай, в котором к тому же разрешалось курить. Все было так зыбко и проблематично, все так еще не перешло из будущего в настоящее, что только очень убежденный человек мог верить в осуществление идеи этого предприятия. Не скрою, в этот период находились неверующие. Один из научных работников однажды в ответ на мои приставания осадил меня:

— Ну вас, только морочите голову, таскаете меня по заседаниям. Дергают, сулят с три короба, а потом и десятой доли не выйдут... Да неужели вы думаете, что моя научная специальность действительно найдет у вас применение? Буду ходить на ваши заседания — только время зря потеряю!..

Через месяц этот самый — почтенного возраста — ученый, запыхавшись, бегал из учреждения в учреждение, шумно теребил молодых, вдохновлял их своей восторженностью и торопился как можно скорее выехать к месту работ. «Утробный» период организации кончился очень скоро. Завелись первые деньги. Нашлось помещение: Совет по изучению производительных сил выделил для экспедиции комнату в просторном, но переполненном здании бывшей Фондовой биржи, на берегу Невы.

Начали появляться первые люди, между которыми можно было разделить организационную работу. В Москве, например, — начальник снабжения. Это был низкорослый, всегда суеющий человек с быстрыми жестами, невозмутимый только в подтверждении своих обещаний достать то, что, казалось, явно он не достанет. Мы прозвали его «Плавунец», потому что своей суеливостью он действительно напоминал жука-плавунца. Он очень любил командовать и распоряжаться, а командовать и распоряжаться было некем, все приходилось делать ему самому. Он злился и бегал и все делал сам. Он был хорошим «добытчиком», но совершенно не умел планировать и вносил страшный беспорядок в дела. Впоследствии Плавунцу пришлось покинуть экспедицию, как покинули ее еще до отъезда в «поле» и некоторые другие сотрудники, не умевшие достаточно хорошо справляться со своим делом. В Москве и в Ленинграде у нас уже были первые машинистки, которые, возгораясь энтузиазмом, прощали нам бескорыстное наше стремление заваливать их работой. Первый представитель финансовой части, в задачи которого входило странствование по учреждениям для добывания обещанных денег, обладал даром убедительного красноречия и, страшно жестикулируя ладонями перед собственным лицом, талантливо склонял любого скупца к выполнению взятых им на себя обязательств. Технический секретарь, гражданка солидных лет, тщетно силилась проникнуть в премудрость самых замысловатых геологических и гравиметрических терминов, чуть не плакала, звоня мне по телефону и требуя разъяснений, и очень старалась жить в бешеном темпе организационных работ. Бухгалтеры Совета по изучению производительных сил ожесточились на нас необычайно: мы нарушали спокойную атмосферу их существования, мы негодовали, когда бумага тащилась, как ломовая телега, по созданным ими бесчисленным инстанциям; нам требовалась быстрота голубиной почты, мы беззастенчиво ломали ветхие, на наш взгляд, формы делопроизводства, мы упрощали их до крайности. Мы неустанно тормозили ученых и научных работников, которые по своей ли вине или по причине загруженности прочей научной работой мешкали или слишком «медленно торопились». И постепенно в наш лагерь «воинствующих организаторов» переходили все новые и новые люди.

В московском научном штабе

Шла зима. В Ленинграде появился энергичный работник — Ольга Александровна Крауш, которая раньше работала у А. Е. Ферсмана. Заняв должность второго секретаря экспедиции, она с первого же дня вошла в самую сердцевину дела и повела его с умом и тактом. Такт был необходим потому, что в процессе организации иногда возникали мелкие конфликты между научными работниками — из-за

личных ли отношений, из чувства ли неверно понятого самолюбия, или еще по каким-либо неясным для нас причинам. Тот хотел ехать начальником отряда, а его утверждали помощником; этот интересовался одним районом, а его посылали в другой, практически гораздо более важный; другой хотел иметь в караване своего отряда двенадцать лошадей, а ему предоставляли только одиннадцать; четвертый обижался, что, выдав ему на руки сметные деньги на полевые работы, мы попридержали, опасаясь перерасхода, деньги, полагавшиеся на камеральную обработку будущих коллекций; пятый...

Но ведь не перечислить всех мелочных вопросов, для разрешения которых требовался прежде всего такт. Дело уже разрослось необычайно. Работать без ежедневного личного общения с академиками, возглавлявшими экспедицию, стало невозможно. Не помогали ни мои ежесуточные рапорты, ни еженощные телефонные разговоры по прямому проводу Ленинград — Москва. Пришлось выехать в Москву. В Москве, в приютившейся под крылышком Комиссии содействия ученым конторе экспедиции, с утра до ночи шумели и волновались многочисленные сотрудники. Контора эта походила на штаб времен Гражданской войны. Так мы и называли ее — штабом. Папки с бумагами, карты, книги, образцы снаряжения загромождали коридор и комнаты, столы, диваны и стулья. Научные работники приезжали из Ленинграда и засиживались здесь до глубокой ночи. Ночью на полу расстилался ковер, на ковре разворачивались спальные мешки, люди забирались в них, как на памирских высотах, и спали рядком до утра, а проснувшись на рассвете, вновь ожесточенно принимались за дело. Приходил альпинист, ведавший заготовкой высокогорного снаряжения, — сильный и здоровый человек, спокойный, энергичный, выдержанный, прекрасный товарищ. Он приносил с собой образцы. Тогда здесь начинались странные дела, которые очень удивили бы случайно зашедшего, неподготовленного, постороннего зрителя: альпинист снимал с себя элегантный пиджак, стягивал свежевыутюженные брюки, облачался в штормовой зеленый костюм, в шакельтоны и начинал проделывать хитроумные махинации, скажем, с альпийской веревкой. Потом цеплялся ледорубом за карниз книжного шкафа и повисал на нем. Развитое, массивное тело альпиниста качалось на весу, и кто-нибудь из нас тянул его за ноги. Это называлось испытанием прочности ледоруба. На полу расставлялись палатки, и мы ползком забирались в низкую, так называемую «шустеровскую», сшитую из пропитанного специальным составом парашютного шелка, — надо было на себе испытать ее качества.

Однажды вечером явился Плавунец, в ту пору еще у нас работавший. Ему хотелось удостовериться в прекрасном впечатлении нашем от образцов альпийских ботинок, присланных накануне с фабрики. Он пришел в неудачный момент: двое здоровяков — альпинист и геолог, пробуя все наличные ножи и даже пилу, прилагая все свои силы, кряхтя и посмеиваясь, силились разрезать пополам тяжелый ботинок, с толстой подошвой — в палец толщиной — подошвой. Плавунец ужаснулся такому святотатству: резать пополам великолепный новый ботинок! Но когда ботинок разлетелся, наконец, на две половины, когда альпинист и геолог мрачно переглянулись, обнаружив между слоями кожи пластину картона, Плавунец попытался возможно незаметнее удалиться. Он был настигнут жалом спокойных, но весьма язвительных замечаний. Подошве полагалось быть только из кожи. Ботинки «на взрез» оказались недоброкачественными. В следующей партии обуви никаких дефектов обнаружить уже не удалось. Однажды утром москвичи, проходившие по переулку мимо нашего штаба, столпились у ворот дома, во дворе которого раскинулся большой лагерь палаток. Москвичи удивлялись, а орава восхищенных мальчишек прыгала из палатки в палатку, воображая себя в дебрях неизвестной страны. Плавунец приносил банки с консервами, изготовленными для экспедиции, и целая комиссия собиралась дегустировать какую-нибудь банку иваси или сгущенного молока. Члены комиссии были неумолимы. Они браковали продукты без всякого зазрения совести, и Плавунец истощным голосом клаялся и божился, уверяя, что продукты хороши и что сотрудники экспедиции не цацы, могут, мол, съесть и такие. Плавунец и слышать ничего не хотел об особенностях климата, о предстоящей многомесячной перевозке продуктов во вьюках и в кузовах автомашин — то под лучами жгучего солнца, то под покровом морозной ночи. А члены комиссии требовали, требовали, не теряя спокойствия, ровным, чуть обиженным тоном. Плавунец никогда не бывал в экспедициях, о многом имел неверное представление. Именно поэтому нам и пришлось с ним расстаться.

Как я уже сказал, в нашем штабе работа начиналась с рассвета. Раззванивался телефон, столы заваливались бумагами, толпами осаждали штаб посетители. Нечто вроде летучего клуба бывало в передней, где стоял широкий диван. Здесь, в табачном дыму, возникали иной раз дискуссии по сложнейшим теоретическим научным вопросам. Приходили: профессор-геолог, сейсмолог, этнограф и... страницы не хватило бы, чтоб перечислить научные специальности всех бывавших здесь ученых; студенты, альпинисты, сапожных дел мастер, военный топограф, охотник, предлагавший себя в зимовщики, шофер (они являлись обычно толпою), кооператор, лошадиник — специалист по горным породам лошадей, радист, врач со списком заказанных в лучшей аптеке лекарств, портной,

председатель треста и все варианты хозяйственников, репортер, нарком Таджикской Республики, академик, агент треста точной механики, бухгалтер, пограничник, шугнанец — студент Восточного факультета, летчик, взволнованный и разгоряченный аспирант-гляциолог, хладнокровный пожарник, фотограф, свободный художник, шахтер, энтомолог-любитель, статистик и многие, многие другие...

Иногда они приходили порознь, поодиночке. Чаще они вваливались все вместе. Тогда в гуле голосов слышались термины из всех научных и технических словарей сразу. Тогда приносимые образцы, портфели, покупки загромождали входы и выходы и приходилось ходить по комнатам, как по моренам, — перепрыгивая через препятствия. В этой обстановке нам предоставлялось право продуктивно и спокойно работать... переговорив с каждым из пришедших, дав ему совет, указание, расспросив о подробностях дела, узнав самую его суть. Мы работали. Мы разговаривали с посетителями об изотермических вагонах, о звездных хронометрах, о восстановлении разрушенных мостов на реке Мук-су, о тысяче лошадей, закупаемых на Тянь-Шане, о тысяче других полезных и нужных вещей. Вот входит геолог и предлагает новую идею: на всех реках Памира поставить крупные работы по промывке золота — всюду, где его можно предполагать, а предполагать его можно всюду, потому что памирцы намывали золото в своих реках со времен глубочайшей древности и золотоносность памирских рек была известна еще Плинию. Геолог предлагает собрать местных жителей — ведь все они опытные в этом деле, расставить их в намеченных пунктах, дать каждой группе по одному специалисту и тут же, на самом Памире, установить походные лаборатории, чтобы сразу же делать количественные и качественные анализы. Тогда будет полное представление о всех месторождениях золота на Памире. Геолог говорит долго и убежденно, доказывает, увлекается сам. Все сразу загораются этой идеей, подходят к шкафам, роются в книгах, перелистывают их, обсуждают детали. Вот гляциологи рассказывают, как они будут строить на леднике Федченко высочайшую в мире обсерваторию. Идея великолепна, но почти фантастична: можно ли втащить на высоту почти в четыре с половиной километра над уровнем моря, по леднику, сотни тонн груза?

Вот А. Е. Ферсман... Но у Александра Евгеньевича идеи рождались пачками, и мы шутя называли его «фабрикой идей». Кроме Москвы и Ленинграда, дело организации экспедиции творилось еще во многих городах Союза. В Баку, в Одессе, в Керчи, в Таганроге, в Куйбышеве (который тогда еще назывался Самарой) с фабрик, с заводов, с промыслов к вокзалам подъезжали автомашины. Грузились вагоны консервами, рыбой, копченостями, сапогами, — кто запомнит, чем еще? Вагоны шли в Москву или напрямик в Среднюю Азию.

В Средней Азии

А в Средней Азии работа кипела во многих местах. В селении Кочкорка, недалеко от Фрунзе, в пределах Тянь-Шаня, заведующий хозяйственной частью Леонид Маслов, участник нескольких экспедиций на Памир, всю свою жизнь проскитавшийся по среднеазиатским степям и горам, закупал лошадей киргизской горной породы. Не десятки, не сотни — лошадей нужна была тысяча, отборных, здоровых, выносливых. Им предстояло пройти больше пятисот километров по горам до города Оша, где мы должны были распределить их по отрядам. Вторую партию лошадей Маслов отправлял в вагонах до Сталинабада. Я забрасывал Маслова тревожными телеграммами: «Нам ничего не известно о лошадях. Сколько их? Сколько за них уплачено? Отправлены ли они в Ош автомобилем? По какому маршруту? С каким сопровождением? Когда? Организована ли их охрана? Когда будут в Оше? Какое нужно содействие? Нужно ли распоряжение о предоставлении вагонов Турксибом?». И Маслов в ответ слал «молнии»: «Лошадей отправляю 247 зпт отряд семь человек зпт погонщиков двенадцать остаюсь дополучать маслов». «Выступили нарына следуют курорт через перевал конвой добротряд сам остаюсь дополучать лошадей маслов». Однажды пришла «молния» странного содержания: «Сообщаю сотрудник маслов номер 9 лошадей принимаю сам маслов». Перед тем мы запрашивали номер контокоррентного счета Маслова, для того чтоб перевести ему сорок тысяч рублей. Но был у завхоза Леонида Маслова старший рабочий Егор Маслов — мой старый знакомый по прошлым экспедициям на Памир, которого я пригласил на должность повара в ту экспедиционную группу, которую должен был вести на Памир сам. Этот Егор Маслов был опытейшим экспедиционным рабочим. Тринадцать лет подряд участвуя в различных научных экспедициях, ездил он по Памиру, Тянь-Шаню, Монголии и Кашгарии. Бывал во всяческих переделках, знал несколько восточных языков, был подлинным знатоком лошадей. Жил он в городе Караколе, недалеко от Кочкорки и Фрунзе, и потому я временно назначил его помощником к Леониду Маслову. Мы перевели на контокоррентный счет № 9 сорок тысяч рублей, но у меня тут же возникло сомнение в правильности телеграммы. Мы несколько раз проверяли ее, однако почта неизменно уверял нас, что наши сомнения напрасны. Через неделю пришло письмо от Леонида Маслова с извещением о том, что в телеграмме вместо слова «номер» должно быть «помер» и что Егор Маслов умер девятого числа, схватив воспаление легких после падения

с автомобиля в холодную горную реку. Мне было искренне жаль Егора Маслова, он был прекрасным работником, верным товарищем, честным и хорошим человеком и совершенно неутомимым спутником в самых тяжелых странствиях по горам...

Огромная работа велась в Оше и в Сталинабаде. Здесь создавались основные, как их называли, исходные, базы экспедиции. Маленький город Ош Киргизской Республики, как и во всех прежних экспедициях на Памир, был пунктом, где нанимались караваны, — здесь были кадры проверенных длительными путешествиями караванщиков; сюда к 1932 году была проведена железная дорога от станции Карасу, и потому естественно было основную базу для отрядов, отправляющихся на Памир, создать, по примеру прошлых лет, именно здесь. Маленький дом ошского агронома Кузьмы Яковлевича Жерденко, на берегу реки Ак-Бура, по традиции был пунктом сбора всех сотрудников памирских экспедиций. В саду и на просторном дворе устанавливались палатки. Кладовая и кухня дома заполнялись экспедиционными грузами, — на этот раз грузов, однако, было столько, что они заняли огромную территорию вдоль всего берега реки Ак-Бура. Дом, сад и двор Жерденко были превращены в территорию стройки огромной базы. Здесь к приезду отрядов должны были вырасти склады, столовая, контора, гараж, общежитие, конюшня, пекарня и мясосушилка. Жерденко, приглашенный в состав экспедиции на должность заведующего ошской базой, получил распоряжение построить все за месяц. В Сталинабаде опорного пункта не было. Через Сталинабад должна была пройти почти половина отрядов южного и центрально-таджикистанского направления. Для организации базы был арендован дом Тропического института, один из немногих крупных домов быстро строящейся молодой таджикской столицы. Сюда заведующим сталинабадской базой экспедиции был направлен ее парторг — человек твердого характера, энергичный, прекрасный организатор. Он быстро создал базу и потом все лето планировал работу экспедиционных отрядов, выступивших в долины и горы из Сталинабада. К началу полевой работы была создана и третья исходная база, в городе Пенджикенте — для отрядов, направлявшихся в Кухистан — в верховья Зеравшана, на Ягноб, в ущелья Туркестанского, Гиссарского и Зеравшанского хребтов. Здесь вся организационная работа была поручена местному гидрометеорологическому комитету. Кроме этих исходных баз, было организовано множество полевых баз в горных кишлаках, на пограничных заставах, а иногда и просто в безлюдных местах у пастбищных площадок и у берегов рек. Сюда заблаговременно забрасывались мука, фураж, рис и другие тяжелые грузы. К маю важнейшая часть всей организационной работы в Москве и на базах была закончена.

Последний месяц...

В специальном постановлении Совнаркома СССР о Таджикской комплексной экспедиции, признававшем за экспедицией всесоюзное значение и устанавливавшим основные направления ее работы, был пункт, которым Управление автомобильной промышленности обязывалось выделить экспедиции шесть полутонных автомашин. Мысли об автомобильном транспорте мучили нас перед тем долгое время. Можно или нет организовать на Памире автомобильные перевозки? Единственный автомобильный тракт Ош–Хорог еще только начинал строиться. Некоторые специалисты утверждали, что попытка пустить на Памир — на высокогорный Памир — автомобили в лучшем случае легкомысленна; что все машины, бесспорно, будут погублены и вообще не дойдут до Памира, потому что разве мыслимо одолеть огромные памирские перевалы, бешеные памирские реки, узкие каменистые ущелья и многие другие препятствия? Первое время руководство экспедиции колебалось. Геолог Юдин и я были, однако, яркими сторонниками участия в экспедиции автомобильного транспорта. У нас были веские основания. В 1931 году мы вышли из Оша на Памир вместе с караваном Памирского погранотряда, которому тогда предстояло поставить на Памире заставы там, где их прежде не было, и закрыть государственную границу. Начальник Памирского погранотряда, приняв поданную нами идею, рискнул взять на Памир две грузовые автомашины. Решили, что они пойдут самоходом до тех пор, пока непреодолимые препятствия не заставят разобрать машины и погрузить их на верблюдов. Превосходные водители Гончаров и Стасевич — рядовые андижанские шоферы — сговорились между собой, что ни при каких обстоятельствах не допустят разборки машин. Автомобили шли впереди каравана и дожидались его на ночлегах. Препятствий было великое множество, и об этом походе дальше, в этой книге, я расскажу подробнее. 14 июля 1931 года обе машины в целости и исправности самоходом пришли в Мургаб — впервые в истории Памира. Я присутствовал при великолепной, торжественной встрече, которая была организована населением Восточного Памира. Оба автомобиля остались здесь и успешно работали на Памире все лето и осень до закрытия перевалов. Об этом мало кто знал. Газеты сообщили об этом в кратких заметках. А дело это было огромной важности. Юдин и я наблюдали весь поход тех двух машин, в отдельных местах сами ока-

зывались их пассажирами и потому были убеждены в том, что и в наступившем году автомобили нашей экспедиции будут работать не хуже. Нам удалось настоять на своем, хлопоты, как и следовало ожидать, увенчались успехом. Мы получили с Горьковского завода шесть новеньких полуторатонных машин с запасными частями, с солидными нарядами на горючее. Лучшие автомобилисты Москвы добивались чести стать водителями этих машин. К середине мая отряды экспедиции один за другим двинулись из Москвы.

В окончательном плане работ значилось семьдесят два отряда, в которых оказалось двести девяносто семь научных работников, триста пятьдесят караванщиков и постоянных рабочих, до четырехсот временных местных рабочих. Задачи экспедиции определялись краткой формулировкой: «изучение производительных сил Таджикистана в целях наилучшего использования их во втором пятилетнем плане социалистического строительства». Вся работа экспедиции должна была опираться на хорошие топографические карты. А на Памире было еще много белых пятен. Ликвидировать их, составить точнейшие карты предстояло четырнадцати отрядам, возглавляемым видным топографом И. Г. Дорофеевым, которому в Памирской экспедиции 1928 года удалось хорошо исследовать бассейн ледника Федченко и сделать подробную карту этого бассейна, применив вместе с немецкими участниками той экспедиции впервые в СССР метод стереофотограмметрической съемки.

Идея комплексного, всестороннего изучения страны, как показало будущее, нашла самый живой, самый горячий отклик не только в учреждениях и общественных организациях Таджикской Республики, но и среди дехканства, среди жителей самых затерянных, самых глухих горных кишлаков. Где-либо на самой границе Афганистана, в каком-нибудь еще не обозначенном на картах кишлаке, жители, вчера еще не знавшие, что такое оконное стекло, поклонявшиеся «живому богу» исмаилитской религии, собирались толпами вокруг сотрудников экспедиции, едва те появлялись там, слушали лекции профессоров о полезных ископаемых, о кормах, о будущих гидроэлектростанциях. И после такой лекции горные пастухи, садоводы и землепашцы организовывали при сельсоветах ячейки содействия экспедиции, несли в сельсоветы образчики горных пород, редких высокогорных растений... Такое отношение местного населения к экспедиции было результатом огромной разъяснительной работы местных партийных и комсомольских организаций. К концу мая почти все отряды прибыли в Ош, в Сталинабад, в Пенджикент. В июне они приступили к полевой работе.

В Сталинабаде

18 мая 1932 года в автомобиле, мчавшемся полным ходом к Казанскому вокзалу, я еще диктовал Ольге Александровне Крауш, остававшейся вместо меня в Москве, все, что поручалось теперь другим. А Ольга Александровна, прощаясь, заботливо сунула мне в руку листок, на котором был записан ею мой ташкентский хорошо известный мне адрес. Она была права: как и все мы, я так переутомился, что даже мой собственный адрес мог забыть. Я ехал в Ташкент, откуда мне предстояло вылететь в Сталинабад, чтоб сделать доклад таджикскому правительству. Оттуда я должен был вернуться в Ош и, отправив на Памир все отряды, выехать с последним из них сам. С моим отъездом в Ташкент экспедиция для меня началась. И она действительно уже началась.

Англичане, создавая первую экспедицию на Чомолунгму (Эверест), готовились к ней ровно три года, но хорошо организовать ее не сумели. Подготовка бесконечно большей по объему работ Таджикской комплексной экспедиции продолжалась ровно пять месяцев. Благодаря вниманию к ней правительства и энергии ее научного руководства организована она была превосходно.

Летим в Сталинабад. Через полтора часа пути, после посадки в Самарканде, потянул резкий, холодный ветер от вечных снегов. Мы вплотную приближались к острозубому, сверкающему снежными склонами Иллик-Башу. Через четыре минуты нетающие снега оказались внизу, а перед нами, в упор — ледяная стена, и еще через минуту спиралью, обжимаемые шершавыми, отвесными скалами, мы тянемся вверх, как дым в трубе, — к свободному воздуху. Нам не хватает высоты, и об этом, отскочив от скал, будто сотней ревущих моторов, угрожающе гремит эхо... Нам не хватает высоты, и целые три минуты мы кажемся себе маленькими. А потом небо скатывается вниз, все плоскости перемешиваются, как в кино, когда обрывается лента, и, высунув голову из окна кабины, я вижу поползший вниз серебряный склон. Это значит: мы начали переваливать. Дует очень резкий, морозный ветер. Еще две минуты под очень крутым углом наш «Л-741» карабкается на перевал, потом сразу Иллик-Баш обрывается отвесной, дикой, скалистой грядой, под нами долина знойного Ширабада, нас качает, и мы ложимся на прямой курс, наперерез горам, на Сталинабад. Через час полета над зубцами хребтов, выключив все три мотора, мы идем на посадку. Поле красных маков встает дыбом, но вот колеса уже бегут по земле и маки сливаются в красное полотнище.

Сталинабад... Сколько раз я бывал в этом городе, и всегда все в нем по-новому. Ни улиц старых не узнаю, ни целых кварталов. Новые дома, сады, проспекты. Там, где в тридцатом году я проезжал верхом, видно двухэтажное белое здание. Там, где в тридцать первом году я спал в чайхане, сейчас проходит автобус. Вот только жара в нем всегда неизменная. Впрочем, и она через несколько лет, когда подрастут насаженные повсюду деревья, станет, конечно, не так ощутима. В тридцатом году я сам, как и все приезжавшие в Сталинабад — город, только что получивший свое новое гордое название, — посадил несколько деревьев. Я их не искал сейчас, но не сомневаюсь — они растут. Автомобиль мчится по городу весь в клубах лессовой пыли. Здесь будут улицы, залитые асфальтом, здесь вдоль улиц будут аллеи тенистых деревьев, здесь пустыри исчезнут, а вместо них сомкнутся ряды красивых домов... Сейчас год 1932-й. Столица Таджикистана вся в стройке, вся в будущем, но уже и сейчас она приобрела очертания большого города. Меня везут в дом отдыха, что устроен в Варзобском ущелье, в старинном кишлаке Варзоб-кала. Там мне предстоит встречаться со всеми людьми, с которыми надо беседовать об экспедиции. Миновав город, едем дальше по сузившейся, подступающей к горлу ущелья автомобильной дороге. Это начало нового автомобильного тракта, который, прорезав два огромных хребта — Гиссарский и Зеравшанский, выйдет напрямую к Ура-Тюбе и далее, через Урсатьевскую, к Ташкенту. Вместо тысячи двухсот километров — всего двести восемьдесят. Вместо двух суток пути по железной дороге, огибающей эти горы, всего лишь день автомобильного путешествия. Дорога проложена только на сорок километров, и чем дальше она врежется в горы, тем больше тонн аммонала и динамита нужно на каждый новый километр. Холмы вырастают в горы, река уже бурлит по камням, мы едем ущельем. Неожиданно слева от дороги — огромный лагерь палаток, мешанина вагонеток, машин, инструментов, железного лома, а через реку — висячий на тросах мост.

Это все — Варзобстрой, строительство Варзобской гидроэлектрической станции, которая будет питать ток город Сталинабад. Белые дома, кооператив, клуб, почта, столовая, красные плакаты на въездной и выездной арках поселка, оживленные люди. Три года назад ущелье в этом месте было первобытным и диким. Навстречу машине идут рабочие, едут путники на ослах. Над нами скалистые стены ущелья, и каменистая узкая дорога петлит над громающею рекой. И вот — мост. Древний мост из ветвей и качающихся под пешеходом бревен. Мост, по которому только в поводу можно перевести осторожную лошадь. Выхожу из машины, вступаю на мост. Несколько красноармейцев сидят под деревом в группе дехкан — взрослых и детей: импровизированный урок грамоты. У дехкан в руках буквари; красноармейцы терпеливо исправляют ошибки. Дехкане — в халатах, в обуви из козлиных шкур. За мостом срываю с деревьев сладкие ягоды тута, прыгаю через ручьи, пересекаю маленький горный кишлак, такой же, как все горные таджикские кишлаки. Здесь — покой, особенный, безмятежный. Навстречу поднимаются белобородые, словно сошедшие со страниц Библии, старики. Здороваются, прикладывая ладони к груди, подходят, жмут руку, разговаривают просто, будто с соседом по дому. Старинный кишлак Варзоб-кала — древняя крепость. Оазис гигантских платанов среди скал и журчащих ручьев. Небольшая ограда; над калиткой полощется красный флаг; под платанами ровная, как бы выутюженная площадка, на ней наискось — шесть больших палаток, за пологими видны железные кровати, — это дом отдыха, в котором меня встречает таджик, коренастый и крепкий, темнолицый, приветливый, в защитных армейских галифе и гимнастерке. Он заведует домом отдыха. Площадку омывает бурливая речка Оби-Замчируд, глубоко прорезавшая это ущелье. Над речкой большой камень, плоский, черный камень, на нем ковры, одеяла и подушки. На коврах и подушках — работники Таджикской республики, русские и таджики, все в белом — летом в городе жарко. Многие деловые встречи происходят здесь. После обеда — разговор о делах. Обсуждается план работ экспедиции, это, так сказать, предварительное обсуждение. Официальный доклад будет в Сталинабаде. Речь заходит о месторождениях полезных ископаемых. Один из сидящих рядом дехкан вмешивается в беседу. Выясняется, что он любит камни, что он многое знает, что дома у него в соседнем кишлаке есть какие-то образцы.

— Товарищ Абдукагор, — обращается к нему мой сосед, — вы, значит, местный геолог? Абдукагор не знает, что значит слово «геолог», но охотно рассказывает все, что ему известно. И я с его слов записываю сведения о старых коях в пяти километрах от кишлака Гаджни, о следах древних разработок в Такобе¹, и в кишлаке Демаян, и в Куй-Тепе, что расположено в четырех километрах выше кишлака Бегар, и о какой-то обнаруженной при постройке дороги двадцатиметровой жиле против кишлака Бега... Это все надо выяснить. Может быть, и действительно, расспросные сведения помогут нашим геологам отыскать таимые горами полезные ископаемые? В районе Варзоба будет рабо-

¹ Теперь на этом месте работает один из гигантов таджикской индустрии — Такобский комбинат, вступивший в строй в 1948 г.

тать геохимическая партия Поляковой. Надо ей сообщить. Абдукагор берется проводить «инженера» к указанным им месторождениям.

Мы идем осматривать ближайший кишлак. Кругом острозубые, скалистые горы. Со всех сторон дикие горы. Я в самом сердце страны, в еще не обжитой глуши, и кажется, брожу по горам уже долгие месяцы. Неужели сегодня, еще только сегодня, я был в Ташкенте? В огромном культурном центре, где ходят трамваи, где советские учреждения ничем не отличаются от московских, где три четверти жителей не представляют себе таких, как эти, диких, скалистых гор? Какой длинный сегодня день! Вечером меня зовут к дастархану. Под платанами, на площадке, огромный ковер. По краям — одеяла, между одеялами скатерть, уставленная фруктами, мясными блюдами, салатами. Мы пьем и едим, отрываясь только для тостов. У края ковра располагаются музыканты — дехкане, и один из них, бренча на дуторе, поет песню, часть которой можно перевести вот так:

Узнай мою родину, —
Она на истоках самого Бадахшана.
Между розовых скал
Бьется чистый ручей.
Узнай мою родину, —
В ней солнце скрывается рано.
В ней за целую ночь не устал
Петь о легкой любви соловей.
Узнай мою родину, —
Здесь, под тенью платана,
Я сегодня слышал
Разговор об отчизне моей.
Узнай мою родину, —
Я и сам никогда не устану
Петь о том, чем он стал, —
Бадахшан без богов и царей...

Певец трясет головой и качается. Он сидит, широко раздвинув колени. Песня его нескончаема. Он оставляет дутор и объясняет, смеясь:

— Это начало. В три дня можно кончить. Если ты решишься слушать, то к восходу солнца я могу кончить.

— А музыка чья? — улыбаясь, я спрашиваю его.

Он смотрит на меня веселыми глазами и молчит.

— Его, это его музыка! — говорит за него мой сосед.

Имя певца — Алим. Усто Алим, что значит «мастер Алим».

— Его профессия?

— Он блюдо делает. Понимаете? Деревянное блюдо.

Я хочу посмотреть на изделия его рук. Прошу его принести образцы. Старик поднимается и уходит.

— Почему же сейчас? Почему не потом?

— Ему завтра надо рано идти на пастбище.

Два других музыканта поют и играют «Гороулы» — «Сын гроба», «Оля миор» — «Мир — его друг» и другие длинные песни. В песне встречается слово «бог». Мы говорим о боге. Музыкант перечисляет его имена: рахим — милосердный, рахман — милостивый, джалиль — сверкающий, каллог — создатель, раззог — всепитающий... Музыкант неожиданно прерывает перечисление:

— Вот скажу: бог слышит, но ушей не имеет; видит, но глаз не имеет; кушает, но рта не имеет; дышит, но сердца не имеет; думает, но головы не имеет... это последнее правильно!

Общий смех, и мы продолжаем чаепитие.

Сталинабад. Здесь создается Таджикская база Академии наук СССР. Председатель базы академик С. Ф. Ольденбург. Заведующий геологическим сектором — Г. Л. Юдин, ботаническим — Б. А. Федченко. Белый одноэтажный дом. В нем сейчас организационный хаос. Груды ящиков, мебели, книг. Все еще не устроено. Между ящиками, раздвинув их, уместились кровати — сотрудники базы еще не наладили свою жизнь. База и экспедиция находятся в тесном взаимодействии и в меру сил помогают друг другу. Больше того, база Академии наук не могла бы быть создана, если б не опиралась на работы сотрудников экспедиции. А недостроенный дом Тропического института, в котором поместились уходящие в «поле» отряды экспедиции, пребывает в еще более взъерошенном

виде. Нештукатуренный, весь в дранке, с незастекленными окнами, этот двухэтажный дом, однако, уже заполнен людьми и всяческими припасами. В нем обитают энергетики, этнографы, геохимики. На пустыре перед домом пылают костры, на кострах чернеют казаны, в них булькает и пенится суп. Дальше на коновязи стоят лошади, приводимые с пастбища. Они худы, тощи после железнодорожного путешествия из Фрунзе, их надо откармливать. Между базой экспедиции и базой Академии наук белеет общежитие таджикского правительства. Это третий угол треугольника, составленного маршрутами, по которым с утра до вечера носится предоставленная мне автомашина. В Сталинабаде побывал академик А. Е. Ферсман. Ему показали образец руды, только что найденной таджиком-деханом в верховьях Харангона. Ферсман дал определение образцу, направил на Харангон научных сотрудников.

Список называемых дехканами месторождений все увеличивается. В Бальджуане, в горах Каль-а-ги называют несколько месторождений металлов. Неподалеку от Варзоба называют ценный минерал. Каждый день указания умножаются. Обо всем этом надо подумать, это все надо проверить.

И вот, наконец, официальные доклады об экспедиции в Совнарком и на пленуме Сталинабадского горсовета. Выслушать и обсудить доклады собралось больше двух тысяч дехкан из окрестных селений. В постановлении пленума — горячие приветствия экспедиции и множество пунктов, обещающих нам всяческое содействие. Прямо с пленума колхозники уносят в дальние горные кишлаки весть о том, что без них, без широких народных масс, никакое научное знание не может проникнуть в толщу древних загадочных гор. Период торжественных встреч и торжественных взаимных обещаний кончился. Надо немедленно приступать к исполнению обещаний. Спешу в Ош.

В Оше

Здесь уже почти все готово. Целый город вырос на территории ошской базы. Многие десятки палаток, заняв весь двор, спустились на берег реки Ак-Бура, заполнили его на полкилометра вширь. Сотни людей хлопочут, напряженно работают, волнуются в этом городе. Каждый день прибывают все новые люди, все новые грузы. Кроме всех других задач, на организаторах экспедиции лежит еще одна большая задача — обезопасить полевую научную работу от всяких случайностей. Многим отрядам предстоит заниматься исследованиями вдоль самой границы с Кашгарией и Афганистаном. Памир сам по себе совершенно мирен и тих. Времена басмачества кончились. Никаких басмаческих банд в наших пределах нет и не предвидится. Но никто не может гарантировать, что не будет вражеских наскоков из-за границы. Мирная работа нашей экспедиции, как всякая работа, связанная с интересами социалистического строительства, неминуемо должна вызывать злобу и ненависть классовых врагов, зарубежных империалистов. Нам следует быть начеку. Поэтому для охраны экспедиции дается несколько взводов пограничников, а сама экспедиция военизируется: все сотрудники получают оружие. В ошской базе под руководством командиров Красной Армии проводятся учения. В лагере соблюдается воинская дисциплина. Установлены постоянные ночные дежурства. Однажды утром, в середине июня, телефон сообщает о прибытии в Ош нашей автоколонны. Весть облетает палатки, люди спешат из палаток на улицу, нетерпеливо расхаживают по аллее гигантских тополей. Вдали, между тополями, показывается облако пыли.

— Идут!.. Идут!..

Автоколонна быстро к нам приближается. Все шесть автомобилей движутся плавно, как эскадра, один за другим, с равными интервалами. На первой машине развевается большой красный флаг. С протяжным, торжественным ревом сигналов эскадра автомобилей подходит к нам полным ходом; соблюдая те же интервалы, замедляет ход, разворачивается и стопорит, тщательно выровнявшись по фронту. Гудки смолкают разом, и встречающие, не сговариваясь, кричат: «Ура!». На кузове каждой машины внутри большого белого круга крупными буквами сверкает обозначение: «ТКЭ» и стоит порядковый номер. Из машины № 1 выходит в элегантном белом костюме начальник автоколонны Г. Н. Соколов, в далеком прошлом летчик, в недавнем — участник Памирской экспедиции 1928 года, ловец диких зверей, отправлявший их в Зоологический сад Москвы. Все водители выстраиваются, каждый перед своей машиной. Каждый — в синей, новенькой, с иголочки, тщательно выутюженной спецовке. Г. Н. Соколов берет под козырек и отчетливо рапортует о прибытии автоколонны ТКЭ из Москвы. Только сегодня утром машины выгрузились с железнодорожных платформ. Ошские жители толпятся вокруг, с любопытством разглядывая новенькие, безукоризненно чистые машины и удивляясь этому неожиданному параду. Ошские шоферы — водители старых, тархтящих «гробов», грязные, как и их машины, сбежались сюда и обсуждают происшествие с деланной насмешливостью и плохо скрываемой завистью:

— Гляди, какие приехали! Фасон развели: москвичи!.. По асфальтам привыкли кататься!.. А только посмотрим на их физиономии примерно через неделю... Все машины погробят, все под обрывами будет валяться. Тогда увидим, какой у них парад будет. Это им не Москва!

Ошские шоферы не знают, что автоколонну ТКЭ организовал московский совет Автодора; что водители выбраны из лучших московских шоферов; что чести завоевать автомобилем Памир добились в Москве многие гонщики и инженеры-автомобилисты. И мрачным предсказаниям ошских водителей, как показало будущее, не суждено было оправдаться: все шесть машин работали на Памире превосходно, ни одна не имела значительных аварий, две машины осенью совершили поход Памир — Москва.

Первые отряды, снарядив караваны, уходят. Тем временем грузы продолжают прибывать и не хватает еще только плащей, брезентов и выючных ящиков. Это «только» — очень существенное: в Алае идут проливные дожди. Как спасти от них сахар, фотопластинки и все, что боится сырости и воды? Выючные ящики, которые есть в Оше, приходится распределять между уходящими отрядами с большим выбором. Ошский телеграф перегружен «молниями» и срочными телеграммами экспедиции. Наконец прибывают и ящики, и плащи, и брезенты. Караваны на Памир уходят один за другим, каждая группа сотрудников получает верховых и выючных лошадей, и, конечно, споров, обид, недовольств среди любителей лошадей много.

Часть геологов уезжает к Заалайскому хребту на автомашинах. К концу июня ошская база пустеет: здесь остаются два-три последних отряда да огромный караван центральной группы с небольшим количеством сотрудников. В этом караване — все дефицитные продукты, специальное, особо высокогорное альпинистское снаряжение, оружие, запасы патронов, точные приборы, которые нужно будет раздать отрядам на самом Памире. С караваном центральной группы идут шесть фототеодолитных отрядов и лазуритовый отряд, направляющийся на Южный Памир к месторождению ляпис-лазури, открытому Юдиным, Хабаковым и автором этих строк в 1930 году. В составе центральной группы — ботаники, зоологи, фотограф В. Лебедев, художники П. Староносков и Н. Котов и три геолога. Задача центральной группы, помимо собственных исследований в пути, инспектировать работу всех отрядов экспедиции на местах. Поэтому маршрут центральной группы самый извилистый и протяженный. Все перечисленные отряды и центральная группа выходят на Памир одной огромной колонной. Она называется центральной объединенной колонной. Начальником этой колонны назначен я. Это назначение, чреватое хлопотами и множеством новых бессонных ночей, не доставляет мне удовольствия. Но что поделать? Принимаю его без возражений в надежде, что на самом Памире мне удастся заняться и собственными географическими исследованиями, о которых все эти месяцы я мечтал, а также сбором этнографических коллекций для Музея этнографии. Мы выступили в путь 29 июня. Наш караван состоял из ста шестидесяти выючных лошадей и тридцати всадников. Наш путь пролегал через знакомые мне по прежним странствиям Гульчу, Суфи-Курган, Алайскую долину и Заалайский хребет — к Мургабу. В Суфи-Кургане в состав колонны включился кавалерийский взвод пограничников под командой И. Н. Мутерко, с которым у меня сразу же установились самые приятельские отношения. Подо мной был добрый киргизский конь. И когда я оказался в седле, до предела измотанный полугодовой организационной работой, я впервые за многие месяцы легко вздохнул.

Прародитель будущей академии

Я не ставлю своей задачей описать все работы Таджикско-Памирской экспедиции за шесть лет ее существования. Научные результаты работ ТПЭ изложены в «Трудах экспедиции», составляющих целую библиотеку, в которой больше сотни томов. Коротко изложу самое главное. Только в 1932 году за шесть месяцев полевых работ — от открытия до закрытия перевалов — экспедиция, если вытянуть в ниточку все маршруты, прошла сто тысяч километров пути и исследовала на территории Таджикистана площадь в сто тысяч квадратных километров. Места, еще за несколько лет перед тем не нанесенные на карты, никем не изученные, оказались центрами оживленной деятельности. Легендарные, считавшиеся недоступными перевалы, ледники, такие грандиозные ледопады, как Кашал-аяк, стали торными дорогами научных работников. Не все белые пятна были раскрыты экспедициями предшествовавших лет. Районов, никогда прежде не посещенных исследователями, оказалось еще достаточно. На Северо-Западном Памире, к западу от пика Гармо, сплелись в запутанный узел Заалайский хребет, хребет Петра Первого, меридиональный хребет Академии наук и ответвляющийся от него Дарвазский хребет. Средоточием этого узла, там, где сходятся хребты Академии наук и Петра Первого, оказалась исполинская, необычайной высоты вершина. В 1928 году эту вершину издали сочли пиком Гармо. В 1932 году обнаружилось, что тогда двумя группами экспедиции за пик Гармо были ошибочно приняты две разные вершины, что под-

линый пик Гармо (названный перед тем пиком Дарваз) имеет высоту всего 6 615 метров. А к этой венчающей памирские выси вершине никому еще подойти близко не удавалось. Ее высота была определена в 7 495 метров. Этой высочайшей в Советском Союзе вершине дано было название — пик Сталина. Результаты всех работ экспедиции за 1932 год были огромны. Были изучены флора и фауна республики, определены и подсчитаны кормовые и топливные запасы, гидроэнергетические ресурсы рек, выяснены перспективы освоения неорошенных земель, собраны значительные материалы по этнографии. И самые важные результаты были достигнуты в области геологии и геохимии.

Изучая горообразующие процессы, ученые установили, что возникновение многих памирских гор связано с явлениями вулканизма, что существует зависимость между этими явлениями и образованием многочисленных, найденных экспедицией рудных месторождений. И если раньше в геологии господствовала теория о «нищете» горных недр Средней Азии, об ее «металлической» бесперспективности (эта теория была создана еще до революции иностранцами), то теперь на основании блестящих открытий, сделанных экспедицией, была выдвинута, развита и доказана новая, советская теория, открывавшая исключительные перспективы для использования рудоносности гор, и не только Таджикистана, а именно всей Средней Азии. В частности, были определены практические возможности промышленного развития Таджикистана, превращения его в страну с богатой, развитой индустрией. Огромные теоретические и практические знания, приобретенные в 1932 году, требовали детализации и углубления дальнейшей работы. Поэтому сразу двинулась, оказалась насыщенной и целеустремленной работа созданной в Сталинабаде в том же году Таджикской базы Академии наук СССР — зародыша будущей, собственной республиканской Академии наук. Важнейшими секторами базы стали геологический и ботанический. И потому же экспедицию в тех же масштабах решено было продолжить в следующем году.

Весной 1933 года в Ленинграде в Академии наук СССР состоялась конференция по изучению производительных сил Таджикистана. В конференции участвовало несколько сот человек — виднейшие ученые, научно-исследовательские работники, сотрудники экспедиции 1932 года и предстоявшей экспедиции 1933 года. На основе добытых исследователями и обсужденных на конференции научных материалов советским правительством было определено направление всей дальнейшей практической народнохозяйственной деятельности в Таджикистане. Во всем Советском Союзе в том году вступала в действие вторая пятилетка. В Таджикистане, как и везде, она была прочно обоснована последними данными советской науки. Весной 1933 года вся экспедиционная громада снова двинулась из исходных баз на Памир, в Каратегин и Дарваз, на Вахш и на север республики — во все горы и все долины стремительно развивавшегося Таджикистана. Население этих гор и долин, в том году уже почти всюду, кроме Памира, объединившееся в колхозы, по-прежнему не только приветливо встречало сотрудников экспедиции, оказывало им содействие и помощь, но и само повсюду включалось в работу экспедиционных отрядов.

Так зарождались кадры местных экспедиционных работников-таджиков. Многие из них впоследствии окончили специальные учебные заведения, стали научными работниками, молодыми учеными. В этот и в следующие годы на основе работ ТПЭ и благодаря энергичной инициативе ученых, принимавших в ней участие, в Таджикистане начали развиваться и умножаться стационарные научные учреждения, превратившиеся впоследствии в многочисленные научные и научно-исследовательские институты. Большинство их позже вошло в комплекс, объединяемый сначала базой, потом, с 1940 года, Таджикским филиалом Академии наук СССР и, наконец, созданной в Сталинабаде в 1951 году Академией наук Таджикской ССР. Прародителем ее была ТКЭ. Вот почему я решил рассказать читателю об истории организации этой замечательной экспедиции. И теперь я могу вернуться к 1930 году, когда вся наша маленькая геологическая экспедиция состояла только из трех ленинградцев да фрунзенского рабочего Егора Маслова и повара-узбека Османа.

Источник: «Путешествия по Памиру». Павел Лукницкий. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1955 г.

<https://silkadv.com/ru/node/3906>

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– статьи в научных журналах:

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. *Манойло А. В.* Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 3 (29)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
О. Д. ПОЛЕЖАЕВА
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru

Корректор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 00.00.2019.
Подписано к печати 00.00.2019.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7. Тираж экз.
Заказ № .

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления — Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72